

A movie poster for the film 'The Chosen'. The top half features a close-up profile of a woman, Erica O'Rourke, looking down. The bottom half features a man in a dark, heavy coat looking forward. The background is a bright, hazy landscape.

Эрика
О'Роурке

ИЗБРАННАЯ

Трансцендентная романтика для нового поколения.

Двое мужчин. Два мира. Одно решение. Мо Фитцджералд хотела вести нормальную жизнь. Но когда ее лучшая подруга убита, а на нее охотятся таинственные тени, ничто не может остаться прежним. Мо знакомится с миром, в существование которого никогда не верила. Внезапно девушка оказывается в самом сердце войны таинственных магических сил. Теперь она должна решать — между двумя мирами, двумя судьбами и двумя одинаково прекрасными, но в тоже время опасными мужчинами...

Эрика О'Роурке

Избранная

Переводчики:

Odergimaja, MURCISA, LorkaV, kleinesonne

Редакторы:

Наталья Гардер, Одержимая, Анастасия Графская

Глава 1

Я проснулась от запаха лизола прямо к концу света. В оправдание могу сказать: на тот момент я не знала, что это был конец света. Я не знала ничего, и так было гораздо лучше, как говорят: «Незнание спасло бы».

Комната выглядела как палата реанимации, которую я видела по телевизору, с единственным отличием, что я находилась там: светло-голубые шторы вместо стен, катающиеся шкафы снабжения, которые были обозначены черным фломастером и лентой, комнатный потолок с пятнами от воды на звукоизолирующих дисках и мерцающее неоновое освещение.

Настенные часы показывали 00:38. Работа в отделении реанимации проходила в ночном режиме; шум и суета были слышны за занавесками, которые окружали меня с трех сторон.

Я постаралась приподняться с кровати и сесть, но это оказалось плохой идеей, и я снова опустилась, тяжело дыша. Боль была везде и разливалась волнами по всему телу, как озеро Мичигана при шторме, а комната по краям стала чернеть.

Я попыталась вздохнуть и не застонать, но не получилось.

Я должна найти Верити, несмотря на то, что не могу шевелиться, а дыхание причиняет боль. Если я здесь, она тоже, и дела у нее гораздо хуже, чем мои. Это, по крайней мере, я помнила.

Вибрирующая темнота надвигается как ворон, достаточно большой, чтобы закрыть свет уличного фонаря и неоновой вывески. Приближается глухой грохот, как поезд чикагского метро, гром вдалеке, который становится громче надвигаясь, пока он не оказывается в непосредственной близости так, что его чувствуешь в груди, и никто не может сбежать от этого. Верити с бледным лицом и горящими глазами отталкивает меня, и перекрикивает шум:

— Беги, Мо! Беги уже, проклятье! Затем крик, и когда я прихожу в себя, она лежит на земле, медный запах крови и страха наполняет воздух, мои руки до локтей красного цвета.

— Держись, Ви, не уходи, не уходи же, кто-нибудь, пожалуйста, Боже! Помоги нам, пожалуйста, не уходи...

— Никаких посещений, пока врач не разрешит, — сказала женщина в проходе и вернула меня назад в реанимацию. Две пары ног стояли перед моей комнатой, ступни и голени можно было рассмотреть под кромкой занавесок. Те что слева, в розовом костюме — медсестры и белых найках, а справа темно-синие брюки и стоптанные, крепкие черные ботинки. — Кроме того, она все еще без сознания.

Не задумываясь, я закрываю глаза. Занавес зашелестел, его открыли и снова закрыли. — Теперь довольны? — спросил розовый костюм медсестры. — Она скоро проснется. Я дам вам знать.

— Вы видели другую? — поинтересовались синие брюки с хриплым южным акцентом. Их голоса затихали, когда они удалялись.

Я открыла глаза и постаралась прислушаться. Розовый костюм медсестры молчал.

Он спросил снова. — Семнадцать лет. Семнадцать. Парень все еще свободно бегаем вокруг. И вы хотите, чтобы я сидел здесь, пока он снова мучает кого-то? Другую юную девушку?

Верити. Она была здесь, и они оба знали, где. Не обращая внимание на боль в плече, я

медленно, очень медленно села, и прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать. У меня на пальце находился пластмассовый зажим, и провода тянулись к мерцающему монитору.

Если я сниму зажим, они могут узнать, что я просыпалась, и синие брюки захотят со мной поговорить. Сначала я должна поговорить с Верити.

Воспоминания о ней подкатывали к горлу. В течение минуты я могла лишь пристально смотреть на свою руку, которая была перевязана несколькими слоями бинта. Выше на моей руке виднелись засохшие царапины красно-бурого цвета, которые оставляли следы на белой простыне. От их вида мне стало дурно, и краем простыни я терла их, пока они почти не исчезли.

Затем я свесила одну ногу с края кровати и хотела придвинуть к себе монитор, который находился на тележке с роликами, но голос поблизости медленно сказал:

— Лучше этого не делать.

Я повернула голову. Снова меня окутала непроглядная тьма, и я стала моргать до тех пор, пока она не исчезла. В углу комнаты стоял человек, одетый как врач, держа руки в карманах и облокотившись на тележку.

Бесшумно и ловко он подошел ближе к изголовью кровати и остановился в паре сантиметров от нее. И хотя мне было так больно, что болели даже коренные зубы, я смогла увидеть его вполне отчетливо — не считая до расплывчатости с моим зрением всё было в порядке.

Сам он выглядел слишком молодо, чтобы быть врачом, и даже его глаза, которые смотрели несколько по-старчески и... как-то гневно. Они были пленительного зеленого цвета, как это пишут в сказках. Но этот молодой человек не был принцем, вероятно, он был студентом-медиком. Но его внешность не играла никакой роли. Он мог бы иметь рога и трезубец — мне это было безразлично, пока только он знал, где находится Верити.

— Я должна найти свою подругу, — прошептала я. В коридоре я увидела, как ноги синих брюк ходят туда-сюда. — Вы можете мне помочь?

Что-то, возможно, сочувствие проскользнуло по его лицу. — Отклонись назад, — сказал он и нежно положил руки на мои вздрагивающие плечи. — Закрой глаза.

— Я, действительно, должна ее найти. — Я отклонилась назад, когда кончики его пальцев легко коснулись моего лба. Он что-то бормотал, но я не могла разобрать что, да это было и неважно.

— Ее зовут Верити Грей. Вы видели ее? — спросила я. Его руки перестали двигаться. Мою кожу там, где он прикоснулся к ней, охватила приятная теплота, боль уменьшалась. Я открыла глаза. Выражение его лица окаменело с перекошенным ртом и полузакрытыми глазами.

— Верити мертва, — сказал он коротко.

— Что? Нет! Нет! Нет! — мой голос становился все громче, превращаясь в рев, и он прижал руку к моему рту. Я защищалась от него, пытаюсь объяснить ему, что он ошибается. Она не была мертва. Она была самым живым человеком, которого я знала — улыбающаяся, хитрая, очаровательная Верити, умная и мужественная, а ее отчаянности хватило бы на нас двоих.

Она не могла быть мертва, так как без нее мира бы не существовало. Я трясла головой, чтобы освободиться от давления руки на моих губах; слезы попали на его руку. Если бы я сказала достаточно раз нет, Верити была бы еще жива. Это все здесь было бы неправдой. Я не была бы одна.

Его глаза посмотрели в мои, и я вздрогнула перед яростью в них. — Все же. Послушай меня. Верити умерла.

Шум, ужасный крик раненного животного, наполнил комнату. Это была я, когда все поняла, но он просто говорил дальше. — Она была уже мертва до того, как ее привезли сюда, и если ты сейчас хочешь ей помочь, если хочешь быть ее подругой, тогда ты должна держать рот закрытым. Кивни, если понимаешь меня.

Я со всей силы впила зубами в его палец, и он отдернул руку. — Проклятье, я пытаюсь тебе помочь!

— Кто вы?

— Друг. И у меня не так много времени, будь внимательна. Верити мертва, а остальное слишком сложно для тебя, Мышка.

Внезапно воздух с шумом покинул легкие, и помещение снова расплылось. Только Верити называла меня Мышкой.

Прежде чем я успела спросить его об этом, он взял мою раненную руку и быстро снял с нее бинт. Из большой царапины на ладони капала кровь, и я отвернулась. Я должна была чувствовать боль, но все, что я чувствовала, были его слова, каждое как удар.

— Через несколько минут эта комната будет наполнена людьми, которые будут тебя спрашивать, что произошло в переходе, — его пальцы зависли над раненой кожей, нажали на запястье, и он снова пробормотал что-то, что было похоже на шум в моей голове. — Не говори им этого. Скажи, что это было нападение с целью ограбления... Скажи, что ничего не помнишь.

— Это правда, — по большей части. Я осмотрела его нахмурившись и провела свободной рукой по глазам.

Он долго смотрел согласно. — Скажи все точно также. Тогда ты сможешь выбраться из всего этого, — он снова замотал мою руку и отступил назад.

— Выбраться из чего? — попыталась я спросить, но вопрос вытеснился его словами: «Верити была мертва.» И все внутри меня замерзло. Боль которую я чувствовала до этого, была только тенью по сравнению с осколками льда, которые собрались в моей груди.

Он отвернулся, а я, наконец, получила возможность говорить, хотя и отдельными словами:

— Почему? Почему Верити? Кто был бы...

Он перебил меня.

— Слишком много вопросов. Для всех будет лучше оставить их, — он остановился и наклонил голову в сторону прохода. Я могла видеть, как ноги розового костюма медсестры приближаются. Синие брюки следовали за ней вплотную.

— Самое время мне уходить, Мо. Подумай о том, чтобы забыть. Хм?

Розовый костюм медсестры оказался грустной медсестрой средних лет, которая отодвинула штору. Прямо позади нее стояли синие штаны, неуверенный мужчина большой как медведь с лысой головой и щетиной на лице, который явно не должен был казаться модным. Я повернулась к врачу, но он исчез.

— Мора Фицджеральд? — спросили синие штаны, пока медсестра подходила ко мне, надевая резиновые перчатки и доставала маленький карманный фонарь. Я безмолвно кивнула.

— Я рада, что ты очнулась, — сказала весело медсестра и посветила мне в глаза. Она указала на мой лоб. — Он выглядит уже лучше. Как ты себя чувствуешь?

— Где Верити? — прохрипела я, вытирая слезы.

Они обменялась взглядом, который бросают взрослые друг другу, если пытаются использовать самые эффективные увертки. Я знала этот взгляд. Я уже видела его, несколько раз. Он всегда обозначал, что моя жизнь станет жалкой и на очень долгое время.

— Я должна проверить твои показатели, — сказала медсестра через некоторое мгновение. — Врач сейчас будет здесь, и она ответит на твои вопросы, хорошо? Твоя семья уже в дороге.

Врач. Не врач. Я рассматривала руки медсестры в лиловых перчатках, которые схватили манжетку кровяного давления, и дикая надежда зародилась во мне. Тип с зелеными глазами, видимо, и не был никаким врачом. Он не надевал никаких перчаток, и даже не заглянул в мою медкарту.

Ради бога, у него и стетоскопа не было. Не говоря уже о том, что он был слишком молод. Наверное, какой-нибудь душевнобольной, и он совершенно не знал, что было с Верити. Это значит, что она была жива. Я откинулась назад и позволила медсестре надеть черную манжетку мне на руку.

Синие штаны показал мне полицейский значок и вытащил маленький блокнот.

— Детектив Ковальски. Мисс Фицджеральд. Я должен задать вам несколько вопросов.

— Где Верити? — манжет стянулся на моей руке, но я не обратила на него внимания.

Ковальски снова посмотрел на медсестру. Она бросила взгляд на часы, отметила что-то в медкарте, которая лежала на стойке, и тихо произнесла:

— Мы не можем давать информацию о пациентах, только членам их семьи.

Всего того сочувствия в ее голосе и маленького кивка головы было достаточно, чтобы вся дикая, прорастающая надежда обрушилась. Таинственный врач был прав, холодное чувство снова поглотило меня.

— Мисс Фицджеральд, — сказал Ковальски. — Мора. Вы должны мне рассказать, что произошло ночью.

— Меня зовут Мо, — поправила я его, мой живот сжался. Никто не называл меня Мора, разве только кто-то злился, и последние семнадцать с половиной лет я провела за тем, чтобы никого не злить, и потому я не часто слышу это имя.

Таинственный врач назвал меня Мо. И он открыто сказал все, что касалось Верити; этот же тип только смотрел на меня оценивающим взглядом и задавал вопросы. К черту все, решила я. Если эта полицейская ищейка ничего не захотел мне говорить, тогда и мне не за чем ему все рассказывать.

— Хорошо, Мо. — Он приподнял одну бровь, совершенно очевидно, что он хотел сохранить мое расположение. — Что Вы можете рассказать мне о сегодняшнем вечере?

Я заерзала по простыне.

— Ничего.

— Ничего? Куда направлялись Вы и Мисс Грей?

— Мы хотели поесть мороженого, — сказала я. В августе жизнь в Чикаго похожа на кастрюлю с куриным бульоном; жара и влажность делают воздух душным и знойным. Кондиционер и мороженое единственное, что может помочь.

— В каком кафе?

— У Мартины.

Он заговорщически улыбнулся.

— На Кедзи-авеню? Моя жена говорит, что пора прекращать поедать в таких

количествах ее мороженое с орехом пекан.

Это, должно быть, часть его игры в «хорошего парня». Когда я не ответила на его улыбку и ничего не сказала, он что-то записал в свою записную книжку.

— Который был час?

— Я не знаю. Возможно, 9 часов? 10? Я не следила за временем. Нам нужно было многое обсудить. — Как, например, то, что Верити сорвала наши планы относительно колледжа. Я отогнала эту мысль.

— Итак, вы вышли от Мартины и затем?

Я снова увидела эти черные фигуры и испугалась. В моей груди все протестовало. — Я не помню. — Глаза Ковальски сузились. — Попробуйте вспомнить.

— Я не знаю. — Голос у меня отказывал. — Они пришли как будто из ниоткуда.

— Это был не один человек?

— Я... Да, я так думаю. — Слишком много, чтобы их сосчитать, особенно после первого удара.

— А потом?

Осторожно я скрестила руки на груди, как будто это могло защитить меня от его вопросов.

— Я не знаю.

Ковальски устало вздохнул.

— Мо, — сказал он, — в марте исполнилось 20 лет, как я работаю полицейским. У меня четыре дочери; каждая из них — это моя большая гордость. Моей младшей дочери примерно столько же, сколько Вам. И хотя я почти всю ее жизнь работаю в полиции, она все еще думает, что может меня обмануть. Она ошибается, и поэтому очень часто находится под домашним арестом, как подающий из команды Кабс выбывает из основного состава. Но Вы выглядите намного разумнее моей Дженни. Почему бы нам просто не обойти тот момент, когда Вы попытаетесь обвести меня вокруг пальца?

Я спросила себя, много ли подобных исповедей должна была вынести бедная Дженни. — Возможно, было темно. Кто-то ударил меня. Я ничего не помню, что было потом, — крик Верити среди жуткого шума.

— Кто-то сделал чертовски больше, чем просто ударил Вас. Врач говорит, у Вас сломано ребро и вывихнуто плечо.

Ощущения были такие, что так оно и было. Я пожалала здоровым плечом.

— Вы кого-нибудь узнали?

Я покачала головой. Это звучало очень странно, особенно в ярком свете палаты реанимации, но я не была уверена, были ли у них вообще лица — и совсем уж те, которые бы я знала.

— Они что-то сказали? — Слова, которые я не могла понять, звучали более гортанно, чем в немецком языке, и что бы они не сказали, это не было «Добро пожаловать домой».

Слова Верити — те немногие, что она смогла прокричать, прежде чем была убита — звучали иначе, чем все, что я слышала раньше, плавно и по слогам в темноте прохода. Мне понадобилось много времени, чтобы ответить.

— Мо, что они сказали?

— Я не знаю. — Это была правда. И я не знала, почему я закрылась от Ковальски. Возможно, я думала, что он мне не поверит. Все, что произошло с нами в проходе, было невероятно, но у меня было достаточно ушибов, чтобы подтвердить мою историю. Возможно

я думала, что виновной он будет считать меня.

Возможно, ему следовало это сделать.

Но таинственный врач был честен со мной, когда я спросила его о Верити, а Ковальски просто проигнорировал мой вопрос, поэтому этот бал был засчитан таинственному врачу.

Ковальски постучал своей записной книжкой по решетке кровати, и я снова пришла в себя. — Вашего дядю зовут Билли Грейди, не так ли?

Я нахмурила лоб из-за того, что он сменил тему разговора. — Он брат моей матери.

— Вы близко общаетесь? — Позади в коридоре поднялся шум.

— Бар рядом с рестораном моей матери принадлежит ему. Я иногда помогаю ему. А что?

— Ваш отец тоже работал на него?

Мои руки судорожно сжали простынь, но я заставила себя распрямить их.

— Мой отец? — Почему же он пристал ко мне с расспросами о моей семье?

Семьей для меня была Верити, но она была мертва. Ковальски беспокоился о моем отце? Мой отец был чем-то всегда отсутствующим, эгоистичным человеком и сверх того еще уголовным преступником, но его, черт возьми, не было с нами в переходе.

Занавеска вдруг с резким звуком открылась. — Больше ни слова этому человеку, Мо. — Это был дядя Билли собственной персоной.

Я снова с облегчением опустила голову на подушку. Дядя Билли на всех парах пронесся мимо Ковальски, но мой взгляд заставил его остановиться как вкопанного. Я спросила себя: как ужасно я должна была выглядеть, чтобы на его лице появилось, обьятое ужасом, выражение.

— Иисус, Мария и Иосиф, — выдохнул он.

Итак, всё было настолько плохо.

Не отводя от меня взгляда, он крикнул: — Сюда внутрь, Анни, — и появилась моя мама; она выглядела на десять лет старше, чем сегодня после обеда в ресторане. Еще один полицейский, молодой и в форме, проследовал за ней.

— Мора! Ох, Мо! Ох, моя малышка! — она поспешила ко мне со слезами на глазах. — Ох, сладкая, — крикнула она и убрала, дрожащими руками, мои волосы со лба.

Я люблю маму, но в критических ситуациях она не в самой лучшей форме. Но ее взгляд, ее благоразумная юбка цвета хаки, синяя рубашка, волосы собранные на затылке, уже поношенное обручальное кольцо, которое поблескивает на ее руке, делали все слишком обычным, чем все было на самом деле, и слезы снова подступили. — Мам?

— Что случилось? — она снова и снова убирала волосы назад, как делала это, когда я была еще ребенком, а ее руки пахли фиалкой и чаем.

— Я уже легла, ты же знаешь, что у меня завтра утренняя смена, и тогда мне позвонили из больницы, а я уже набрала Билли, мы приехали так быстро как смогли. Можешь ли себе представить, что я почувствовала, Мо? Я всегда боялась подобного звонка. У всех родителей кошмары по этому поводу. Это было ужасно — просто ужасно, я была в панике, По дороге я все время молилась. — Так типично для мамы. Она задает мне вопрос и отвечает, прежде чем я успеваю сказать хоть слово.

Она остановилась, чтобы глотнуть воздуха, а дядя Билли вмешался:

— Что произошло?

Краем глаза я вижу, как Ковальски прерывает разговор с другим копом, наклонившись и повернув голову, чтобы услышать мой ответ.

— Все расплывается, — пробормотала я. — Моя голова... — она действительно болела, и с каждым новым посетителем в переполненной комнате боль распространялась и усиливалась.

— Что-то болит? Может тебе нужно что-то принести? — в течение секунды мама держала руку у щеки, а затем схватила мою здоровую руку, как будто я могла ускользнуть от нее. — Сразу говори, если что-то нужно.

— Они ничего не говорят мне о Верити, — выдавила я из себя.

— О, дорогая, — сказала она неискренним веселым голосом. — Не нужно переживать сейчас об этом. Лучше сконцентрируйся на том, чтобы отдохнуть.

Ага. Один из запатентованных неответов в моей семье.

— Мам, пожалуйста.

Она беспомощно посмотрела на дядю Билли. — Мо, это так... — она бросила на него еще один взгляд женщины, которая тонет в третий раз, и он спас ее.

— Ей скоро станет лучше, моя дорогая, гораздо лучше, но ты не можешь встретиться с ней сейчас. Твоя мама права. Мы должны позаботиться о том, чтобы ты поправилась и

смогла выйти отсюда, — он зло посмотрел на Ковальски.

Они лгали, все вместе. Единственное, что я знала с полной ясностью под холодом, который окружал меня, что Верити было совсем не так хорошо.

Моя мама начала тихо плакать, а дядя Билли, который был равнодушен к таким драмам, использовал Ковальски как запасной выход и как мишень.

Люди, которые встречаются с ним, склоняются к тому, что недооценивали дядю Билли с его белой копной волос и его маленьким телом. Вокруг его синих глаз появлялись маленькие морщинки, когда он смеется, а он делает это довольно часто. Он на пятнадцать лет старше моей мамы, и это довольно заметно.

Он — веселый, живой парень, который никогда не сидит спокойно, всегда находится в движении. Но если он сердится, становится тихим, и вся его энергия сжимается внутри, все теснее и темнее, как летняя гроза. Каждый, кто настолько глуп, чтобы доставать его дальше, подвергает себя опасности попасть под удар злости дяди Билли.

Голоса мужчин были приглушенными, но я могла слышать их даже несмотря на плачь моей матери. — Девочка травмирована, Вы — лошадиная задница! Как вы только додумались допрашивать ее сейчас?

— Она — свидетельница, — невыразительно ответил Ковальски и подтянул брюки. — До сих пор она — моя единственная свидетельница, разве только, если вы захотите дать показания. Есть ли что-то, о чем вы охотно рассказали бы мне, Грейди?

— Она несовершеннолетняя. И если вы еще раз заговорите с ней без адвоката или разрешения ее матери, я позабочусь о том, чтобы ваша служба закончилась. Не будет ли это особенно грустно, Джозеф, до пенсии осталось всего ничего? — дядя Билли осматривал Ковальски тем же взглядом, который уже обратил в бегство упаковщика мебели, но он заметил выражения моей матери, и как быстро эта гроза началась, так же быстро и закончилась.

— Мо, моя дорогая, — сказал он, подошел с другой стороны моей кровати и поцеловал меня в макушку. — Тебе что-нибудь нужно? Просто скажи.

Мне нужна была Верити. И дядя Билли вернул бы ее назад, если бы мог, так же как он заботился обо мне и маме последние двенадцать лет, но даже он не мог возвращать из мертвых. Я знала Верити всю мою жизнь.

Мы вместе пришли в детский сад в синих юбках шотландках и гольфах. Вместе приняли первое причастие и недавно вместе хихикали в белых платицах с рюшечками. Мы купили вместе спортивные бюстгальтеры и одежду для бала выпускников.

Мы прочитали брошюры колледжей и зубрили на полу ее комнаты для заключительной проверки. Со всем, что я должна была перенести в прошлом от преподавателей, огромных прыщей, первой любви, когда моего отца посадили в тюрьму, она тоже была рядом и помогала мне во всем.

Когда происходило что-то ужасное, она поддерживала меня. Теперь произошло наихудшее, а она не могла мне помочь, также как я не могла помочь ей.

Я совершенно не лгала, когда рассказывала Ковальски, что я не могла ничего вспомнить. Много из того действительно смешалось, черные тени и крики, многое просто стерлось, но одно я помнила несомненно.

Это то, что я никогда не доверяла бы ему. Верити сказала мне, что я должна была бежать, когда эти кинулись на нас, и я сделала это.

Я взглянула на мою перевязанную руку и кровь, высохшую на коже и оставившую след

на предплечье и ранее зеленой футболке. Кровь Верити. Не моя. Кровь Верити на мне
Комната стала уменьшаться и темнеть, а дыхание стало сбивчивым.

— Мо, — забеспокоилась мама и тверже сжала мою руку. — Дыши, сладкая.

— Я хочу увидеть Верити, — тяжело дышала я из темноты. — Сейчас, мам, пожалуйста.

— Ты устраиваешь театр, — говорит она. — Давай, дорогая. Глубоко и медленно. Вдох и выдох.

Правильно. Одиннадцатая заповедь семьи Фицджеральд: Не устраивай театр.

Врач, на этот раз настоящая, темноволосая женщина с тихим мелодичным голосом, раздвинула занавески и выставила всех кроме мамы наружу. Она надела черный зажим на мой палец, осмотрела меня и извергла странный звук. Затем записала неразборчивую запись в медицинской карточке.

— Как ты себя чувствуешь?

— Обманутой, — сказала я.

Мама плотно сжала губы.

— Мо!

— Теперь, когда ты не спишь, мы можем дать тебе что-то против боли, — улыбаясь сказала врач. — Миссис Фицджеральд, могу я поговорить с вами снаружи?

Они хотели поговорить, наверное, о всех тех вещах, которые скрывали от меня, а я была так слаба, чтобы подслушать. Когда они вернулись, глаза мамы были мокрые от слез и испуганные, а взгляд врача задумчивым.

— Можно мне домой? — спросила я.

— Скоро, — сказала врач. — Я наметила еще несколько исследований и пару болеутоляющих средств. Твоя мать и я разговаривали о твоих повреждениях. Тебе повезло, Мо.

Я посмеялась бы над этим, если бы мне не было так больно.

Понятие «скоро» было настолько же подходящим, как и оценка врача «повезло» относительно меня, так как ночь тянулась целую вечность.

Мама дремала на стуле, дядя Билли снова и снова выходил в вестибюль, чтобы позвонить по мобильному телефону, я не знала по какой причине и решила, что было бы лучше не осведомляться, а медики видимо забыли о моем существовании.

Все время Ковальски и второй полицейский сидели у входа. Хотя должны были быть на улице и искать улики.

Я не умею общаться с людьми. Верити была той, которая умела это. У нее был талант выделять оттенки и неправильные лица.

Этим она занималась всю среднюю и высшую школу; как-то ей удавалось уходить от клише и глупых девочек, которые любили звезд класса как и аутсайдеры, в то время как я следовала только за ее образом.

Все же не надо было обладать сверхспособностями, чтобы заметить разлад в отношениях между моим дядей и Ковальски, как если бы полицейский хотел, чтобы дядя Билли был в ответе за все. Конечно, дядя Билли не был святым, но он всегда заботился о мне и маме.

Ковальски, напротив, выглядел не внушающим доверия, особенно, когда стрелки часов шаг за шагом приближались к утру.

В отделении реанимации покой не наступал — каждые пару минут я слышала, как кто-то пробежал мимо, вскрикивал, кого-то тошнило или кто-то тихо серьезным тоном сообщал

плохие новости.

Меня сводило с ума такое количество информации о жизни других и отсутствие ответов на мои вопросы, и я решила собраться и отыскать их сама.

Я дождалась, пока мой дядя снова вышел позвонить, тихо кашлянула, чтобы убедиться, что мама все еще спит на своем стуле.

Лекарства тем временем начали свое действие, и было уже не так больно спустить ноги с края кровати и медленно встать. Я старалась не натолкнуться ни на один из немых мониторов и проскользнула через занавески в коридор.

Кто-то схватил меня за здоровую руку.

— Разве ты не должна лежать в постели?

Я быстро повернулась и почти упала. Это был тот самый таинственный врач, что должно было бы удивить меня больше, чем удивило на самом деле.

— Если бы ты был настоящим врачом, ты бы знал это, — возразила я, и он взглянул на меня немного пристыженно. Я пошла по коридору, в другую сторону от сестринской. — Я хочу увидеть Верити.

— Это ничего не даст. Его акцент стал более отчетливым, чем ранее, насыщенный, томный и медленный; слова перетекали одно в другое как музыка. Но вместе с тем чувствовался сильный оттенок ожесточения. Его рука все еще держала меня за локоть, и я никак не могла освободиться от нее. Казалось, люди шли мимо, не замечая нас, как будто это было вполне обыденно, что окровавленная девушка и молодой человек в ворованном медицинском халате спорят в коридоре. Он обвел меня вокруг полки, которая целиком была набита ящиками с инвентарем.

— Я найду ее.

— И как тебе это удастся? Ты едва стоишь на ногах. — Свободной рукой он легко тронул меня за бок и что-то тихо пробормотал. Я сочла это оскорблением.

Его пальцы, лежащие на моей грудной клетке, были теплыми, и я отстранилась от него. — Прекрати! Кто ты вообще? Ты не работаешь здесь. Откуда ты знаешь Верити? И, пожалуйста, не говори мне, что я не должна задавать никаких вопросов, иначе я позову охрану.

Он по-прежнему держал меня за руку, но отступил на шаг назад. — Я тебе уже говорил, что я друг.

— Друг Верити?

Он кивнул, и я закатила глаза. — Как тебя зовут?

— Люк. — Когда я снова посмотрела на него, он вздохнул. — Де Фудре.

— Но она никогда не говорила о тебе. А она рассказала бы мне. Верити рассказывала мне всё.

— Ты так уверена? Уверена на все сто процентов?

Верити обматывает гладкую белокурую прядь волос вокруг указательного пальца и снова разматывает ее, как она делает всегда, когда волнуется. — Мне очень жаль, Мо. На самом деле. — Она через стол хватает мою ладонь.

Я убираю руку назад. — Ты обещала. Мы обещали. — Это не может произойти! Верити иногда бывает ненадежной, но в таком важном деле она бы не подвела.

Она выглядит очень жалкой, с уставшими глазами и дрожащим ртом. Ее мороженое со вкусом мокко и миндаля тает, стекает по стенкам вафельного рожка, оставляя капли повсюду; она даже не замечает этого. — Я знаю.

— Моя мама ни при каких обстоятельствах не отпустит меня одну в Нью Йорк! — В переполненном кафе мой голос звучит очень громко, и люди оборачиваются на нас. Но в этот раз мне все равно.

— Но, возможно, если ты ей все объяснишь, — предлагает она.

— Может, ты объяснишь. Мне. Почему ты это делаешь? Что там с тобой случилось?

— Я... не могу. Но мы будем разговаривать с тобой каждый день, я клянусь. Мы постоянно будем слать друг другу смс. У нас пальцы отвалятся.

Я бросаю свой вафельный рожок с малиновым мороженым в мусорное ведро. Оно больше не кажется вкусным. — Почему, черт возьми, я должна хотеть делать это? — крикнула я ей и вышла на улицу в душную августовскую ночь.

Я оперлась на Люка; вдруг у меня закружилась голова.

— У всех есть секреты, — сказал он. Его выражение лица, такое самодовольное, в то время как я так неуверенно держалась на ногах, злило меня. Я ухватила за полку, чтобы подстраховаться, и попыталась изобразить на лице скучающий пренебрежительный взгляд, которым так великолепно владели многие девочки в моей школе.

Он был выше меня, стройный и широкоплечий в этом ворованном медицинском халате. Растрепанные черные волосы, сияющие глаза и рот, который слишком часто лукаво улыбался. Это был абсолютный тип Верити — немного опасный, немного дерзкий, совсем другой, не такой как мальчики из церкви, которых мы знали с пяти лет.

— Вероятно, она не считала тебя достойным упоминания, — солгала я.

— Должно быть, так и есть. — Он ухмыльнулся и затем стал серьезным. — Иди домой, Мышка. — Доверительное прозвище доконало меня. — Не называй меня так!

Он элегантно пожал плечами. — Она говорила, что ты так скажешь. Тебе неприятно придерживаться указаний, ты знаешь это? Я сказал тебе, что ты должна обо всем забыть, но ты просто наглым образом приходишь и создаешь сложности, хотя и так уже всем достаточно.

— Я только хочу ее увидеть. Ты знаешь, где она, не так ли? Пожалуйста. — Если нужно было подлизаться, хорошо, тогда я буду подлизываться. Одна я никак не смогла бы найти Верити, и мне вдруг стало очень важно увидеть самой все то, что не хотел рассказывать мне никто — даже этот тип. — Только на одну минуточку.

Он покачал головой. — Ты не хочешь этого. Чем быстрее ты все забудешь, тем лучше.

Ярость вспыхнула во мне, пробила ужасное холодное чувство, и я закричала:

— Забыть? Ты ненормальный? Послушай, я не знаю, кто ты и почему утверждаешь, что знаешь Верити, но мне, собственно, это и неважно. Все, что мне важно, это моя лучшая подруга. Я никогда ее не забуду. Никогда. Она погибла, пытаюсь спасти меня, и будь я проклята, если я выйду отсюда и все забуду. Либо ты поможешь мне ее найти, либо иди к черту! — сказала я, задыхаясь, то всхлипывая, то крича, и никто не повернулся в мою сторону.

Люк, напротив, долго смотрел на меня. То, что он увидел, должно было изменить его мнение, так как, все, что он сказал, было: — Сюда.

Одну руку он положил мне на поясницу, другой взял мой локоть и повел меня в комнату в конце коридора, с настоящими стенами и раздвижными дверями вместо занавесок.

— Ты уверена? — спросил он.

Я кивнула и вошла в дверь.

Глава 3

В комнате было тихо и так светло, что болели глаза. Наши шаги гулко отзывались на кафельном полу. Посредине стоял стол, вокруг изголовья которого стояли темные мониторы; простыня покрывала человеческую фигуру, лежащую на нем.

Пара прядей белокурых волос свисали из-под простыни, и я, шатаясь, прошла вперед.

Люк сжал мою руку еще сильнее. — Теперь довольна? — спросил он. — Пойдем отсюда.

Я освободила руку и пошла дальше.

На простыне виднелось несколько красных пятен, и мои руки при взгляде на них сжались в кулаки.

Я сощурила глаза и вздохнула, потому что должна быть готова, но глупо было думать, что действительно что-то может меня к этому подготовить.

Я открыла глаза. Простыня на ощупь была холодной и шершавой, когда я стянула ее.

На короткое мгновение это была не Верити. Девушка на столе была слишком неподвижной. Верити всегда была в движении — смеющаяся, возбужденная, воодушевленная, сияющая.

Девушка на столе выглядела ужасно, ужасно спокойной и не излучала абсолютно ничего. Совсем на короткое мгновение, на один удар сердца, не больше, это была не Верити. Но все же это была она.

Она лежала там, бесцветная как воск, хотя она вернулась домой из Луизианы с золотистым загаром. Ее ресницы казались темной массой.

В уголке ее рта была размазана кровь, и три рваные раны обезобразили ее щеку. Я застонала; у меня подкосились колени.

Люк стоял за мной, его рука нежно лежала у меня на талии. — Теперь достаточно, — сказал он хриплым голосом.

Я наклонилась вперед и коснулась ее другой щеки. Она была гладкой, без повреждение, но кожа отдавала странным синеватым оттенком. Простыня соскользнула дальше, обнажив ужасную рану на ее горле и засохшую кровь, склеившую ее волосы.

Я отпрянула назад и стала вдруг очень благодарна Люку за его присутствие.

— О Боже, — прошептала я, нащупала под простыней ее руку и была ошеломлена, насколько она была тяжелой. Ее ногти были сломаны, кончики ее пальцев окровавлены. Я никогда прежде не трогала что-то более ледяное, чем ее кожа, и попыталась согреть ее руку в своей. — Мне жаль. Мне очень жаль.

Я пыталась пошевелить ее рукой под простыней, комната была холодной, и мне казалось, нужно сделать так, чтобы она не замерзла, но вместо этого я скользнула вниз, с глухим звуком ударившись о край носилок, качалась туда сюда. Я кричала, шум разрывал меня.

Люк развернул меня и крепко прижал к груди. Но было поздно. Вид ее руки с широко расставленными пальцами, как будто протянутые в поисках помощи, навсегда врезались в мою память.

— Они убили ее, — сказал он, уткнувшись в мои волосы, слова звенели резко. — И ты была бы следующей, только ради удовольствия. Ты ничего не смогла бы сделать, чтобы предотвратить это, Мышка. Вообще ничего.

Я отступила немного назад. Врачебный халат промок от моих слез, и я пристально смотрела на пятно, ногти впивались в ладонь здоровой руки, и я надеялась, что боль могла бы помочь мне концентрироваться.

— Почему кто-то должен был сделать что-то подобное?

— Ты когда-нибудь наблюдала за кошкой и мышью? Кошка охотно играет некоторое время с мышкой.

Шок прошел, но начало тошнить. Я пыталась, проглотить кисловатый привкус, который собрался в моем рту.

Лицо Люка было напряжено; он лишь стиснул зубы, когда посмотрел мимо меня.

Что-то в его глазах вышло за грани скорби и гнева, которые я видела там раньше, что-то вроде безнадежности, которая напоминала мне о феврале с его бесконечным холодом, никогда не меняющимся серым цветом и ощущением, что солнце никогда не вернется.

Я чувствовала себя точно также.

— Кто? — спросила я. Слово оставило привкус металла на языке.

— Никто из тех, кого ты знаешь. Как я уже сказал, будет лучше, если ты все забудешь.

— Ах да, правильно! — воскликнула я. — Я просто вернусь к своей жизни и забуду о лучшей подруге, которая лежит там на столе! Никаких проблем!

Он схватил меня за плечи и встряхнул, так что мои зубы застучали друг о друга. — Здесь происходят вещи, которых ты не понимаешь. Вещи, до которых ты не доросла. Так лучше для тебя.

Я уже слышала это не один раз, и никогда это не было правдой. — Мне все равно. Объясни.

Он рассмеялся, горький древний смех. — Я не могу.

— Верити сказала тоже самое.

— Конечно. Она любила тебя. Она знала, что происходило в переходе, знала, насколько все плохо. Она заставила тебя бежать, чтобы спасти твою жизнь. Если ты теперь последуешь за тенью, это будет значить, что она погибла зря. Это было бы очень обидно.

— Итак, мне лучше сделать вид, как будто все нормально? Вряд ли. Тот кто сделал это... — я снова повернулась к столу и опустила руку на ее лоб, накрытый простыней. — Я должна их найти, чтобы они заплатили за все.

Когда я произнесла эти слова, правда проникла под кожу сквозь холод, который окутывал меня, мою кровь и кости. Тот, кто атаковал нас в переходе, погрузил в меня вихрь абсолютного ужаса, который я никогда больше не хотела почувствовать.

Но это не играло никакой роли. «Я добьюсь справедливости» — пообещала я себе, не убирая руку с простыни, так как хотела, чтобы Верити услышала меня. Это было не то, что я должна была бы сделать — надо было остаться с ней и бороться — но сейчас я могла сделать для нее только это.

Люк оттащил меня от стола. — Они сделают это. Обещаю. Но ты не можешь участвовать в этом.

«Подожди» — хотела я сказать, но он перебил меня. — Остаться здесь — плохая идея. Они заметят твое отсутствие.

Он был прав.

Обычно я была девочкой, которую никто не замечал, но это ночь не была нормальной. Я должна была вернуться в кровать, прежде чем моя мать проснулась бы или вернулся мой дядя. Люк вывел меня наружу, и я обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на Верити.

Она спокойно и неподвижно лежала на столе, и мои колени снова подкосились, и это заставило Люка на мгновение потерять равновесие.

— Ох, дьявол, — он поднял меня, как будто я была ребенком, и вытащил меня за дверь. — Ты, однако, не хочешь облегчить мне задачу, или?

Я вспомнила о выражении лица Верити, обьятое ужасом, когда говорила мне, что я должна убежать.

Я вспомнила, как она кричала, когда чернота охватила ее, и светло-красная кровь на ноже из белой кости, капает в свете уличного фонаря.

Я вспомнила, как я считала их в темном переходе, когда ее жизнь угасала. Все эти воспоминания превращались в холодный, жесткий ком внутри груди.

— Никаких шансов, — сказала я, когда Люк принес меня назад в мою комнату.

Мы похоронили Верити безветренным августовским утром. В районе десяти часов было уже тридцать градусов, душный, тяжелый день, который прямо-таки молил о грозе, которая ослабила бы жару и отмыла бы мир.

Солнце сурово жгло, и я могла чувствовать, как моя слишком бледная кожа становилась розовой и готовилась покрыться веснушками.

Несмотря на жару церковь была переполнена. В то время как отец Армандо пустословил о том, что нужно беспрекословно принимать Божью волю, я сняла солнечные очки и позволила взгляду скользить по собравшимся.

Казалось, как будто все знали Верити, так как здесь были девочки из школы Святой Бриджит и мальчики из нашей братской школы Святого Себастьяна.

Волейбольная команда стояла маленькой группкой, держась за руки и плача. Часть меня хотела пойти туда и встать с ними, чтобы хоть немного почувствовать себя менее одинокой, но я знала, что это чувство было иллюзией. Их не было там.

Они не видели того, что я. Они не держали Верити, не просили остаться. И они не жаждали справедливости так как я.

Были также друзья, которые жили по соседству и ходили в ту же церковь. Они стояли, одетые в черное, и обмахивались, чтобы получить больше воздуха. Маленькие, слоновой кости программки, казались на фоне их темной одежды, как моль.

Репортеры, которые уже неделю следовали за мной по пятам, шатались на наполовину-почтительном расстоянии.

Детектив Ковальски стоял с опущенной головой на краю группы и анализировал взгляды и печальный шепот, которые мелькали от него к моей семье.

И где-то в этой плачущей массе находилась личность, которая убила Верити.

Кладбище, одно из старейших и самое большое в городе, было сооружено так, что напоминало холмистый английский ландшафт.

Прикрытый кольцом старых дубов, с живой изгородью вокруг, он выглядел зеленым и невероятно свежим. Могила Верити находилась рядом с небольшим прудом. Вода казалась тихой и гладкой, и даже ветер не нарушал безмятежность поверхности.

Когда закончатся поминки и все вернутся к своей жизни, это место вновь станет прелестным и мирным.

Я хотела испепелить здесь все.

Отец Армандо закончил, но я продолжала изучать множество лиц, не уверенная в том, что же я высматриваю. Никто не выглядел подозрительно; это было большое скопление людей, находившихся в замешательстве от горя.

Один за другим они проходили мимо гроба, оставляли на нем белые розы и не решались приблизиться к семье Верити.

Все члены семьи Грей стояли плотной группой, но через пару минут мама Верити подозвала меня и взяла мою руку. — Мо, дорогая. Спасибо, что ты здесь.

— Ну, конечно же, — я старалась не потерять последние силы, когда она обняла меня.

— Ты помнишь мою тетю? Евангелина Мараис, а это Мо Фицджеральд.

Евангелина вежливо кивнула и взяла миссис Грей под руку. Мама Верити так постарела за последнюю неделю, что они выглядели как сестры, а не как тетя и племянница.

Евангелина была сдержанна и элегантна, но казалось, что ее руки дрожали, когда она поглаживала руку миссис Грей, а ее кожа была настолько бледной от горя, что была похожа на пергамент. — Рада тебя снова видеть, Мо.

— Я бы хотела, чтобы это произошло при более приятных обстоятельствах.

В ее голосе звучал легкий оттенок южного акцента, не такой сильный как в бархатистой, монотонной речи Люка, но он все же напомнил мне, что неделю назад они с Верити были в Новом Орлеане.

Определенно она немного знала о планах Верити. Я спрашивала себя, как я могла бы вежливо у нее разузнать, встречалась ли она с зеленоглазым темноволосым врачом, имеющим талант избегать всяческих вопросов, и у которого возможно что-то было с ее погибшей племянницей.

Но это был не подходящий момент.

Четырнадцатилетняя сестра Верити, Констанция, стояла поблизости, обхватив себя руками.

— Я все время думаю о том, что она опоздала на самолет, — сказала она своему отцу; горе явно читалось в ее глазах. Они были такого же глубокого темно-синего цвета, как и у ее старшей сестры, но сильно покрасневшие и опухшие, что у меня снова навернулись слезы. — На самолет из Нового Орлеана, ты знаешь об этом? Поэтому ее нет с нами. Я все время думаю, что она всего лишь опоздала на свой самолет, что ее высадит такси и она снова вернется домой. А все это здесь могло бы быть ошибкой.

Ее отец кивнул и погладил ее по голове. Он был слишком подавлен, чтобы отвечать.

— Как дела, Кон? — Это был глупый вопрос, тот самый, который я всегда слышала от взрослых, но она выглядела настолько потерянной, и такой юной, хотя она всего на пару лет была моложе меня, что эти слова просто сорвались у меня с языка. — Тебе нужно... что-нибудь?

Ее губы скривились, когда она посмотрела на меня. — Не от тебя.

Мистер Грей с извинением взглянул на меня поверх ее головы и положил свою ладонь ей на плечо, чтобы успокоить ее.

Я отошла назад, когда она снова повернулась к нему и он прижал к себе ее с заплаканным лицом.

Может быть, это была естественная реакция, что она была так зла на меня. Я выжила там, где ее сестра не выжила... кто мог упрекнуть ее в том, что она чувствовала себя обманутой?

Она всегда бегала за Верити и за мной, подражала нам, шпионила за нами... и сводила нас с ума. Было такое ощущение, что у меня самой есть младшая сестра. Теперь я тоже ее потеряла.

Я почувствовала себя незваным гостем и отошла назад, чтобы получше рассмотреть толпу. Моя мама и дядя Билли разговаривали с людьми из церкви.

Мама покачивала головой и вытирала глаза, пока стояла с женщинами, а мой дядя находился в окружении мужчин; он казался серьезным и решительным.

Я проскользнула на кладбище, мимо большого впечатляющего надгробия какого-то человека, который умер сто лет назад. Никто не казался неуместным, ни у кого не было таблички с признанием своей вины, и я начала понимать, насколько наивным был мой план.

Разочарованная и изнемогающая от жары я скрутила свои волосы — каштановые и слишком длинные для такой жары — в узел до самого затылка. Влажность превратила

тонкие пряди, висевшие у моего лица, в локоны и я раздраженно откинула их в сторону.

Ковальски подошел небрежной походкой и остановился немного поодаль; он читал надпись на надгробии. — Как Вы? — спросил он.

Это был тот же вопрос, что я задала Кон, и попыталась быть вежливой. — Хорошо, спасибо. Разве Вы не должны заниматься расследованием?

— А кто говорит, что я этого не делаю? Насколько я считаю, здесь достаточно подозреваемых. — Он повернулся ко мне. — Кстати, Ваша речь в церкви была очень милой.

— Спасибо. — Моя надгробная речь в действительности была хорошей. Любезной и поверхностной как поздравительная открытка, полная разных клише, чтобы испить до дна жизнь и почтить память Верити.

Это было чудо, что меня не поразил на месте удар молнии, хотя мне казалось, что это более незначительное прегрешение, чем убийство Верити. По-видимому, Бог не наказывал ударами молний, как нас учили.

Ковальски снова заговорил. — Я слышал, Вы хорошая ученица. Вы, вероятно, привыкли выступать перед людьми, не так ли?

— Нет, — сказала я и не отвела взгляд от толпы. Он хотел дать мне понять, что он наводит обо мне справки, чтобы я сделала ошибку и что-нибудь ему рассказала. Мне нечего было рассказывать.

— Послушайте, Мо. У нас в полицейском участке есть пара фотографий, и мы были бы рады, если бы вы взглянули на них. Это фото разыскиваемых преступников, что-то в этом роде. Как насчет завтра?

— Я не думаю, что смогу вам помочь, — сказала я и постаралась, чтобы в голосе присутствовали нотки сожаления. — Было слишком темно, чтобы что-то рассмотреть.

— Никогда не знаешь, — возразил он, — Возможно, фотографии помогут вспомнить. И Вы могли бы узнать кого-то, кого уже однажды встречали, вероятно, у вашего дяди. Или того, кто околачивается в ресторане?

Я закатила глаза и надеялась на то, что солнечные очки скроют это. Со дня смерти Верити, Ковальски намекнул бесчисленное количество раз, что могла существовать связь между убийством и делами дяди Билли.

Я не удивилась. Если твой отец сел в тюрьму из-за махинаций и отмывания денег, тогда на каждого члена семьи будут смотреть через очки-Сопрано.

Я слышала это так часто, что не обращала на это внимание, но сейчас это отвлекало от поиска настоящего убийцы. И его назойливое присутствие выделяло меня из толпы в тот момент, когда я хотела быть невидимой.

Если бы Ковальски правда был бы на верном пути, я бы так не злилась. Но он растрчивал время, беспокоя мою семью, когда должен был искать убийцу Верити, и именно сегодня нужно же было предположить, что он сделает также и в этот раз.

Но я не упрекаю его, так как тогда бы я нарушила главное правило моей матери: не устраивай театр. Вместо этого я игнорировала его, пока он бормотал дальше, что меня ждут в полицейском участке, осматривая толпу, разыскивая кого-то, кто выделялся, кто совершенно не соответствовал.

Я съезжилась, когда узнала Люка, который остановился, чтобы поговорить с семьей Грей. Я не видела его раньше, но теперь был подходящий момент, чтобы узнать больше о нем, о поездке Верити и всех других ответах, которые он пытался скрыть от меня.

— Мой дядя нанял адвоката, — сказала я Ковальски и отвернулась. — Он сказал, что вы

должны разговаривать с ней, а не со мной.

Когда я продвинулась вперед к Люку, он как раз пожимал руку отцу Верити. Мистер Грей морщил лоб, и я смогла расслышать часть предложения:

— ...итак известно.

Люк застыл на мгновение. — У меня была ночная смена, — сказал он, совершенно не поднимая глаз. — И я только хотел сказать вам, что она была настоящим борцом, сэр. Она держалась так долго как только смогла, пытаясь вернуться к вам. Она должно быть очень сильно вас любила.

Мои руки сжались в кулаки. Он врал им, через несколько минут, после того как Верити похоронили. Я мысленно проигрывала некоторые фрагменты из той ночи снова и снова, и я была полностью уверена, что она не была жива, когда ее привезли в больницу.

У нее вообще больше не оставалось боевого духа. Единственное, что удерживало меня от устраивания театра, было внезапное осознание, что я тоже лгала. У меня были хорошие основания, Ковальски не был заинтересован в правде, только в том, чтобы расквитаться с моим дядей, но тем не менее это тоже была ложь.

Миссис Грей заметила меня. — Мо... — она схватила руку мужа так крепко, что были видны сухожилия на тыльной стороне кисти. — Это врач... — она смущенно замолчала.

— Доктор Смит. Вы выглядите лучше, мисс Фицджеральд, — он взял меня за руку и осмотрел ее, слегка нахмутив лоб. Его акцента, медленной и ленивой речи, который напоминал мне медленную реку, больше не было. — Наверное, вы мало что помните.

— Только фрагменты, — ответила я. — Я не могу собрать все воедино. Пока нет.

Давление на мои пальцы усилилось. Позади нас другие печальные гости подходили и беспокойно переступали с ноги на ногу.

— Мы увидим вас во время обеда? — спросила миссис Грей Люка. Было заметно, что она старалась вспомнить, что должна сказать.

Люк — он же доктор Смит — обменялся взглядом с Евангелиной. Она почти незаметно покачала головой, и Люк грустно улыбнулся семье Грей. — Нет, собственно, мне уже нужно идти.

Теперь. Это был ответ на вопрос, встречались ли когда-нибудь Люк и Евангелина. Он говорил правду, когда утверждал, что знал Верити из Нового Орлеана. И теперь, черт побери, он снова исчезнет! И заберет мои ответы с собой. Я повернулась, как будто хотела уйти и позаботилась о том, чтобы столкнуться с ним.

Молниеносно он обхватил меня рукой. — Полегче, — сказал он, когда миссис Грей тихо вскрикнула.

— Я чувствую себя не очень хорошо, — пробормотала я, цепляясь за его руку, костюм на которой значительно отличается от полиэстрового Ковальски. — Наверное это из-за солнца.

— Тогда мы должны позаботиться о том, чтобы вы ушли, — сказал Люк тоном притворной откровенности. Он хотел отвязаться от меня, но я держалась и пыталась казаться достойной сочувствия.

Евангелина сделала шаг вперед. — Вероятно, доктор Смит сможет позаботиться о тебе? Я сообщу твоей семье, Мо.

— Было бы отлично, — сказала я и еще крепче вцепилась в Люка. Я практически могла слышать, как он скрежетал зубами. Я знала, наверное, не так много о парнях, но это было очевидно, что у него не было особенного желания делать это. И все же оказалось

достаточным всего лишь взгляд Евангелины и пары настойчивых слов. Я сделала себе заметку, поразмышлять над этим, когда смогу думать ясно.

— Я позабочусь о том, чтобы она не пострадала, — сказал он с легким предостерегающим оттенком в голосе, в то время пока разворачивался вместе со мной к выходу с кладбища. Я была уверена, что он говорил со мной.

Люк уводил меня от скопления людей и вдоль извилистого заасфальтированного шоссе, которое стало липким из-за жары. Когда мы вышли за пределы слышимости, он наклонился ко мне; я чувствовала его теплое дыхание на своем ухе.

— Тебе нужно поработать над твоими обмороками, — акцент снова появился.

— И тебе над твоим псевдонимом, — возразила я. — Доктор Смит? Серьезно? Почему не Джон Доу? И почему все здесь считают, что ты врач? Ты выглядишь слишком юным, тебе алкоголь-то можно пить? Не говоря уже о медицине!

— Люди видят то, что хотят видеть. Ты должна это попробовать, — он откинул руку и насмешливо поклонился. Дорога перед нами разделялась: одна вела к железным кованым воротам на входе, другая на кладбище. Люк направился к воротам. — Сделай все правильно, Мышка.

— Подожди! Ты не можешь просто уйти.

— Уже ушел, — бросил он через плечо.

Я погналась за ним. — Я должна с тобой поговорить.

— Не о чем разговаривать.

— Это неправильно! — и тут мне пришла мысль. — Я буду кричать! Я расскажу им, что я помню, что ты был в переходе, и тогда они проверят твою историю. Ковальски же там.

Люк бросил взгляд в ту сторону и повернулся ко мне. Я была ужасно довольная собой, ну просто не могла по-другому.

— Это не игра, — произнес он, и его лицо покраснело от ярости.

— Ах, нет. Послушай, я придерживалась того, что ты сказал мне. Теперь я заслуживаю получить несколько ответов.

Он долго и пристально смотрел на меня. Складки, покрывающие его лоб, снова разгладились. — Хорошо. Идем, — он взял меня под локоть и повел через газон, подальше от обеих дорог.

Я должна была ликовать, но вместо этого каждый мой нерв дрожал от недоверия. И это чувство усилилось, когда он замедлил темп, и я смогла пойти рядом с ним, в этот момент мы уже были на великолепной территории старого кладбища.

Мы искали дорогу между мраморными крестами и печальными святыми. Люк тащил меня за собой.

Я наблюдала за ним и полностью осознавала, что мое лицо покраснело и покрылось каплями пота.

Белая рубашка прилипла к влажной коже на спине. Люк же выглядел так, как будто только что спрыгнул с обложки GQ. Я также заметила, что он знает, что может заставить его выглядеть немного хуже.

Но не делал этого.

Что не играло никакой роли, кричала я сама на себя в мыслях. Мой интерес к Люку ограничивался тем, чтобы узнать побольше о времени в Новом Орлеане. Времени, которое она провела с ним.

Он начал подниматься на один из холмов; он крепко держал меня, но я не чувствовала боли. На вершине находился белый мавзолей, возвышавшийся свободно, как греческий храм.

Горшки с розовыми цветами стояли по обе стороны от лестницы, бутоны распустились

и свисали вниз. Я высвободилась и присела на мраморную скамью чуть поодаль, прикоснувшись к которой, почувствовала, прохладу камня.

Люк стоял, повернувшись ко мне спиной, и руками опирался на угол надгробного камня.

— Почему ты пришел сегодня? — спросила я и потерла локоть в том месте, где он держал меня.

Какое-то время он молчал. Даже не повернулся, а затем сказал:

— Потому же, почему и ты. Чтобы попрощаться.

Я не стала говорить ему, что простилась уже в больнице. Напряженные плечи и то, как он спокойно держался, явно показывали, что он за чем-то внимательно наблюдает.

Со своего места на скамейке я не могла увидеть, что это, но завидовала этому объекту.

Я пристально смотрела в его темный затылок.

— Ты соврал Греям, — голос стал громче, когда я вспомнила о трупе на носилках. — Она была мертва, когда ее привезли в больницу. Ты не знаешь, как она боролась.

— Но она боролась, — он говорил тихо, но отсутствие громкости компенсировала интенсивность. — Ты видела, что они с ней сделали. Ты видела, как она защищалась.

Воспоминания о Верити, как она лежала на столе с расцарапанными, окровавленными руками, заставило дрожать мои ладони.

Он продолжил смотреть вдаль с холма и говорить:

— Она проиграла, потому что они были сильнее, и их было слишком много, а не потому что она плохо старалась. Все, что я рассказал им, правда.

— Ты не врач, — подчеркнула я и попыталась не представлять, как Верити сражалась в темноте.

Он поднял подбородок, даже в профиль он выглядел надменным. — Я никогда и не говорил, что я врач. Они сами так решили.

— Ты заставил их поверить в это.

Он пожал плечами. — Почему ты держишься за этот разговор?

— Миссис Грей попросила меня.

Кривая улыбка появилась на его лице, когда он повернулся.

— Ты не любишь, если люди замечают тебя. «Нерешительная как мышь» — так говорила Ви. Она рассказала мне, что ты единственная, кого она знает, кто так старается уйти в тень, когда другие пытаются быть в центре внимания.

Я не знала как реагировать. Мысль, что она так много рассказала ему, предала меня, это было как минимум нечестно. Я не знала ничего о нем.

— И?

— И поэтому ты не хотела оставаться там наверху. Но сделала это, и поэтому сказала те вещи, от которых семья почувствует себя лучше, — он снова улыбнулся, горькой и понимающей улыбкой, направившись ко мне. — Собственно, ты не веришь, что ты можешь сохранить память Верити в твоём сердце или где-то еще. Но ты знала, что это помогло бы ее семье, если ты это скажешь.

Я бы охотно добавила, что он ошибается, но не могла. В этот момент, после того как он основательно проанализировал меня, что мог передать мне свои ключи с сатиновым бантом как подарок, я ненавидела его.

Не за то, что он так явно осматривал меня, хотя и это тоже, а за то, что он знал, насколько незначительными были мои слова.

— Это сработало, — объявил он тихо, прежде чем я смогла возразить. — То, что ты сказала. Это подарило им немного утешения, когда они думали, что такового нет. Я сделал то же самое. На этом все.

Он протянул руку, как если бы хотел прикоснуться ко мне, но снова опустил. Было труднее знать, что он тот самый для которого нет ни надежды, ни утешения. Он знал об этом, и это отличало нас от всех остальных в церкви.

Теперь был мой черед отвести взгляд. Я не хотела, чтобы возникло это чувство тесной связи, особенно, с ним. Было и так достаточно плохо, чтобы я вступила на лучший путь, где нужно лгать также как и он. Я резко встала, приблизилась к мавзолею и поняла, что он пристально смотрел на Верити.

С Холма открывался вид на ее могилу и небольшой пруд рядом. Толпа разошлась, и моя семья, вероятно, искала меня.

Но было так же резко больно видеть снова и снова неприкрытый прямоугольник, как и в тот момент, в который я увидела ее труп.

Я обхватила себя руками, чтобы отразить боль, глубоко вдыхала влажный пахнущий розами воздух, ожидая, что вот-вот закричу.

И тогда что-то шевельнулось.

Уголком глаза я увидела, как что-то двигалось. Медленно, направила взгляд туда, так как боялась, что слишком резкое движение спугнет это.

На краю леса, который граничил с кладбищем, показались четыре фигуры в плащах; самый первый носил бледно-васильковую одежду. Колыхание одежды пробудило мое внимание.

Так целенаправленно, как свадебная процессия, они двигались к пруду, во главе фигура в синем. Каждый, кто следовал за ним ровными рядами, были одеты в тоги.

Фигура в синем грациозно и торжественно преклонила колена на краю пруда, протянула руку к воде и оставила ее парить над поверхностью. Другие трое последовали ее примеру.

Когда подул свежий бриз, яркий свет осветил миллионы крохотных волн, как будто бы поверхность воды была охвачена огнем. Даже не заметив этого, я начала спускаться с холма, чтобы посмотреть поближе.

Люк грубо развернул меня и потащил за мавзолей.

— Эй! — вырвалась я. — Дай мне пройти!

— Что ты там сделаешь? — прошипел он.

— Мне нужно туда вниз! Кто эти люди? Ты знаешь их? — я пыталась, протиснуться мимо него, но он преградил мне путь. — Пусти меня!

— Успокойся, — рявкнул он. Я же ударила его. Пренебрежительно сопя, он схватил меня за запястья и бормотал что-то, что явно было не очень лестным.

— Я хочу их увидеть!

— Кого?

— Людей! У воды! Ты тоже видел их, я знаю! — я защищалась от него и пыталась освободиться. Он покачал головой, его хватка была железной. — Там никого, — я застыла.

— Что? Но они же там! Посмотри же!

Я вырвалась и завернула за угол мавзолея. Солнце ярко сверкало на белых мраморных стенах и слепило меня. Когда маленькие черные точки исчезли, Люк встал рядом со мной, его лицо было напряженным.

— Ты все еще видишь кого-то? — спросил он.

Он был прав, поверхность пруда была само спокойствие, и никого не было в поле зрения, никого в тогах или кого-то подозрительного. Лес был спокойным и темным, а воздух дрожал в полуденной жаре.

— Я их видела. Видела, — я смущенно потерла лоб.

Люк положил мне руку на талию и повел вниз с холма. — Если ты постоянно видишь вещи, которых нет, Мышка, тогда когда-нибудь они увидят тебя. И поверь мне, ты не хочешь этого.

— Ты должен был бы позволить мне уйти.

— Почему? Здесь нет ничего, что касается тебя, — он остался стоять. — Если ты видела что-то — а нам обоим ясно, что ты ничего не видела — но даже если и так, возможно, это были хорошие. Эти люди. И, быть может, они просто пришли попрощаться. Было бы мило, если бы ты могла уважать это. Каждый должен иметь возможность попрощаться.

— А у тебя была? — спросил я, не подумав. Он остановился.

— Не так, как я должен был.

— Почему?

Он приподнял одну бровь. — Что-то помешало этому.

Этим чем-то была я. Не удивительно, что он был так зол, когда я настояла на том, чтобы мы поговорили. Мы шли дальше по кладбищу, где деревья были огромными и суховатыми от возраста. — Ты сказал, это были хорошие. А есть еще и плохие?

— Плохое есть всегда. Разве ты это не знаешь?

— Кто ты из этих двух?

Он взглянул на меня обиженно. — Ты этого не видишь?

Я нервно вскинула руки в воздух. — Ты не хочешь мне помочь. Ты не хочешь рассказать мне ничего полезного.

— В каком смысле полезного? То, во что Верити впуталась... Но ты видела, как это опасно. Ты еще прощаешься с жизнью.

— Мне все равно. — Эти слова сорвались у меня с языка, прежде чем я смогла их остановить.

— Но так не должно быть, — сказал он твердым голосом. — Не будем больше об этом, Мышка. Для тебя здесь ничего нет.

— Что все это снова значит?

— Это значит, что ты славная девочка. Закончи колледж. Выйди замуж за хорошего парня. Роди пару малышей и живи спокойной жизнью в пригороде. Если ты больше не будешь вмешиваться, ты сможешь все это иметь. У тебя может быть любая жизнь, какую ты захочешь, и это, черт возьми, благословение.

Я оттолкнула его от себя. — Благословение? Я видела, как умирает моя лучшая подруга. Какое же в этом благословение?

Взгляд, которым он меня одарил, был холодным и презрительным. — Ты выжила. Этого не достаточно?

— Нет. Без нее нет. — Я чувствовала, как у меня навернулись слезы, но осаждала его дальше: — Неужели ты не понимаешь? Я бы сделала все, чтобы вернуть ее. Все. Но это невозможно, я знаю. Но ее больше нет, и я должна... я должна искупить перед ней свою вину.

— Прекрати плакать, — сказал он, но в его интонации прозвучало сочувствие. — Это не

твоя вина.

Я вытерла слезы тыльной стороной кисти. — Ты этого не знаешь.

— Конечно, я знаю это. — Он приподнял мое лицо к своему. Вблизи его глаза сверкали как золотоносная река нефрита. Было сложно воспринимать еще что-то другое, когда он так на меня смотрел. — Верити была predetermined, чтобы совершить что-то великое, а люди, которые это сделали, они хотели остановить ее. Они виноваты в этом, не ты.

Он пытался сделать так, чтобы мне стало лучше, но мне нужны были факты, а не сочувствие. — Тогда скажи мне, кто они. Пожалуйста. Только имя и все. Ты должен мне помочь.

— В этом мире есть много вещей, которые я должен сделать, но помощь тебе к ним не относится. Кроме того, тебе самой в данный момент нечего предложить. — Он смотрел на меня оценивающе, прежде чем повернулся и пошел. — Если что-то измениться, дай мне знать.

Мои мысли метались, и я закричала ему вслед: — Что же например? Что же у меня могло быть такое, что могло бы тебя заинтересовать?

Он показательно медленно обернулся. — Что-то, что Ви привезла из своей поездки? Я sentimentalный молодой человек. Возможно, было бы очень мило иметь что-то на память о ней.

Сопутствующая интонация скрывала что-то срочное. Он был здесь из-за чего-то, и если я найду это до него, у него не останется выбора, кроме как помочь мне.

Как только я была достаточно взрослой, чтобы попросить десерт, поняла, что работать под давлением было дело принципа.

— Что, если я найду что-то? Признак, след или что-то связанное с воспоминанием для тебя?

— Иногда я бываю то тут, то там, — он прошел между зарослями большой плакучей ивы. — Я должен кое-что сказать, Мышка: я не ожидал, что ты так разозлишься.

— Я никогда не делала этого раньше, — пробормотала я и отодвинула завесу серебристо-зеленых листьев, чтобы проследовать за ним. Но Люк исчез.

* * *

Я могла измениться, но моя семья нет. Это было очевидно, когда я вернулась к стоянке и увидела их рядом с машиной моего дяди. Незнающему показалось бы, что мои мама и дядя мило беседовали.

Например, о строительной площадке на скоростном шоссе или доберется ли White Sox в этом году до самого верха, а также о том должны ли мы завтра иметь в ассортименте ежевичные тортики или пироги с ревенем. Все же почти восемнадцать лет опыта делали правду очевидной.

Эти алые пятна на щеках моей матери, то как она крутила обручальное кольцо, утешающее прикосновение моего дяди... моя мама была на грани срыва, и дядя Билли пытался успокоить ее.

— Где ты была? — она бросилась ко мне и осмотрелась по сторонам, прежде чем продолжить. — Мы не находили себе место! Кто-то сказал, что ты потеряла сознание!

— Со мной все в порядке, — я убрала ее пальцы. — Просто голова немного

закружилась, вот и все.

— Почему ты не подождала нас? Я каждые пять минут звонила тебе на мобильный! Мы думали... Я даже не могу высказать, что я думала! Как ты могла так напугать меня?

Дядя Билли протянул мне теплую бутылку с водой, его лицо выражало опасение и недоверие. Если моей матери достаточно молчания, ему нужны были ответы.

Я сделала большой глоток, отчасти, чтобы освежиться, отчасти, чтобы выиграть время и придумать историю. Как Люку удавалось лгать так ловко?

Я натянула смущенную улыбку, вытащила мобильный телефон из сумки и протянула его своей матери. — Я выключила его перед началом службы.

Это было не позволительно, чтобы он зазвонил там, — это правда. И в тоже время практично, так как мама больше всех боялась, что я устрою театр. Только одна мысль об этом была моей личной картой «ты выберешься из тюрьмы.»

— Ну, — начала она мягко, — это понятно. Уверена ли ты, что чувствуешь себя лучше?

— Совершенно уверена. У меня просто немного закружилась голова.

— Это может быть чем-то серьезным, золотце! Сотрясение мозга! Вероятно, нам стоит снова отвезти тебя в больницу. Билли? Что ты думаешь...

Дядя Билли открыл для нее дверь и помог ей сесть в кадиллак. В его тоне слышался упрек. — Идем уже, Анна. Если она говорит, что с ней все в порядке, значит с ней все в порядке. Наверное, ей надо было побыть одной, как сказала тетя Петти.

Итак Евангелина не упомянула, что со мной был Люк. Кого из нас двоих она защищала?

Моя мама ждала, пока я пристегивала ремень безопасности, затем повернулась на сидении и продолжила с того места, где остановилась. — Ты не можешь просто так исчезать, Мо. Ты совсем ничему не научилась? Что-то могло произойти с тобой.

— Но ничего не произошло!

— В этот раз, — сказал дядя Билли и всё время, пока мы ехали в Грейсам, постукивал пальцем по рулю. — Если ты и дальше продолжишь в том же духе, Мо, нам придется лучше следить за тобой.

Моя мать энергично закивала. Если бы дядя Билли предложил, чтобы мы поставили невидимый забор вокруг дома, она до конца дня предоставила бы мне поводок и веревку.

Я ниже спустилась на сидении, и мы все молчали, пока не достигли прекрасного дома семьи Грейс в стиле прерии.

Люди постоянно входили и выходили, так что мы прошли в светлую гостиную. Почти сразу дядю окружили люди, живущие по соседству, которые просили его совета или доброжелательности.

Так было всегда: по воскресениям в церкви или же в пятницу в «Black Morgan». Дядя Билли знал всех и каждого в нашем маленьком городе. Он бы и через миллион лет не стал бы регистрироваться на Facebook, но все равно ему хватало бы контактов.

Между тем моя мама пошла прямо на кухню с пирогом, который она принесла, и присоединилась к остальному дамскому кругу, где подготавливали ветчину, нарезку и картофельный салат.

Люди толпились вокруг нас, и их бормотание было похоже на океан скорби. От всех этих сострадательных взглядов я оставалась предоставленная сама себе, что очень подходило мне.

Отец Армандо перехватил мой взгляд с другого конца комнаты, и я наклонилась, прежде чем он мог подойти и еще раз попытаться заверить меня, что вера поможет нам в это

трудное время.

Стоять в доме Верити было труднее, чем я представляла. Я видела ее в каждом углу: как она бездельничала на краю дивана, ковырялась в каменном камине или лежала на полу с миской поп-корна, пока мы смотрели ужасные реалити-шоу по телевизору.

Я прижала сжатые кулаки к животу, пытаюсь сдавить его и тем самым заставить себя думать о миссии здесь, о чем-то реальном, что я могла бы сделать, чтобы помочь Верити.

Напряженная, безмолвная поездка от кладбища предоставила мне время для размышления, чтобы проанализировать слова Люка и его манеру, которые я не могла понять, когда он стоял прямо рядом со мной. Я хотела получить ответы, а он накормил меня вместо этого философией и предупреждениями.

Но у него тоже были вопросы, и это были единственные намеки, на которые я могла опираться. Верити кое-что привезла после летних каникул, и это было больше чем летний загар и решение бросить на ветер наши планы о колледже. Это было то, в чем нуждался Люк. Если я хотела получить его помощь, мне нужно это найти.

Я пыталась казаться непринужденной, и протиснулась в боковую комнату, чтобы найти маму Верити. Она была рядом с большим кирпичным камином, держась за руку Коны. Евангелина говорила тихим спокойным тоном с ними обеими. Кона кивала чисто по привычке, но выглядело так, что она ничего не слышала.

Это была паршивая попытка, и вообще паршиво делать что-то подобное, но дела по другому не делались. Я втянула плечи и пошла вперед. — Здравствуйте, миссис Грей. Привет, Кона.

Голова Коны поднялась, и выражение лица исказилось на секунду, превратившись во что-то безобразное, прежде чем снова принять ничего не выражающее состояние. Я, кусая губы, отвернулась в сторону и попыталась игнорировать боль.

— Мо, — сказала Евангелина, — мы как раз говорили о будущем учебном годе. Ты же в двенадцатом классе, не так ли?

Я кивнула, благодарная за попытку создать нормальную обстановку. Кона повернула голову к камину.

— Мо — очень хорошая ученица, — бросила миссис Грей, ее голос был тонким и пушистым как хлопок. — Очень усердная.

Да. Я была такой. Усердная и скучная, если не считать того, что как раз планировала, кое-что украсть из дома моей лучшей подруги. — А чем ты увлекаешься?

Я совершаю преступления?

— Фотография. В этом году буду одним из главных редакторов школьной газеты и я сделала также много фотографий для них. А еще играю в футбол.

— Только в команде В, — пробормотала Кона, мрачно осматривая каминную полочку.

— Мы так рады, что ты все еще в школе Святой Бриджит, Мо, и можешь помочь Коне. Ей понадобится родное лицо, чтобы ей показали... — голос миссис Грей сорвался. Никто не говорил очевидного.

Это Верити должна была бы показывать все Коне, научить ее, как сделать школьную юбку покороче, но понимание задушило разговор как одеяло.

— Я справлюсь сама, — Кона вырвала руку у матери и прижала ее к груди.

— Констанца, — сказала Евангелина, — не нужно вести себя так опрометчиво. Ты никогда не знаешь, откуда может понадобиться помощь или, вероятно, когда она тебе понадобится

— Все равно, — она вышла из комнаты, а миссис Грей озабочено проследовала за ней. Дядя Билли отошел в сторону, чтобы пропустить их.

— Бедняжка, — сказал он и покачал головой. Он ласково прикоснулся к моей руке и одарил Евангелину печальной улыбкой. — Мои соболезнования. Верити была очень особенной девочкой.

— Да. Она была такой.

— Вы на долго останетесь в городе? — спросил он. Это было похоже на вежливую беседу-допрос. «Я занимаюсь тем же, чем и все остальные» — обычно говорил он.

Евангелина наклонила голову в сторону, ее глаза пылали и были зоркие как у птицы. — Пока все не урегулируется. Я закрыла свой магазин в Луизиане на неопределенный срок.

Дядя Билли кивнул. — Это преимущество, если ты сам себе шеф, я всегда это говорил.

— Действительно, — он держала чашку с кофе прямо перед собой и молчала. Тишину нарушал только звон тарелок, столовых принадлежностей и неясных голосов дамского круга на кухне, которые счищали остатки еды с посуды и ополаскивали ее.

Дядя Билли, кажется, был доволен тем, что оставался рядом со мной. Это было мне не на руку. Я не планировала, делать решающий шаг в его присутствии, но, наверное, другой возможности просто нет.

— Ах... Евангелина? Я оставила здесь пару вещей. В комнате Верити. Вечером, — вообще-то, это не было ложью. Моя сумка с камерой, зубной щеткой, косметичкой и, прежде всего, со статьей, которую я писала для подачи заявления в Нью-Йоркский университет, лежала в комнате Верити. — Мне нужно это вернуть прежде чем школа снова начнется. Ничего страшного, если я ненадолго загляну туда и заберу?

Надо надеяться, что она приписала факт того, что мои руки и голос дрожали, к обстоятельствам этого дня, но дядю Билли нельзя было обмануть.

Он прошептал что-то так тихо, что я едва могла слышать, однако, он освободил мою руку и пристально рассматривал свечи на каминной полке.

Евангелина поджала губы, бросила взгляд через дверь, через которую ушли Кона и ее мать, и кивнула один единственный раз. — Ты же знаешь дорогу, не так ли?

Я уже сотни раз поднималась по этой лестнице так, что, наверное, смогла бы сделать это с завязанными глазами.

Даже в черных балетках было довольно трудно подниматься по золотым дубовым ступеням, ведущим вверх. Мимо фотографий: Верити и Кона еще младенцы и ухмыляются, толстощекие маленькие дети, девочки с дырками на месте выпавших зубов, а затем подростки.

В отличие от общих школьных фотографий у меня дома на каминной полке там не было никаких личных фотографий Верити в возрасте между детством и юностью, так как она полностью перескочила эту фазу.

Это могло бы нервировать, если бы она не была моей лучшей подругой. Собственно, это все равно нервировало...

Были также фотографии Коны, маленькая сестренка, плетущаяся по пятам. Внезапно, я вспомнила, как мы с ней играли в Барби, и о том, как Кона никогда не жаловалась, если мы давали ей куклы с плохими прическами или странно сломанными ногами.

Она была просто рада тому, что Верити позволяла ей быть с нами. Теперь не будет никаких новых фотографий Верити, а Кона больше не была младшей сестрой.

Я также внимательно осмотрела семейный портрет, и даже промелькнула нотка

ревности, которая всегда зарождалась во мне, когда я видела их. Этого никогда не было достаточно, чтобы вывести из себя, а Верити никогда ничего не говорила по этому поводу, но это всегда присутствовало.

Мои внутренности слегка стягиваются, как они стояли вместе из года в год, крепкая, улыбающаяся семья. У нас не было таких фотографий дома. Тяжело сделать хорошую рождественскую фотографию в бронированной стеклянной тюрьме.

Перед комнатой Верити я остановилась и прикоснулась рукой к стеклянной дверной ручке; моя ладонь была мокрая от пота, дыхание ослабело. Страх не помог бы мне. Потеря Верити тоже. Мне нужны были сведения, и это был самый верный шанс добраться до них. Поэтому я открыла дверь и вошла.

Запах Верити, лимонные свечи и дорогой шампунь, ударил в нос. Я вдохнула так глубоко, как могла и прищурила глаза. Ее облик начал расплываться в моем сознании, но запах заставил его вернуться вместе с миллионами воспоминаний.

Я не могла поверить, что за такое короткое время так много забыла.

Я тщательно закрыла за собой дверь и повернулась вокруг, осматривая комнату. Бирюзовые стены, шоколадное пуховое одеяло на кровати. Это была та самая уютно заставленная комната, которую мы покинули тем вечером.

Я слышала, как со звоном постукивают друг о друга висюльки на «музыке ветра», и движением руки остановила их движение.

Письменный стол Верити был все еще усеян стопками с журналами, различными дисками, музыкальными нотами с ее корявыми заметками и программами театральных представлений, которые мы посмотрели.

Между тем, там находился пустой прямоугольник, где стоял ее ноутбук. Полиция забрала компьютер с собой. Если она доверила все тайны ему, то теперь они были потеряны для меня.

Но я знала, что Верити не стала бы прятать что-то секретное на своем MacBooke, нет, если Кона могла войти внутрь и найти это. Ее способность подбирать пароли была просто удивительной и внушала уважение. Наверное, через десять лет она смогла бы стать руководителем NSA.

Это было чудом, что Верити и я перед лицом ее сестры и моей матери вообще могли иметь какие-то секреты. По крайней мере я так всегда думала.

Думай. Через несколько минут кто-нибудь может прийти в поисках меня, и тогда я упущу эту возможность. Я медленно повернулась по кругу, попыталась что-нибудь увидеть, что-то такое, что было не на своем месте, что-то новое, что-то из летних каникул.

Что-то, что совсем не подходило Верити, которую я знала. Девушку, которая умерла в проходе, как начинало мне казаться, я не знала совершенно.

На подоконнике стояла моя осевшая мрачная курьерская сумка оливкового цвета. Я быстро просмотрела ее, чтобы убедиться, что полиция случайным образом что-то не прихватила из моих вещей, закинула ее на плечо, продолжая искать дальше.

Ничто не бросалось в глаза, но в комнате чувствовались легкие изменения, как будто что-то было сдвинуто на пару сантиметров влево, с тех пор как я была здесь последний раз.

— Ты рада снова быть здесь?

Верити пожимает плечами. — Конечно. — Она кажется немного странной. Смущенной. — В Новом Орлеане все было так ужасно?

Она снова пожимает плечами и перекатывается по кровати, смотрит пристально в

потолок. — Не очень.

— Сексуальные парни?

— Думаю, да. — Она выпрямляется и скрещивает ноги в позе лотоса. — Архитектура невероятная, Мо. Многие уже разрушены, но то, что расположено в районе Гарден, великолепно. И музыка безумно хорошая.

— Ну, ты получила жемчужины? — поддразниваю я ее. — Ты знаешь, я слышала, что нужно сделать, чтобы их получить.

Она бросает в меня подушку, смеется, немного пододвигается и лежит, свесив голову с края кровати. Ее волосы разлетаются в красивом золотом сиянии по темному пуховому одеялу. Она кажется нервной, беспокойной и рассеянной.

Каждый раз, когда я спрашиваю ее о том, что что-то не так, она улыбается, но ее улыбка не достигает ее глаз.

Она встает, идет к книжной полке, рассматривает снежный шар, который она привезла с собой.

— Я действительно скучала по тебе, — говорит она через минуту. Она наклоняет шар и снова переворачивает его. — Ты знаешь, это была не моя идея.

— Конечно, — сказала я. — Я знаю. Но кого это беспокоит! Ты снова дома. Все будет так, как раньше.

Верити открывает рот, чтобы что-то сказать, затем снова закрывает его и смотрит в сторону. — Конечно.

— За исключением того, что мы теперь в двенадцатом классе. Это вообще самый лучший учебный год, я тебе точно говорю!

Какое-то время она не отвечает, только нежно трогает снежный шар и пристально смотрит на него. — Пошли поедим мороженое. Я сейчас расплаволюсь.

— Ты привезла с собой жару.

— Да, — говорит Верити. — Должно быть это так.

Я посмотрела на полку. Там стояли снежные шары ото всюду, где была Верити — из Нью-Йорка, Сан Франциско, Мехико, Минеаполиса и, конечно, из самого Чикаго. Ригли Филд, институт искусств, Нейви Пир, аквариум Шеда. Один у нее из района выращивания фруктов, другой из нашей поездки на лыжах в восьмом классе.

У нее были шары к каждому большому мюзиклу, который она видела, начиная с мюзиклов «Грешный», «Натуральная блондинка» и «Призрак оперы». Аккуратные ряды стеклянных шаров были настолько хорошо знакомы, что я едва их замечала. Но снежный шар из Нового Орлеана отсутствовал. Я посмотрела внимательнее и, наконец, обнаружила, что он был задвинут назад.

Светло-желтый пьедестал и сцена Марди Грас были едва видны среди множества стеклянных шаров. Почему она убрала этот шар? Самый новый шар всегда стоял на почетном месте, чем безвкуснее, тем лучше.

Я схватила его и вытащила, следя за тем, чтобы не толкнуть со звоном другие шары. Внутри находился ярко одетый Арлекин, который сидел на сундуке с сокровищами, прислонившись к железному фонарю. Ужасные снежные шары были ее особенностью, но этот шар был еще более безвкусным, чем все остальные.

Я повернула его, аккуратно покрутила, снова подняла и стала ждать, как блестящие хлопья будут падать.

Они не падали. Я зажмурила глаза и внимательнее посмотрела на него, чтобы

удостовериться.

В нем не было снега.

Лестница закрипела, и я, недолго думая, спрятала снежный шар с свою сумку и замотала его в старую футболку фирмы Wilco. Я схватила с полки фотографию с бала, который был в прошлом году, и попыталась выглядеть так, как будто придаюсь воспоминаниям.

Евангелина открыла дверь и выглядела как благовоспитанная девушка. Своими голубыми глазами она оглядела комнату; в конце ее взгляд остановился на моей сумке.

— Ты нашла, что искала? Ее голос с медово-сладким акцентом звучал жестко как сталь. Я пришла к выводу, что Евангелина не тот человек, с которым можно было чувствовать себя безопасно.

— Я думаю, да. — Я поставила фотографию.

Она подошла ко мне, и я невольно сделала шаг назад. Но все, что она делала, это убрала волос с моего виска. Без слов она взяла мою поврежденную руку и посмотрела на нее внимательно.

— Кажется, быстро заживает.

Я хотела вырвать руку и убежать вниз по лестнице, но я заставила себя стоять спокойно; я не хотела показать, что меня можно в чем-то упрекнуть. — Врач сказала, не так все плохо, как она думала. Она говорит, мне повезло, что не поврежден ни один нерв.

— Везение — вещь непостоянная, — сказала она и убрала руку. — Тебе следует быть осторожнее.

— Я подумаю об этом. — Ремень сумки врезался в мое плечо и я перевесила ее. — Мне нужно идти. Завтра мне нужно работать. — Конечно. Я провожу тебя до двери.

Я следила за тем, чтобы сумка не ударилась о стену, и в последний раз шла вниз по знакомым ступеням. Мое сердце выпрыгивало, а запах из комнаты Верити с каждым шагом становился слабее.

Но ее тайна была в пределах досягаемости — уверенность в этом зудела на кончиках моих пальцев. Люк сказал, что я должна ему что-то предложить, прежде чем он мне поможет.

Теперь переговоры можно начинать.

Хотя после смерти Верити он, словно заблудившийся медведь, нащупывал путь, Ковальски мог быстро действовать, если хотел того. Поэтому я встретила со своим адвокатом на следующий день в полицейском участке.

Я чувствовала, что выделяюсь, когда сидела там у входа, в воскресной одежде, несмотря на то, что была среда, но так захотела моя мама.

Она тоже хотела пойти, но в ресторане снова нехватало персонала. Кроме того, ее излишняя жеманность — это совсем не то, что мне нужно было в момент, когда я рассматривала фото подозреваемых и выуживала информацию из Ковальски.

Вопреки моим предположениям, комната ожидания, в которую меня направили, была не убогая, а в бежевых тонах: бежевые пластиковые стулья, темно-бежевые стены, бежевый линолеум.

Даже жалюзи, которые скрывали улицу, оказались из бежевого пластика. Воздух был несколько застоявшимся, лампы на потолке гудели, а люди проходили мимо, едва замечая меня.

Анонимность в какой-то мере мне нравилась.

Я пальцем обрисовывала инициалы, которые были выцарапаны на сидении рядом с моим, и мысленно вернулась к Люку. Был ли он другом для Верити?

Они выглядели бы великолепно как пара, Верити — белокурая и сияющая, а Люк такой темный и пылкий. В отличие от меня она смогла бы его удержать.

Она получила бы гораздо больше ответов и меньшее количество оскорблений от него. Точнее никаких оскорблений. Тем не менее, я не могла поверить, что она выбросила наш план по поводу Нью-Йорка на ветер из-за парня, еще ради Люка.

Она не была такой нечестной. Что бы не произошло между ними, во что бы не была она впутана... это было настолько ужасно, что она бросила меня на произвол судьбы. Я колебалась между страхом и обидой. И от одного и от другого мне становилось дурно.

Женщина, лет пятидесяти, с хорошо подстриженными пепельными волосами, угловатым, умным лицом и в дорогом брючном костюме, вошла в приемную. Когда она заметила меня, подошла.

— Мо?

Я кивнула, нерасторопно поднялась и повесила сумку на плечо. Я оставила шар со снегом дома, спрятав в корзину с бельем.

Брать с собой в полицейский участок украденное было более чем глупо, а еще потому что мама стирала белье только по понедельникам, корзина с грязной одеждой была самым безопасным местом в доме. В этот раз железные привычки мамы пригодились.

— Эльза Стартон. Мы разговаривали вчера, — она пожала мне руку. Ее рукопожатие было крепкое, а на ногтях идеальный французский маникюр.

— Рада познакомиться с вами, — сказала я и дальше лгала по накатанной. Она выглядела устрашающе, как питбуль с духами Шанель № 5. Я не знала, какой счет она выставит дяде Биллу, но даже сейчас я понимала, что она стоит того.

— Мне тоже. Давай присядем на минутку. Кто-нибудь уже разговаривал с тобой, когда ты сюда пришла?

— Полицейский на входе сказал, что я должна подождать здесь.

— Отлично. Я не хочу сегодня столкнуться с какими-нибудь неожиданностями. Тебе нужно будет посмотреть несколько фотографий, и Ковальски еще раз задаст вопросы, которые он уже задавал в больнице. Если ты будешь в чем-то не уверена, предоставь это мне, — жестом она подозвала полицейского в униформе. — Скажите детективу Ковальски, что его час начался пять минут назад.

Полицейский исчез за дверью «только для авторизованного персонала», и Эльза повернулась ко мне. — Есть что-то, что мне нужно знать, прежде чем мы войдем туда? Что-то, что ты забыла упомянуть по телефону?

Я покачала головой. Конечно было много чего, о чем я не рассказала ей: кошмары, от которых я просыпалась в два часа ночи, Люк и его полуответы, мои попытки самостоятельно найти убийц Верити, но ничего из этого не входило в категорию вещей, которые должны знать Эльза и мой дядя.

Моя благодарность к дяде Биллу за то, что он, очевидно, предоставил мне самого высококвалифицированного юриста, не означала, что я буду ему верить.

Ковальски появился в двери, он выглядел уставшим и помятым, хотя был всего час дня. Эльза стерла бы его в порошок, и мысль об этом должна была придать мне уверенности.

Вместо этого почувствовала легкое сочувствие к нему. Вероятно, он искал убийц Верити в неправильном направлении, но по крайней мере искал.

Он держал в руках кофейную чашку с надписью «Лучший папа на свете» и толстую папку в другой. — Добрый день, миссис Стартон, — сказал он и поднял чашку в знак приветствия. — Привет, Мо. Спасибо, что смогла прийти.

Он придержал дверь ногой и кивком пригласил нас войти. В конце коридора находилась комната наполненная письменными столами, шкафами для деловых бумаг и полицейскими. Гул голосов и телефонных звонков доносился до нас, но Ковальски повел нас в комнату по соседству.

Мы сели за стол с одной стороны, Ковальски с другой. Эльза вытащила новый блокнот, положила его на стол и холодно посмотрела в глаза Ковальски.

Молчание, один из его неприятных видов, распространилось между нами.

— Вы не являетесь подозреваемой, — начал Ковальски внезапно, направил взгляд на меня, затем положил папку на стол и убрал в нее несколько бумаг. — Вам не требуется адвокат.

— Если вы еще раз посоветуете моей доверенной, чтобы она отказалась от адвоката, тогда я подам иск на вас и город, так что в конце вы останетесь без штанов.

Я укусила себя за внутреннюю сторону щеки, чтобы не засмеяться. Странно, что в такой момент мне стало смешно.

Ковальски пристально посмотрел на нее, а потом снова обратил все внимание ко мне. — Мо, у меня есть пара фотоальбомов с фотографиями преступников. Типами, которые уже не раз совершали насильственные действия.

Могли бы взглянуть на них? Скажите, покажется ли вам кто-то знакомым?

Когда я ответила, мой голос звучал запуганно и хрипло, даже для моих ушей. — Я не успела их рассмотреть, перед тем, как потерять сознание.

— Однако можно ведь хотя бы попытаться, правда?

— Я не знаю.

Он подтолкнул первый альбом через стол, и я, открыв его, начала медленно листать. Ни один из изображенных мужчин не показался мне знакомым, но даже сейчас, когда мои

воспоминания постепенно восстанавливались, я не была уверена, что именно видела в переходе.

Я вглядывалась в лица мужчин, недовольные, гневные, невыразительные, с кожей всех цветов, разного роста, но никого не узнала, ни капельки страха не возникло внутри, не всплыло никаких воспоминаний.

Я покачала головой. — Мне очень жаль.

Ковальски передал мне другой альбом. — Не переживай. У нас еще много, — я продолжала разглядывать фотографии и задавалась вопросом, как мне выманить информацию из Ковальски, когда он заговорил снова.

— Мо, происходило ли что-то странное за последние пару недель? Кто-то околачивался в ваших излюбленных местах? Может даже несколько человек? Верити замечала что-нибудь?

Вероятно, мне даже не придется юлить. — Верити была в Луизиане. Если и произошло что-то необычное, меня не было рядом, чтобы увидеть что-то.

— Я имел в виду здесь, в Чикаго. Кто-нибудь вел себя подозрительно? Кто-то, кого вы не знали?

— Я же сказала вам. Все было совершенно нормально, — то, что я рассказывала ему все это время. Почему он не слушал меня?

— Никаких новых воспоминаний?

— Она уже ответила на вопрос, — вмешалась Эльза.

— Нет, — сказала я сквозь сжатые зубы. Мое самообладание было напряжено как канат, и я могла себе представить, как оно порвется с громким щелчком. — Ничего нового.

— Верити часто задерживалась по вечерам?

— Ее не было все лето, — он снова и снова задавал одни и те же вопросы, как будто надеялся, что я изменю ответ.

— Но в тот день она пришла на ужин?

— Да, — ресторан моей мамы называется «Кристалл правды», что немного неловко было, особенно если там работаешь. Но она делает прекрасные пироги, поэтому она смогла пробиться.

Ресторан небольшой, только восемь столов и барная стойка, которая видела лучшие дни, и настолько старомодное помещение, что оно уже почти снова вошло в моду.

Верити, золотая и светящаяся, ненадолго заходила после обеда и заставляла помещение выглядеть более свежим и светлым, в ее традиционной манере, как она всегда делает.

— Ты снова дома! Ты же должна была вернуться только через неделю! — мы обнимаемся и практически исполняем танец дружбы возле шестого столика. Верити пожимает плечами и убирает волосы с лица.

— Я была готова вернуться домой.

Я тяну ее к стойке. — Да? Расскажи мне все.

— Практически нечего рассказывать, — говорит она и играет с перечнем пирогов дня. — И я не могу остаться.

— Что случилось?

— Ничего, — она снова убирает меню в держатель. — Мне нужно позаботиться о нескольких вещах. Во сколько ты заканчиваешь с работой?

— В пять.

— Давай переночуешь сегодня у меня, хорошо?

От восьмого столика, где сидит мать с двумя озорными детьми, которые носились с остатками клубничного торта, на меня испуганно смотрит женщина, которая видимо прибегает к более жестоким мерам воспитания.

— Конечно. Я едва могу дождаться, когда ты расскажешь мне все.

Верити кивает, но смотрит куда-то мимо меня.

— И вы не заметили никого, кто выглядел бы подозрительным?

Ручка Эльзы тихо стучала по столу рядом со мной. Я потеряла глаза, которые были сухими из-за недостатка сна и горели. Каждый раз, когда начинала дремать, эти темные фигуры набрасывались на Верити, и она кричала снова и снова, пока я стояла там и ничего не делала, слишком маленькая и напуганная, чтобы задержать их.

Моя голова болела от усилий, которые я прикладывала, чтобы не заплакать перед Ковальски. Порез на моей руке пульсировал. Мой стул был жестким и действительно неудобным. Наверняка, они сделали это намеренно.

Стены были простыми бетонными блоками, кроме зеркала позади Ковальски, так что мне не оставалось ничего, кроме как смотреть на свое собственное отражение, особенно ужасную желто-лиловый ушиб на лбу и круги под глазами. Я привыкла выглядеть довольно нормально.

Не красиво, не страшно, просто мило. Представительно, как сказала бы моя мать. Но теперь я предлагала довольно интересный вид, в том же смысле как и авария на скоростном шоссе, которая притягивает любопытных. Я была эквивалентом туризма катастроф в вопросах красоты.

— Мо? — настаивал Ковальски. — Никто не кажется знакомым оттуда?

— Это бесполезная трата времени! — я захлопнула альбом с фотографиями преступников. Ярость вспыхнула во мне, чистая и острая. Это была не я, а девушка, которая лгала, кричала и кричала. Я была воспитана так, чтобы говорить тихим голосом и делать то, что от меня ждут. Но эта новая девушка... она получила ответы, где старая Мо только покачала бы головой. И я начала надеяться, что она останется надолго. Она была той подругой, которую заслуживала Верити. — Нет! В сотый раз нет! Все было полностью нормальным. Почему вы не слушаете меня?

Эльза наклонилась вперед и вмешалась:

— Моя подопечная уже ответила на эти вопросы, детектив. Задавайте новые, или мы сейчас же уходим.

Ковальски опустошил свою чашку кофе. Он начал складывать бумаги, которые лежали перед ним, как будто он заканчивал допрос, и напряжение в плечах уменьшилось при мысли, что скоро я смогу сбежать.

— Верити знала вашего дядю?

Эльза застыла рядом со мной.

— Конечно, — Верити и дядя Билли часто встречались в течение нескольких лет. Он был учредителем в квартале и в церкви. Было бы странно, если бы они не были знакомы.

— И ваши семьи общаются до сих пор?

Я издала тихий короткий звук от нетерпения, и Эльза хмуро посмотрела на меня. Я проигнорировала ее. — Они хорошо обходились друг с другом. Послушайте, я понимаю, вам не нравится мой дядя.

Вам было бы приятно связать его с этим делом. Но вы ошибаетесь. Тот кто убил Верити не имеет отношения к моей семье.

— Кто сделал это? Если у вас есть теория, Мо, или вы что-то знаете, тогда я с удовольствием послушаю. Правда.

— Мы закончили, — Эльза встает из-за стола. — Мы в здравом уме, детектив, чтобы не помогать вам в ваших размышлениях, чтобы не вызывать беспокойств. До тех пор пока у вас нет вопросов, которые действительно имеют отношение к моей подопечной и смерти миссис Грей, Мо не будет в вашем распоряжении.

Я вскочила на ноги и схватила свою сумку.

Эльза вывела меня из комнаты, положив руку на плечо, назад по пыльным, безнадежным коридорам полицейского участка, а затем на улицу. Она опустила руку и показала на многоярусную стоянку поблизости.

— Я думаю, что ты умная девочка, — сказала она на ходу. — Я поражена тем, как ты справляешься со всем, что произошло.

Я посмотрела на нее снизу вверх. Я вряд ли могла бы справиться с тем, что произошло, так же как если бы хотела стать акробаткой, которые выступают в цирке Дю Солей.

Мне приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы вставать по утрам. Я разрывалась между гневом, который заставлял меня желать разрушить все вокруг, и истощением, от которого мне хотелось спрятаться под одеялом на следующие десять лет.

— Твой дядя сказал, что ты была бы прекрасной ученицей.

— Я прилежно учусь.

То, что через несколько дней снова начнется школа, было мыслью, которая снова поднимет мою популярность до потолка. У всех наверняка возникнут вопросы.

Все будут пристально смотреть на меня и шептаться, и эта причина подталкивала меня перейти на домашнее образование.

— Сегодня я не вмешивалась в допрос Ковальски, Мо, так как я хотела посмотреть, что он хочет разузнать. Теперь он выложил карты на стол, и мы должны установить несколько правил.

О, замечательно. Именно это мне и нужно.

Мы свернули к парковке, и я споткнулась в попытке догнать Эльзу, которая шла маленькими, но уверенными шагами.

— Три простых правила. Первое, ты не разговариваешь с Ковальски без меня и еще с кем-то из полицейских. Вообще ни с кем. Если они захотят знать, как пройти на проспект Мичигана, ты звонишь мне. Если они захотят знать, как зовут твою собаку, ты звонишь мне.

Я сказала ей, что у меня не было собаки, но лицо Эльзы было твердым как камень и официальным. Она продолжала:

— Если захотят поговорить о погоде...

— Я звоню вам. Понятно.

— Правило номер два, если мы на допросе, ограничивайся короткими ответами. Да, нет, данные, даты. Ты отвечаешь исключительно на вопросы, которые он задает.

— Я же уже сделала так!

— Ты противоречила. Ты защищала своего дядю. Ты поставила под сомнение расследование. Это не твое задание, а мое. Я лучше в этом, чем ты, и твой дядя хорошо платит мне, очень хорошо, чтобы я делала это, так что предоставь это мне.

Мы остановились перед блестящим черным Мерседесом, и Эльза вытащила ключи из сумочки Hermes. Она не преувеличивала, что касалось ее цен.

— Но ведь дядя Билли ничего не сделал. И как я должна узнать, что произошло с

Верити, если я не буду задавать вопросы этому болвану Ковальски?

Она тонко улыбнулась, когда открывала дверь и сделала мне знак садиться.

— Ковальски — не болван. Он — опытный агент, который в данном случае пошел по ложному следу. И если ты хочешь вернуть его на правильный, тебе нужно позаботиться о том, чтобы твои ответы способствовали этому.

— Вы имеете в виду, я должна врать, — я застегнула ремень безопасности и попыталась невинно смотреть.

— Это не ложь, если они помогут ему найти убийцу Верити.

Я не знала, какой след правильный. Я только предчувствовала, что была связь между Люком, Евангелиной и путешествием Верити в Луизиану. И этим тупым снежным шаром.

Эльза одарила меня ненастоящей, конфиденциальной улыбкой, которую используют взрослые, чтобы показать нам, что они действительно на нашей стороне.

Это то самое выражение лица, которое всюду сует учитель, и оно не работает так хорошо, ну не всегда. Эльза выехала с парковки и поехала по дороге. — Я знаю, что ты сказала, что ничего необычного не происходило, когда Верити вернулась домой, и что ты не вспомнила ничего нового о нападении. Но если все-таки там что-то...

— Ничего, — сказала я и опустилась ниже в мягком, кожаном кресле.

Я понимаю, что могла бы рассказать ей о Люке. Он был единственным связующим звеном, частью тайны, которая последовала за Верити домой.

Он дал ясно понять, что не собирается мне помогать, а Эльза, кажется, была на моей стороне. И, все же, что-то удерживало меня от этого.

Наверное, потому что Люк, хотя он и говорил так много отговорок, поступал так, как будто Верити действительно что-то значила для него.

Или, вероятно, причиной было то, что мне не хотелось делать то, что от меня требовали. Неважно по какой причине, но я оставалась безмолвной, когда мы пересекли Интерстейт 57, движение вокруг нас замедлялось, так как приближался час пик.

Эльза вздохнула. — Все, что я хотела сказать, это: если есть что-то, что могло бы помочь полиции, если рассказать им об этом в правильном направлении и помочь им раскрыть дело. Не этого ли ты хочешь?

Я не думаю, что она намеренно разговаривает так снисходительно, но она говорила так, как будто бы я маленький ребенок, который не хотел есть манную кашу.

Конечно, я хотела бы, чтобы полиция раскрыла дело, но ради Верити, а не ради дяди Билли. Он мог сам позаботиться о себе, особенно, если он платит для этого Эльзе. — Это третье правило? Рассказывать вам, о чем помню? Я имею в виду, если я вспомню?

Одобрительная улыбка Эльзы исчезла. — Нет, третье правило звучит так: Не ври мне. Ложь может принести с собой много неожиданностей, обычно в самый неподходящий момент. Я могу разобраться с полицией, если только ты не хочешь, чтобы они не узнали о чем-то, но важно, чтобы мы контролировали ситуацию. Речь идет о том, кто владеет сведениями. Будь откровенной со мной, тогда я сделаю все, чтобы помочь тебе. Я уже сказала твоему дяде, когда он предложил мне взять твой случай. Я могла бы передать тебя одному из наших новых служащих, какому-нибудь юнцу, который только что сдал экзамены. Ты же не хочешь этого, Мо. Ты хочешь, чтобы я была на твоей стороне.

Я видела нас в качестве победителей так, что я тяжело сглотнула.

Считается ли это ложью, что я украла снежный шар? Никто не допрашивал меня по этому поводу, никто не спрашивал, воровала ли я что-то в последнее время.

А также никто не спросил, не вру ли я. Конечно, это был формальный вопрос, но все же адвокаты придавали значение таким вещам, или?

Эльза вела машину точно также, как она делала все остальное: быстро, решительно и агрессивно.

Мои пальцы тверже сжались вокруг дверной ручки. Другие водители, кажется, тоже чувствовали это и вскоре уступали место, если она вставала плотно позади них. Велосипедисты, которые сами обычно ездили так агрессивно, что это казалось самоубийственным, уклонялись к бордюру и ждали, пока мы не проедем.

— Я не понимаю, почему он так привязался к дяде Билли, — благодаря моему отцу мы привыкли к вниманию полиции. Мы практически знали сотрудников налоговой по именам. Но это было чем-то иным. Это выходило за грани слухов и надоеданий.

Каждый идиот мог бы понять, что смерть Верити не имеет отношения к моему отцу или его делами, но Ковальски не хотел попросту забыть старую вражду и начать искать правду. Это было так нечестно, и это выводило меня из себя.

Эльза ничего не сказала, превосходный образец относительно ее собственного совета.

Ужас начал зарождаться во мне, несколько липких, черных усиков в моем животе, но я подавила его. — И все же дядя Билли не сделал ничего плохого, или?

Она сменила тему. — Детектив Ковальски страдает от слишком узкого взгляда, что касается твоего дяди.

Она не ответила на мой вопрос, и я как раз хотела указать ей на это, когда она бросила на меня взгляд. — Ты хочешь ответы, и я могу получить их для тебя, но не так, чтобы Ковальски продолжал концентрироваться на тебе и твоём дяде. Сейчас лучшее, что ты можешь сделать для тебя и твоей подруги — это придерживаться правил, — она припарковалась за скрипев шинами. — Это ясно?

— Абсолютно.

— Отлично. Я прощаюсь.

Едва мои ноги коснулись тротуара, как она сразу вернулась назад в транспортный поток. Бар дяди Билли, Черный Морган, находился рядом с рестораном.

Если хотелось, можно было бы начать в пять утра в ресторане и закончить позже в Моргане, даже не выставив ногу за дверь.

Дверь в задней части склада связывала оба здания. Я росла, бегая между этими двумя помещениями туда-сюда, пытаюсь заниматься для школы там, где было максимально спокойно, мне приносили еду из кухни, которая как раз открывалась, играла в задней комнате или посещала постоянных клиентов за их обеденными столами.

Когда я стала достаточно большой, чтобы выглядывать из-за стойки, я стала работать официанткой в ресторане. Не всегда добровольно: было неловко, если приходили дети из школы, и я ненавидела принимать утреннюю смену на каникулах, Слайс и Морган были также и моим домашним очагом как наш оранжевый кирпичный дом.

Я потянула высокую, узкую черную дверь в Морган, латунь ручки была прохладная на ощупь. Внутри в темноте витал запах табака и виски, который впитался во внутреннюю обшивку из эбенового дерева.

Деревянные жалюзи по обе стороны были закрыты; тонкие солнечные лучи проникали насквозь и распространялись по вытертому дубовому полу.

Чарли, бармен, был занят тем, что вытирал стойку старым полотенцем. Он бегал между несколькими фигурами, которые склонились над своими стаканами или бутылками.

Было не так много работы в это время: слишком поздно для обеда, слишком рано для мужчин, которые заканчивали свою смену на фабрике, и Чарли использовал затишье, чтобы все подготовить.

Он выставлял свежие миски с орешками и кренделями, ставил в ряд стаканы рядом с водопроводным краном. В дальней нише сидел дядя Билли с чашкой кофе и пересчитывал товар; он ждал моего рассказа о встрече.

— Хочешь выпить чего-нибудь холодного, Мо? Там снаружи жарче чем в аду, — широкое, незначительное лицо Чарли просветлело, когда он улыбнулся мне и вытирал руки о белый фартук, который носил на поясе. Он уже наполнил один стакан льдом.

Собственно, я не хотела пить, но выплескивать свою злобу на Чарли тоже самое как орать на щенка. — Кола лайт?

Он украсил ее тремя вишнями, как он уже делал это, когда я была еще ребенком. — Пожалуйста, золотце. Как у тебя дела?

Я пожала плечами. — Как у тебя дела? — медленно приближался вопрос, который мне нравился меньше всего. Я слышала его миллион раз за день. — Очень хорошо. Дядя Билли хотел, чтобы я заглянула, — я кивнула назад.

Черли бросил взгляд на типа в другом конце бара. Он был таким же незаметным как и все остальные, сидел одинокий и тихий. Перед ним рядом со стаканом лежала маленькая книга.

— Хорошо, девочка, — сказал Чарли. — Побеседуем позже.

Я взяла стакан и пошла в заднюю часть помещения. К моему удивлению отец Верити уже был там. — Что ты тоже можешь сделать, — сказал он грубым голосом. — Моя жена и я... мы просто не можем...

Дядя Билли встал и пожал мистеру Грею руку. — Конечно, — сказал он. — Она была прелестной девочкой, и это ужасно, что они не могут больше ничего предпринять. Передай сердечный привет от меня Пэтти и Констанце.

Я остановилась, когда мистер Грей проходил мимо меня в тесном коридоре. — Мо, — начал он, но голос сорвался.

Я ждала, скажет ли он еще что-то, но вместо этого он слегка прикоснулся к моему плечу прежде чем уйти.

Он выглядел удрученным и бледным, как газета, которую оставили на улице под дождем. Я ощущала жгучую боль внутри, когда смотрела на него.

— Присаживайся, Мо, — сказал дядя Билли властным, но дружелюбным голосом. — Живым приходится нести тяжелое бремя, не так ли?

Я вытерла глаза. — Что хотел мистер Грей?

— Мира, — ответил он через некоторое время. — А на это потребуется много времени. Теперь о том, как прошел твой допрос?

— Я не смогла никого узнать, — я отпила глоток из стакана. — Мне показалось, что это довольно бесполезно. Ковальски задавал кучу вопросов и проигнорировал мои ответы.

— Я думаю, он спрашивал обо мне.

— Да. Но Эльза присекла это.

— Я убежден в этом, — сказал он с довольной ухмылкой.

— Это выглядит так, как будто им безразлично, кто убил Верити, — я не хотела говорить, но это вырвалось у меня.

Он беспечно махнул рукой. — Эльза пошлет их в правильном направлении, моя дорогая.

Она будет хорошо заботиться о тебе.

Мне никто не нужен, кто будет обо мне заботиться, но мне казалось это было бы неблагодарным. Кроме того, дядя Билли еще никогда не был пойман.

— Я хочу, чтобы они поймали тех, кто это сделал.

Он кивнул. — Ты хочешь справедливости. Но это тяжело ограничиваться справедливостью и не мстить.

— Есть различия?

— Справедливость состоит в том, чтобы позволить заплатить им за боль Верити. Месть состоит в том, чтобы самому заставить их заплатить.

— Я хочу и того и другого.

— Конечно, ты хочешь этого. Но ты должна предоставить это другим, — строгость перекрыла сочувствие в его голосе.

Боже, я сыта по горло, что все рассказывали мне, насколько осторожной я должна быть. Было слишком много изменений: смерть Верити, любопытство Ковальски, странности Люка; и тихая и осторожная больше не подходили мне.

Это было мучительно. Также одиноко. Я провела семнадцать лет, безмолвно следуя каждому правилу регулирующего механизма. По большей части это проходило хорошо.

Но смерть Верити расколола мою жизнь на две половины, до и после, и ничто больше не было таким как прежде, как должно быть.

Проблема была в том, что единственный человек, которому это известно, был Люк, и он совершенно не хотел мне помогать.

— Твоя мама переживает за тебя.

— Она всегда беспокоится, — возразила я. — и Все же ты знаешь, какая она.

— Обстоятельства меняют ситуацию, Мо. В данном случае я на ее стороне, — это было чем-то новеньким. И нежелательным.

— Почему?

Он считал аргументы по кончикам пальцев. — Ты единственная свидетельница убийства Верити. Тебя видели, как ты разговаривала с полицией, что делает тебя фактором неопределенности.

И ты правда милая девочка, но не особенно хороша в том, чтобы защитить себя сама. Кто бы ни убил Верити, убил бы и тебя. Кто сказал, что они не попытаются довести все до конца?

От кондиционера на моих руках появилась гусиная кожа. — Это сумасшествие. Я не важна ни для кого.

— Мне важна. Твоей матери тоже.

— Я имею в виду, никому, кто бы... — я беспомощно махала руками. — Никому злему.

— Это благоразумно. Я обещал твоим родителям, и не нарушу своего слова, Мо. Нравится тебе или нет, это моя обязанность, защищать тебя, — он поднял руку и махнул рукой через стойку, чтобы заказать свежую чашку кофе.

— Защищать меня... Как? — Я поставила стакан и сложила руки на груди.

Тип из-за стойки безмолвно встал возле дяди Билли; выражение его лица было холодным и отрешенным. Он кивает мне один единственный раз и поворачивается к моему дяде.

Теперь, когда я увидела его лицо, я знала абсолютно точно, что он не был обычным гостем. Он был осложнением. Большим.

— Мо, это Колин Доннелли. Твой охранник.

— Закрой рот, Мо, а то муха залетит.

Я сжимаю губы и зло смотрю на дядю Билли, на того парня и вновь на дядю.

— Ради твоей безопасности, — сказал он успокаивающе.

Я осела не впечатлившись. Я едва заметила типа, когда он вошел. Если он собрался меня защищать, мог хотя бы постараться внушить страх, а не показывать скуку. Привлекательный, грубый, с закаленным видом, но однозначно заскучавший, с ноткой досады. Светло-коричневые волосы, были коротко подстрижены, и его темные, суровые глаза осматривали меня оценивающе и, кажется, нашли меня незначительной. Несмотря на жару, он был одет в штаны с карманами по бокам и сверху белую хлопковую рубашку с засученными рукавами.

— Мне не нужен охранник. Снова начинается школа. Он что пойдет за мной в школу святой Бриджит? Он выглядит слишком взрослым для курса по химии, — я прищурила глаза. Студент-химик, или, вероятно, даже для докторской. Но кое-что в том, какой он внимательный и неподвижный, подсказывало, что он набрался опыта не из книг.

Я осмотрела его мышцы, которые выделялись как вырезанные из камня в предплечьях, и рубашку, которая так обтягивала его плечи. Его руки были огромными и казались хваткими, поцарапанными и в шрамах. Он ответил на мой взгляд, и мои щеки покраснели. Вероятно, я недооценила его.

Дядя Билли кивнул. — Ты можешь совершенно спокойно продолжать свою жизнь, Мо. Он будет провожать тебя в школу и на работу, отвозить домой и все время держать тебя в поле зрения, пока вечером не подоткнет тебе одеяло.

Краснота распространилась дальше. — Уже долгие годы никто не подтыкает мне одеяло.

— Все равно. Это только для того, когда ты выходишь куда-нибудь. Если Доннелли был бы тогда с тобой, тогда, возможно... — он не закончил предложение, и я не стала поправлять его, несмотря на то что мои пальцы сжались вокруг стакана так сильно, что костяшки на них побелели.

— Это глупо, — сказала я. Мой голос звучал разочаровано, даже в моих собственных ушах. — Никто не должен за мной присматривать. Это бесполезная трата времени и расточительность. Все заметят его! Как я должна объяснить его присутствие в школе?

— Тебе не нужно. Ты должна в первую очередь заботиться только о своих делах, — он смотрел на меня расчетливым взглядом, которым он оценивал лошадей на гоночном треке. — Твое имя может быть и Фицджеральд, но ты при этом еще и Грейди, а мы не оправдываемся, — и вновь у него это выражение лица, которое убеждало и более смелых людей.

— А что насчет моей личной жизни? Я не хочу, чтобы кто-то преследовал меня и...

— Достаточно, — дядя Билли ударил рукой по столу так, что столовые приборы подпрыгнули, а чашка на блюде упала на бок. — Твоя мать полностью напугана, Мора, ты исчезла во время погребения, но эта капля в море. Я не допущу, чтобы моя сестра проводила дни напролет, ожидая звонка, а потом осматривала то, что осталось от твоего тела. До тех пор пока я не приму другое решение, Доннелли наблюдает за тобой. Ни слова больше о деле.

Что-то не так. Дядя Билли был помешан на контроле, но это казалось преувеличением,

даже для него. Мой дядя привык к выпадам моей матери. Но у него обычно получалось унять ее, успокоить, только так я смогла пойти в прошлом году на школьный бал. Если дядя Билли нанимал кого-то, чтобы следить за мной, то не потому что моя мать волновалась. У него были на то причины. И я могла бы поспорить на все чаевые за все лето, что он не назвал бы их мне.

Пока дядя Билли разглагольствовал, Колин просто стоял рядом, убрав руки за спину, направив взгляд на стол между нами.

— Теперь пожмите друг другу руки, скажи ему привет, как вежливая молодая леди, как ты была воспитана.

Я почти дрожала от гнева и унижения. Как он мог разговаривать со мной перед этим парнем как с пятилетней. Но я протянула руку, и Колин коротко пожал ее. Его кожа была мозолистой и грубой. Соприкосновение закончилось, прежде чем я была готова к этому. — Я рада... познакомиться с тобой.

— Полностью взаимно, — крохотная улыбка мелькнула в уголке его рта, и внезапно я поняла, что Колин тоже особо не хотел меня охранять, так же как и я не хотела находиться под охраной. Наблюдение за католической ученицей, наверное, далеко внизу списка в опыте охранника.

Я выскользнула из ниши. — Мне нужно идти, — сказала я. — Сделать покупки.

— Мы возьмем мой грузовик, — ответил Колин.

— Это недалеко. Я могу дойти пешком.

Он пожал плечами. — Мы можем пойти пешком.

Дядя Билли встал, обнял меня и одарил коротким поцелуем в щеку. Это был его способ сказать мне, что буря миновала. — Так будет лучше, золотко, — прошептал он.

Снаружи меня окутала жара и яркий свет, но я не замедлила шаг.

Колин молча следовал за мной.

— Мне не нужна нянька, — выпалила я, когда мы проходили мимо химчистки на углу.

— А мне не нужно это упрямство. Послушай, ребенок, я здесь не для того, чтобы сделать тебя несчастной. Иди в торговый центр, делай маникюр, отдавай шесть евро за чашку кофе или что ты там всегда делаешь. Я не буду стоять у тебя на дороге. Ты даже не узнаешь, что я здесь.

Конечно. Никто не заметил бы привлекательного парня с постоянно мрачным выражением лица, который следит за каждым моим движением. Все совершенно нормально.

— Я не иду в торговый центр, — рявкнула я. — И ты не можешь просто называть меня «ребенок». Сколько тебе вообще? Двадцать два?

— Достаточно взрослый, чтобы у меня не было никакой цели спорить с твоим дядей. И если ты еще не заметила, Билли склонен к тому, чтобы получить то, чего он хочет.

— А то чего хочу я, не играет никакой роли?

— Я считаю, это зависит от того, чего именно ты хочешь, — он бросает взгляд назад во время ходьбы. — Мне кажется, твоя собственная безопасность должна стоять сейчас на самом верху твоего списка желаний.

Должна бы, но нет. Найти убийцу Верити стоит на первом месте. Все остальное дальше, начиная со второго места. Однако, я не стараюсь объяснить это Колину. — Впрочем, я не пью латте. И не делаю маникюр.

Колин некоторое время пристально смотрел на меня, прежде чем кивнул. Внезапно я почувствовала, что люди, с которыми я проводила большее количество времени с недавних

пор, были членами семьи, либо работали у дяди Билли. Мысль об этом еще больше расстроила меня.

— Итак, это твоя работа? — спросила я и позволила проникнуть в голос больше снисхождения, как только могла. — Играешь личного охранника?

Он встал передо мной, преграждая мне дорогу и медленно приближал ко мне краснеющее лицо. Невольно я сделала шаг назад. И еще один. Он двигался дальше, до тех пор пока я не оказалась вжата в стену магазина автозапчастей.

— Я не играю. Ты, вероятно, не по годам умная малышка, но твой дядя беспокоится о тебе. Ты действительно думаешь, что он будет нанимать кого-то, кто играет роли?

Я тяжело сглотнула и уставилась на воротник его рубашки, на биение пульса на его шее. Если раньше я считала его безвредным или непосредственным, я однозначно ошиблась, или он был дьявольски хорошим игроком в покер. Искорка страха, или что-то похожее, зажглась в моей груди.

— Нет.

— Совершенно верно, — он отступил назад, и я смогла выдохнуть. Он указал на банк. — После тебя.

Мы снова идем, и я незаметно вытираю вспотевшие руки об юбку.

— Я работаю на твоего дядю на стройке, — говорит он через некоторое время мимоходом. — Как столяр. Так что я, собственно, не нянька.

Я пытаюсь ответить подобным тоном. — Что из этого твоя настоящая работа?

— Именно та, которая оплачивает счета в конце месяца, — он пожимает плечами. — Твой дядя всегда хорошо относился ко мне. Ему нужна была помощь, и я был готов.

Да. Он выглядел таким восторженным. Я охотно спросила бы его, в чем именно дядя Билли хорошо к нему относился, но мы уже пришли в банк. Он кивнул мне в очереди к автомату. — Увидимся, когда ты закончишь.

Я ждала, пока подойдет моя очередь, и украдкой бросала взгляд на Колина. Он стоял, прислонившись к автобусной остановке по близости, и держал в руках открытый выпуск *Sun Times*, в то время как его глаза обыскивали улицу почти не отвлекаясь. Я почти чувствовала, как его взгляд скользил по мне, но он никогда не перехватывал мой. Я должна была бы согласиться в одном, он был незаметен.

Он следовал за мной по всему супермаркету, но оставался довольно далеко позади меня так, что я замечала его только, если целенаправленно высматривала его. Когда я закончила, он снова стоял на улице и читал спортивную часть.

— Вот, — я протянула ему самый тяжелый пакет с покупками.

— Это не относится к моим задачам.

— Я не могу нести их все вместе, — сказала я. — Если кто-то попытается меня убить, я разрешаю тебе уронить пакет.

Он засопел. — Мы готовы?

Я кивнула.

— Назад в грузовик, — он кивнул головой в сторону ресторана, и я подала ему еще два пакета.

Я практически уверена, что мне удалось стереть самодовольную ухмылку с моего лица, по крайней мере до тех пор, пока он не отвернулся от меня. На какое-то мгновение показалось, что неуютная ситуация скорби и гнева, которые душили меня, исчезла, как будто бы я была вполне нормально девочкой, которая таскалась с парнем во второй половине дня.

И тогда исчез свет, как же я могла чувствовать себя так, если Верити больше не было?

Весь обратный путь до ресторана Колин шел вместе со мной, безмолвный и бдительный. Он был проблемой. Как я могла привести убийцу Верити к ответу, если он всегда находился от меня на расстоянии полуметра? Он бы рассказал моему дяде обо всем, и тогда мне не нужен был бы телохранитель, так как меня закрыли бы в моей комнате. Да, однозначно проблема.

Мы добрались до грузовика, помятый, ржавый, красный Форд. Колин бросил продукты в грузовик, где стоял блестящий стальной ящик с инструментами, замок на котором был размером с мой кулак. Сколько дядя Билли ему не платил, это ни шло ни в какое сравнение с гонораром Эльзы.

По-видимому было проще выпустить меня из гнезда, чем препятствовать тому, чтобы я погибла. Это было глупо думать или даже что-то говорить, поэтому я сжала губы и влезла в маленькую кабину водителя. Она была меньше, чем я ожидала, а сидение было покрыто серым материалом. Пахло кофе и опилками, и на сидении лежал зачитанный экземпляр романа Штайнбека.

Колин сел в машину на мгновение позже и наклонился вперед, чтобы вытащить пистолет из-под рубашки.

Во второй раз с тех пор как я познакомилась с ним, моя нижняя челюсть упала. Он что-то сделал с пистолетом и убрал его в бардачок. Тогда он откинулся назад, вставил ключ в зажигание и пристально посмотрел на меня такими глазами, которые были такие темными, что выглядели совсем как обсидиан.

— Не братъ, — буркнул он. — Поняла?

Я старалась не шевелиться даже слегка.

— Я так понимаю, это означает «да», — он повернул ключ и грузовик завелся.

— У тебя есть пистолет? — глупый вопрос. Он лежал всего в двенадцати сантиметрах от меня за тонкой пластиковой дверкой. Я глубже вдавилась в сиденье. Колин не ответил.

— Мой дядя знает об этом?

Взгляд Колина однозначно подразумевал, что, если я была настолько глупа, лучше позволить злодеям меня схватить. — Конечно он знает, — я сама ответила на свой вопрос. — Ты знаешь, что пистолеты запрещены в городе?

Колин вздохнул и вцепился в руль, без сомнения, для того, чтобы не начать душить меня.

Я еще раз попыталась. — Огнестрельное оружие опасно.

— Это его смысл и цель. Лучше, если ты не расскажешь своей матери ничего об этом.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я саркастически. — Ты знаешь, как с ним обращаться, не так ли?

— У меня есть очень хорошее представление об этом, — он повернул ключ несколько более сильнее, чем необходимо при зажигании.

— Ты уже подстрелил кого-то?

Он лишь стиснул челюсть и не ответил, что не было совсем утешительно. Разумеется, пистолет был бы очень полезным, если бы я выслеживала убийцу Верити. Для защиты.

Я посмотрела на бардачок. — Научишь меня стрелять из него?

— Нет.

— Если кто-то охотится за мной, я должна уметь защитить себя сама.

— Нет.

— Но я...

— Мо, — мы остановились на светофоре, и он бросил на меня взгляд. — Если кто-то подойдет к тебе так близко, что тебе придется защищаться, значит он прошел через меня. И если он прошел меня, то пистолет тебе уже не поможет, — выражение его лица было серьезным, но не озабоченным, как будто это было невозможно, чтобы что-то подобное произошло.

Разумеется, я считала слишком много вещей невозможным, чтобы чувствовать себя спокойнее. Резко загорелся зеленый свет, и он свернул вместо того, чтобы поехать прямо.

— Ты едешь в неправильном направлении, — сказала я. — Через Вестерн Авеню можно быстрее добраться до 91 улицы, — он бросил взгляд в зеркало заднего вида.

— Я знаю.

— Значит мы не едем домой? — мне очень хотелось нарушить это напряжение, возникшее в машине.

— Мы едем другой дорогой.

— Почему?

— Ты каждый день пользуешься одной и той же дорогой каждый день, не так ли?

— Я езжу на автобусе. Так как у меня нет другого выбора.

— На автобусе ты ездила одна, — сказал он. — А мы будем брать попеременно различные пути, чтобы было невозможно предсказать твое передвижение.

— Ты не особенно хорошо знаешь меня, не так ли? — я была практически воплощением предопределенности.

— Нет, — он слегка улыбнулся, когда мы остановились возле дома. — Но я еще познакомлюсь с тобой.

Я взялась за дверную ручку, неуверенная как я должна реагировать. — Спасибо за поездку, — сказала я, и это выглядело так, как будто выходит он. — Я могу сама занести покупки в дом.

— Я должен осмотреть дом, — возразил он.

Этот парень? В моем доме? Эта мысль вызвала внутри меня панику. Оставила ли я валяться свое нижнее белье? Сушатся ли еще лифчики в ванной? Лежало ли где-нибудь издание Космополитен со статьей «Семь способов соблазнить мужчину»?

Колин вытащил из бардачка пистолет и снова убрал его под рубашку. Он носил что-то вроде кобуры из черной кожи, которая ненадолго выглянула из под одежды.

— Ключ? — он поспешил к входной двери мимо меня.

Я вытащила связку ключей из сумки, и он вырвал ее из рук.

— У кого еще есть комплект ключей? — он проигнорировал мой протест, когда открывал дверь.

— Я. Моя мама. Вероятно дядя Билли тоже, — я остановилась. — Верити.

Он осмотрелся, и его фигура не давала мне возможности заглянуть в гостиную.

— Новые замки. Сигнализация, — бормотал он, пока бродил по дому. — Выходы?

— Ну, входную дверь, в которую ты вошел, ты уже знаешь, наверное... — я остановилась, когда он повернулся ко мне, нахмутив лоб и показывая мне рукой «Давай уже!».

— Есть еще задняя дверь на кухне. Нам не нужна сигнализация. У нас вряд ли есть что-то ценное, что хотели бы украсть.

— Хочешь, чтобы я переехал сюда?

Я зацепилась ботинком за выцветший восточный ковер. — Нет!

— Тогда вы установите сигнализацию, — он продолжил обход дома, как будто бы меня не существовало, осмотрел окна и покачал головой, очевидно, разочарованно.

Я попыталась посмотреть на свой дом его глазами, это было мучительное чувство. Я жила здесь с момента моего рождения. Комнаты были такими знакомыми, что я могла спокойно ходить в темноте и не наталкиваться на мебель, для такой неуклюжей как я, это было довольно впечатляюще. Я никогда не осматривала квартиру с другой стороны. Здесь никогда ничего не менялось. Я побежала за Колином и коснулась тонкой трещины на оконном стекле.

Дом был естественно убран. Моя мама была очень педантична в этом плане. Мои школьные фотографии были аккуратно расставлены на полке над камином, которым мы никогда не пользовались. Фотографии мало отличались друг от друга: школьная форма, коричневые волосы, завязанные в конский хвост или пучок, натянутая улыбка и слегка наклоненная голова, как делают все.

Тут же была единственная фотография моего отца, отодвинутая назад. На фото он держит меня на коленях, и мы катимся вниз по горе в парке. Мне было примерно три года, а мое лицо наполовину объято ужасом, наполовину восхищением.

Колин бросил мимолетный взгляд на фотографию, затем снова посмотрел на меня.

— Твой старик?

Я кивнула. Он взглянул еще раз, теперь внимательнее. — Ты похожа на него. Одинаковые глаза.

Однако, на этом сходство заканчивалось, как мне хотелось бы верить. Но он уже продвинулся дальше, а я повернула фотографию к себе и повнимательнее всмотрелась в нее впервые за долгие годы. У меня было толстошеекое лицо, как у большинства маленьких детей, глаза прищурены, но глаза моего отца были невероятного цвета лесного ореха и расставленные далеко друг от друга. Я не заметила никакого сходства.

Наш диван видал уже и лучшие дни. Потертые места выцветшей синей парчи были спрятаны за гобеленовыми подушками моей прабабушки и аккуратно сложенным желтым шерстяным одеялом, которое связала моя мать, когда я была совсем маленькой.

На стене висели книжные полки со старыми словарями, книгами об Ирландии, старые выпуски National Geographic и большое количество кулинарных книг, которые толпились вокруг телевизора. Узамбарская фиалка и другие цветочные растения стояли на равном удалении друг от друга.

Все было в полном порядке и в тоже время жалко. Я спросила себя, что Колин подумал насчет этого. Его тщательная инвентаризация дома, кажется, включала в себя каждую мелочь, ничто не ускользнуло от его внимания, но несмотря на его замечание о фотографии, он не показывал никакой видимой реакции.

Он пошел назад на кухню, осмотрел столешницу, которая была настолько чистой, что она потеряла свой блеск, платок вышитый крестиком висел над кухонным столом, и маленькая чаша со святой водой рядом с задней дверью.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросила я и пошла к холодильнику. — У нас есть вода, лимонад... холодный чай... молоко? Кола лайт?

Он неохотно покачал головой и пошел дальше через комнату. Вышел через заднюю дверь на крытую веранду со старой плетеной мебелью и качелями. Это было мое любимое место во всем доме. Потолок был небесно-голубой, пол блестяще зеленый. Верити и я, еще

до того как пойти в старшую школу, покрасили всё собственноручно. Хотя там был всего лишь один вентилятор вместо кондиционера, на веранде было прохладно и прекрасно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я все еще могла представить себе там Верити, вытянувшуюся на качелях, перекинув ноги через спинку, и мягко раскачивающуюся туда-сюда. Она читала новый номер People, злословила о прическах знаменитостей и о том, кто из бывших детских звезд потерял контроль на этой неделе. Боль так внезапно и сильно охватила меня, что мне пришлось облокотиться на дверную раму, чтобы не упасть и бороться, чтобы держать под контролем мои слезы.

Через две минуты Колин зашел обратно.

— Твоя комната наверху? — не дожидаясь ответа, он пошел вверх по лестнице.

Я отстранилась от двери. — Да, но... Подожди. Можешь подождать минуту?

— Минуту, — сказал он, но я уже бежала мимо него, и мои сандалии стучали по дереву.

Я распахнула дверь. Уже семнадцать лет моя мама настаивает, что я должна держать мою комнату в порядке, если вдруг кто-нибудь неожиданно придет, но я игнорировала ее. Теперь комната выглядела так, как она предсказывала, как будто через нее прошел торнадо.

Я собрала одежду в охапку и запихнула во встроенный шкаф, даже не обратив внимание чистая она или нет, затем я спиной надавила на дверцу шкафа, чтобы та закрылась. Задвинула каверзную стопку с Cosmo и Teen-Vogue ногой под кровать, рукой смела всю косметику, безделушки для волос и крем против прыщей в открытый ящик и вовремя натянула на место розово-зеленое стеганое покрывало.

— Мо! — крикнул Колин. — Боже, ты что там, ремонт делаешь, ребенок? — его тяжелые шаги раздавались на лестнице.

— Только одну секунду! — На моей прикроватной тумбочке сидел Богарт, медвежонок из моего детства, его мех был потертым и не хватало одного глаза. Неудивительно, что Колин считал меня ребенком. Безмолвно извиняясь, я засунул Богарта под подушку, после этого уселась на кровать и пыталась выглядеть безразличной.

Колин появился в двери, и когда зашел в комнату, все стало выглядеть таким маленьким, как игрушка. Бело-золотая мебель, которая принадлежала еще моей матери, выглядела крохотной по сравнению с его массивной, мужской фигурой.

Он проверил засовы на окнах и осмотрелся вокруг. — Ты часто смываешься?

— Что? Нет, — на этот раз я сказала правду.

— Тогда это остается как раньше. Дай мне свой телефон, — весь в ожидании он протянул мне свою руку.

Так много о теме «Разговоры во время знакомства». Я вздохнула. Здесь, в моей спальне, стоял парень, впервые за семнадцать лет, который не был моим родственником, и мне не хотелось ничего другого кроме как, чтобы он ушел.

Он открыл телефон и начал записывать номера. — Во сколько завтра утром начинается школа?

— Без четверти семь, — я предвидела его следующий вопрос. — Заканчиваю около трех, но обычно занимаюсь там еще чем-нибудь. Это несколько непредсказуемо.

Он посмотрел нахмурившись на телефон. — Хорошо. Я буду около трех у школы. Не покидай здание, пока не увидишь меня. Если что-то изменится, ты звонишь мне, — он повернул телефон ко мне. — Видишь? Быстрый набор номера через цифру один.

— Это был... — номер Верити. Я быстро захопываю рот.

Как можно было так просто удалить его? Я позволила себе опуститься на кровать, дыхание свистело в груди.

Колин подавал мне телефон, но я махнула в сторону письменного стола и отвернулась от него.

Однако, мне даже не нужно было стараться утаивать мою реакцию. Он продолжал игнорировать меня и осматривал комнату. — Если что-то меняется, звонишь мне. Если что-то кажется подозрительным, звонишь мне. Если происходит плохое, если нужна помощь...

— Я поняла уже. Но что если ты на работе?

Теперь он смотрел на меня. — Ты — моя работа.

— А что с...

— Я вернусь на стройку, если мы решим, что ты в безопасности.

— Хорошо, я уже решила.

Он засмеялся тихо и тепло. — Это не ты должна решать, ребенок.

Все, хватит. — Прекращай называть меня «ребенок»! — он взбесил меня: мой мобильный телефон, веранда, и он еще не заметил, что она была чем-то особенным, и он думает, что просто может решать за меня, что правильно, а что нет. Как будто в моей жизни еще было недостаточно людей, которые делали это! Но для того чтобы объяснить это, нужна энергия, которой я не располагала. С придурковатой кличкой было легче бороться. Кроме того ничего детского не происходило в последнее время в моей жизни.

Он остановился и посмотрел на меня прямо. — Прости.

Он говорил откровенно, но я не почувствовала себя лучше. Проблема была не только в том, чтобы начинать новый учебный год с нянькой, даже если она была такой опасной и совершенной как Колин. Узнать, кто убил Верити, без того, чтобы не привлечь его внимание, было бы практически невозможно, а он сразу бы рассказал обо всем дяде Билли.

— Итак ты должен сообщать моему дяде все, чем я занимаюсь? — я играла маленькой шкатулкой для украшений на моем ночном столике и раскладывала модные украшения, которые красовались на крышке. Это давало мне возможность не смотреть на корзину с бельем, в которую я закопала снежный шар.

— Я должен защищать тебя.

— Значит шпионство только дополнительная задача?

— Ты пытаешься что-то скрыть?

Нет, как раз наоборот. Я пытаюсь кое-что узнать. Я повернулась и одарила Колина своей лучшей улыбкой, такой беспечной и невыразительной, что моя мама гордилась бы мной. — Я похожа на ту, чья жизнь может быть безумно интересной? До прошлой недели моя жизнь была безумно скучной, — я остановилась и вспомнила о моем однообразном лете. — Мне не хватает этого.

Коллаж на стене, подарок Верити к моему шестнадцатилетию, привлек его внимание. Он осмотрел его так же пристально, как и все остальное. Мне стало легче, что его внимание больше не приковано ко мне. Так было легче дышать.

— Мне очень жаль, что такое случилось с твоей подругой, — сказал он.

— Ты веришь, что полиция найдет ее убийц?

Некоторое время он смотрел прямо мне в глаза, а затем отвернулся и стал осматривать комнату. Помедлив, он снова стал рассматривать коллаж. На нем были фотографии Верити и меня в одну из пятниц, когда мы ночевали вместе: прически и макияж были превосходны, но на нас были старые футболки и пижамные штаны из фланели. Верити строила позы перед

камерой, надувала щеки, кривила губы, или надувала их как танцовщицы в клубях, в то время как я смеялась над всей этой нелепостью.

Нам было двенадцать, может тринадцать, но все равно были все признаки того, какой красивой будет Верити уже через несколько лет. Я стояла в той же самой позе, но выглядела как переодетая девочка. — Они будут пытаться, — сказал он. — Твой дядя работает над этим.

Я решила позже спросить дядю Билли, почему каждый пытается сделать вид что работает, хотя ничего не делает. Но даже мысль об этом казалась смешной. Тогда я решила подумать о другом и сосредоточилась на том, чтобы распутать ожерелье.

— У тебя есть друг? — спросил он.

Украшение упало. — Нет. Я имею в виду, у меня уже были друзья. По крайней мере уже встречалась с парнем. Я же не монашка. Но не было ничего серьезного, — выпалила я. Колин приподнял бровь и смотрел темным, веселым взглядом. — Я не очень опытна в этом. Обязательства. И мальчики в старшей школе... Ну, ты же сам был одним из них, или? Ты знаешь какие они. Они...

Он поднял руку. — «Нет» было бы достаточно.

— Ой.

Он проверил комнату еще раз и вышел, спустившись по лестнице. Я последовала за ним.

— Школа, ресторан, газета, — бросил он через плечо. — Занимаешься еще чем-нибудь?

Я тяжело сглотнула и уставилась в линии, где плинтус соединялся со стеной.

— Нет. Очень скучно... Что насчет тебя? Нянька, работа столяром, еще что-нибудь? Подруга?

Он проверил засов на окне в ванной и пошел вниз по лестнице. Проверка была окончена. — Нет.

— Ты знаешь, что тебе не нужно здесь оставаться? Я никуда не иду сегодня вечером.

Вокруг его серых как метал глаз образовались маленькие морщинки. — Ты пытаешься отделаться от меня? До тех пор пока не установят сигнализацию, я останусь здесь. Ты хочешь чтобы я сидел в грузовике или гостиной.

— Грузовик, — сказала я. Ничего хорошего бы не вышло, если бы он оставался поблизости. Представление об этом заставило перевернуться все внутри. — Определенно грузовик.

— Хорошо. Увидимся утром.

Я смотрела ему в след, когда он сбежал вниз по широким цементным ступеням и вернулся к грузовику. Он кажется устроился поудобнее, откинул сидение назад и вытащил книгу, которую я уже видела.

Отлично. Этого достаточно, чтобы заработать клаустрофобию. Я вернулась в комнату. Грузовик Колина стоял непосредственно перед моим окном и, когда я начала подсматривать, он поднял руку в знак приветствия, в то время как, кажется, его глаза не отрывались от книги.

Если он наблюдал за передней частью дома, это значит, что он не видит заднюю часть. С момента нападения я не выходила на веранду. Мне было тяжело, и там было слишком одиноко, кроме того моя мать имела больше возможности следить за мной там.

Веранда больше не была убежищем, а скорее тусклым напоминанием. Я осмелилась продвинуться вперед и следила за тем, чтобы не рассматривать неразбериху из журналов и воспоминаний, которые были разбросаны по всему помещению. После того как открыла

дверь, я проскочила в проход за нашим домом, даже не думая о том, куда хочу пойти. Мне было все равно, главное подальше от слежки Колина и ото всех призраков в моем доме.

Мои ноги едва коснулись земли, когда зазвонил мой телефон; в тихой второй половине дня он звонил слишком громко. — Алло?

— Что это было? Ты пытаешься отделаться от меня? — голос Колина был скорее веселым, чем гневным. Что было неплохо. Моего гнева было достаточно на двоих.

— Как ты...

— В следующий раз, хотя бы, опусти жалюзи. Или еще лучше, если мы позаботимся о том, чтобы не было никакого следующего раза.

О да, Колин был огромной проблемой.

Пройти мимо Колина в свою комнату и захлопнуть дверь было достаточно. Всего пять секунд. И тогда я поняла, что застряла в комнате до конца вечера. Мне было больше нечем заняться, кроме как рассматривать снежный шар Верити.

В свете настольной лампы шар выглядел совершенно гладким, никакого стыка, где он был бы склеен, никаких дыр в подставке, где можно было бы слить воду и снова налить. Я еще раз встряхнула его. Все же внутри должен был быть снег, или?

Так много тайн. Так много лжи. Я всегда думала, что существовала разница между этими двумя вещами, но теперь они, кажется переплетались друг с другом. Почему Верити не говорила мне правду о Новом Орлеане? Было ясно, что она рассказала мне только поверхностные моменты. И этот ухмыляющийся, раскрашенный арлекин не собирался ничего мне рассказывать.

Я услышала, как мама поднимается по лестнице. Ее голос был более веселый и звонкий, но сдержаннее чем обычно.

— Мо? Ты там наверху?

Я убрала снежный шар в сумку. Моя мать открыла дверь, даже не постучав. На ней все еще была обычная рабочая одежда, юбка цвета хаки до колен, хлопковая блузка с синими и белыми цветами и благоразумные низкие ботинки с плоской подошвой. Насколько я могу вспомнить она всегда выбирала утреннюю смену и вовремя приходила домой, чтобы проверить мою домашнюю работу и приготовить ужин. Я не была уверена, когда из этого примера вместо чистой привычки превратилось во что-то душашее.

— У нас гость.

— Он не гость. Он работает на дядю Билли.

Она сжала губы. — Этот молодой человек здесь, чтобы помочь мне. Это делает его гостем.

Ногой я подтолкнула сумку подальше под письменный стол. Я приняла во внимание, моя мама считала, что любезность была ничем другим, за что нужно платить, но это не стоит свеч. У моей матери и так было слишком много забот.

Она разгладила одеяло и вытащила Богарта из под подушки, куда я спрятала его. Она посадила его в центре и ласково погладила. — Я рада, что все выяснилось. Билли говорит, что в полицейском участке все прошло хорошо.

Конечно, она спросила об этом его, не меня. — Адвокат, кажется, довольна хитрая. Но я не смогла никого узнать. Что, если они не найдут людей, которые сделали это?

— Они найдут их, — сказала она энергично. — И тогда мы сможем оставить все позади.

Я была единственная, кто не хотел оставлять смерть Верити позади себя? Казалось, как будто я бросала ее на произвол судьбы во второй раз.

Моя мать кивнула в сторону лестницы полная надежды. — Наш гость?

Вздыхнув я последовала за нею вниз. Колин встал, когда мы вошли на кухню.

— Я могу подождать на улице, миссис Фицджеральд. Мне жаль, что я застал вас врасплох.

— Ну, не говорите глупостей! Мы еще даже не предложили вам чего-нибудь поесть, — говорила она, проявляя заботу, чтобы даже в мыслях не было того, что гость не останется на ужин. Она демонстративно заглянула в безупречно прибранный холодильник. — Тут у нас

не много всего... Булочки с корицей? Я пекла их вчера, но они еще свежие.

Колин снова опустился на стул. — Не думаю, что я когда-нибудь ел что-то домашнее.

Он просто не мог сказать что-то лучше. Ему даже удавалось говорить откровенно, несмотря на грубую внешность. Моя мать сияла и поставила булочки в микроволновую печь, чтобы подогреть их, затем заварила свежий кофе. Когда она положила булочки на белые керамические тарелки, комнату наполнил запах запеченного теста и корицы. — Мо? Присоединишься к нам?

Вообще-то, я не хотела. Моя мама сходила с ума по выпечке, с тех пор как мы вернулись из больницы, но даже то, что булочки с корицей мне очень нравились, ее ржаной хлеб, лимонные пирожки не имели никакого вкуса. Однако, я была не в настроение слушать лекцию, поэтому я пересилила себя и осталась.

Когда пикнула микроволновка, я со звоном поставила тарелку Колину и прошмыгнула на свое место, решив молчать.

Он откусил кусок, и секундой позже его глаза расширились. — Я больше никогда не куплю готовые булочки!

Моя мать погладила его по плечу; он полностью завоевал ее. — Они совершенно разные, не так ли?

Я встала, чтобы налить чашку кофе, но она остановила меня. — Выпей молока, сладкая. Слишком много кофеина незадолго до сна... Это может не хорошо на тебя повлиять.

— Только четыре часа, — пробормотала я и почувствовала, как мои щеки становятся красными.

Уголки губ Колина на долю секунды приподнялись, и в его глазах блеснуло что-то, что должно быть было подавленным смешком.

— Так будет лучше для твоих костей, — ответила она, и мне захотелось спрятаться под столом. Она могла бы еще предложить мне налить молоко в бутылочку с соской и порезать мне еду. — Вы двое можете побеседовать, пока я буду готовить ужин. Колин, вы же поедите с нами?

Я мрачно посмотрела на него, и он почти незаметно пожал плечами. — Если это не составит проблем. Спасибо.

Она вытащила контейнер с остатками курицы со вчерашнего вечера из холодильника. — Это не составит никакого труда! Кроме того это отличная возможность познакомиться друг с другом.

Обворожительный блеск Колина исчез, и теперь была моя очередь улыбаться. Я откусила маленький кусочек и оставила его во рту, чтобы сахарная глазурь растаяла, в то время как Колин ерзал на стуле.

— Это просто куриный салат, ничего особенного. Мо, золотце, можешь обжарить пару кусочков хлеба? — я вытащила хлеб из ящика и начала засовывать куски в тостер, пока она продолжала:

— Я не люблю включать печь каждый вечер, если так жарко на улице. Вы много готовите?

— Мало.

— Только не говорите, что вы один из тех мужчин, которые предпочитают лазанью глубокой заморозки!

— Там, где я живу, есть отличная пиццерия.

Моя мама покачала головой и сконцентрировалась на шинковке сельдерея и мытье

винограда. — Ну, вам всегда здесь рады, по крайней мере. Я никогда не видела вас в церкви Святой Бриджит. Вы посещаете другую церковь?

— Я живу недалеко от церкви святого Ардена, — ответил он и усердно старался собрать последние остатки сахарной глазури. Это было, как мне показалось, не тоже самое, как сказать, что он посещал эту церковь, но моя мама кажется была удовлетворена.

— О, вы там выросли?

— Отчасти, — он не вдавался в подробности.

— Мой брат с глубоким уважением рассказывал о вас.

Колин втянул голову; однозначно, он был смущен. — Он постоянно говорит о вашем кулинарном искусстве. Теперь я понимаю почему.

— Ах, Билли преувеличивает, — возразила моя мама, но я видела, что она покраснела, когда вырвала тост у меня из рук и начала делать сэндвичи. — Билли говорит, что вы столяр. Как долго вы уже знакомы?

— Еще с тех пор как я был ребенком, — его голос был спокойным, но грубым, как шаги по гравийной дороге, и я стала рассматривать его профиль. Тайны и ложь. Я задалась вопросом, что именно из этой смеси было частью Колина.

— Мы не сможем достаточно хорошо отблагодарить вас, во всяком случае за то, что вы заботитесь о нашей Мо. Если я вспоминаю о том, что наша девочка была на волосок от смерти... — моя мать комкала кулинарное полотенце, до тех пор пока оно не превратилось в шарик. Она снова разгладила его и продолжила. — Знаете, мой брат очень доверяет вам.

— Я рад, что могу помочь, — сказал Колин. Он говорил не так, как будто бы лгал, но было довольно очевидно, что «рад» слишком сильно сказано.

Моя мать вставила зубочистки, которые были украшены бумажными рюшами, в сэндвичи, как я понимала, из-за Колина, а затем разложила их на тарелке. — Так! Я думаю, мы практически готовы. Там еще есть лимонад, Мо. Мы попьем его.

Я налила лимонад и повернулась, но Колин уже был тут. Молча он взял у меня стаканы и поставил их на стол.

Мы соединили руки, чтобы прочитать застольную молитву. Пальцы Колина едва сжимали мои, и я по памяти бормотала слова, пока наблюдала за ним из под наполовину закрытых глаз. Он держал глазам открытыми, его голос был тихим, наполненный непонятной злобой.

Моя мама встряхнула салфетку, и мы начали есть. На кухне стало тихо, в то время как комната из-за раннего вечера погружалась в янтарный цвет. После нескольких укусов моя мать положила свой сэндвич и сложила пальцы.

— Я разговаривала сегодня с твоим отцом.

Я застыла во время движения рукой, которой я взяла картофельные чипсы. Как будто издалека я услышала дребезжание, с которым Колин поставил стакан, но я не посмотрела на него. Вместо этого я уставилась на руки моей матери, которые были красными от горячей воды в ресторане, ногти были коротко подстрижены и не отполированы.

Никаких украшений кроме ее простого золотого обручального кольца и тонкого кольца, полученного при помолвке, с крохотным алмазным камешком. Мой отец исчез двенадцать лет назад, но она носила его каждый день. Я отодвинула тарелку от себя, и так слабый, аппетит совсем исчез.

— Он очень потрясен, Мо, и очень рад, что с тобой все в порядке.

Я неловко складывала ровно салфетку из клетчатой хлопчатобумажной ткани и

разглаживала складку ногтем большого пальца. — Отлично.

— Он будет рад, если ты наведишь его. В эти выходные. Чтобы он мог увидеть, что с тобой все в порядке, — она пожала плечами и повернулась к Колину. — Мой брат, конечно, объяснил вам нашу ситуацию.

Он утвердительно наклонил голову, вертел в руках стакан с лимонадом и пристально смотрел на него. Неужели она действительно думала, что, если она спросит в присутствии Колина, мне будет стыдно сказать да? Она ошибается.

Она попыталась еще раз. — Он скучает по тебе. Помнишь, как мы всегда ходили туда и навещали его?

— Конечно, это довольно трудно забыть, — городские тюрьмы оставляют неизгладимое впечатление на восьмилетнего ребенка. Я откусила половину от чипса и больше ничего не сказала.

— Уже прошло четыре года с тех пор, как ты последний раз его навещала. С тех пор он видел тебя только на фотографиях. Мы должны туда сходить.

Я все еще старалась говорить почтительно, не дерзко, не восторженно, и настолько невыразительно, как только могла. — Нет, спасибо.

— Он твой отец! Как ты можешь только быть такой холодной?

Я прекратила навещать его в тюрьме, когда была в первом классе старшей школы. Другие дети узнали о моем отце, и они нашли миллион способов усложнить жизнь. Моя спортивная униформа обнаружила способность затыкать туалет. Мой обед исчезал из моего шкафчика как минимум один раз в неделю. Когда я стала ученицей месяца и моя фотография была вывешена на стену, кто-то снова и снова рисовал решетки на моем лице. Долгие месяцы другие девочки приглашали только Верити переночевать у них, а не меня. Они говорили, что не хотели бы, чтобы у них что-нибудь украли. Верити отказывалась каждый раз.

Мой отец сделал свой выбор и мне нужно было с этим жить. Поэтому я отказалась посещать его в тюрьме, так сказать, отплачивала ему той же монетой.

Я одарила свою мать самым холодным и невыразительным взглядом, на который была способна, хотя я кипела внутри. — Извините меня, пожалуйста?

Не дожидаясь ответа, я поставила свою тарелку в раковину и быстрым шагом пошла на улицу. За моей спиной послышался звук отодвигающегося стула, а затем шаги Колина на линолеуме. Я опустилась на цементные ступеньки и вытащила увядающую герань из покрытого лаком горшка к своим ногам. За мной открылась дверь.

— Позволь мне предположить. Я не могу больше посидеть перед своей собственной входной дверью? Я не хочу сидеть внутри.

— Ты же не хочешь только одного, — ответил он, стоя за сетчатой дверью. — Подвинься, иначе получишь удар дверью.

Я подвинулась в сторону, и он повернувшись боком, приоткрыл тонкую дверь насколько это возможно. После того, как он смог протиснуться, он присел, прислонившись к белым металлическим перилам.

— Не надо читать лекцию, — сказала я и мне стало стыдно за дрожь в моем голосе. — Мне все равно, что ты думаешь.

Он пожал плечами. — Я и не думал об этом.

Он оставался в его части лестницы, наклонился вперед и уперся локтями в колени. Отцы возвращались с работы домой, и можно было услышать, как люди выносили свои

мусорные ведра, а дети играли на задних двориках. Почти все дома на нашей улице были многоквартирными домами, которые отличали только цвет и декорации палисадников: гусята в крестьянской одежде, ветряные мельницы и одна-две фигурки гномов. Наш дом был покрашен в оранжевый, с темно-зелеными декоративными панелями, было похоже, что мы живем в огромной тыкве.

— Я не пойду навещать его.

— Я думал, что мы не разговариваем друг с другом?

— Мы и не разговариваем. Я только говорю, что у меня есть свои причины.

— Звучит неплохо.

— Обратная психология не срабатывает, скажу я тебе. Она работает только тогда, когда кто-то не знает, что ты ее применяешь.

— Мо, — устало проговорил он и повернул ко мне лицо. — Мне по фигу, навестишь ли ты своего отца. Мне совершенно все равно, это не моя проблема.

— Что дядя Билли рассказал тебе о нем? Ты сказал...

— Я ничего не говорил.

Он действительно не делал этого. Он, правда, немного кивал, но он обращал внимание на то, чтобы не отвечать на большинство вопросов моей матери. Я снова задалась вопросом, какие у него были тайны. — Итак, ты ничего не знаешь об этом?

— Господи Боже, — пробормотал он и посмотрел на небо. — Я не знаю, что сделал твой отец. Ты сама-то знаешь?

— Я не дура. Мне было всего пять, когда это случилось, но я могу читать газеты. А еще есть гугл. Слышал о таком? Мой отец занимался отмыванием денег для преступного мира. Затем он стал жадничать и утаил кое-что от моего дяди. Теперь он сидит в тюрьме, и моя мать пытается надавить на мою совесть, чтобы я навестила его.

Он смотрел на меня некоторое время. — Уже слышал, что ты ко всему приходишь сама. Это сэкономит мне некоторую заботу.

— Я никогда не приношу забот.

Колин вздохнул.

— Спрашивай, если хочешь. Я умная, тихая и уступчивая. Я не получила ни разу пять с минусом с шестого класса. Я довольно порядочная девочка, — слова Люка на кладбище снова всплыли в моей голове. «Это значит, что ты порядочная девочка. Веди спокойную жизнь в пригороде.» Из его уст это не очень походило на похвалу, к которой я привыкла. Я растирала бледный синяк на руке.

Колин обернулся на дом. — Этот ужин называется примирительным?

— Ты же сказал, что не будешь читать мне нотации.

— Никаких нотаций. Это не моя забота, устранить твой комплекс из-за отца.

— У меня нет комплексов из-за отца.

Он посмотрел на меня, и скептицизм явно читался на его лице.

— Он ужасный отец. И муж. Он больше любил быстрые деньги, чем нас. Это не комплекс, это — факт.

— Факт, который приводит тебя в ярость. Буду знать.

— Зачем?

Он отвернулся, оставив взгляд блуждать по улице. — Это моя работа знать тебя.

Ясно. Кто бы захотел узнать меня, если бы ему не светила за это плата? Определенно не Люк, который приходил за тем, что Верити привезла из Чикаго. И не Колин, который

интересовался мной только из-за моего дяди. Только Верити, но ее больше не было. Каждый раз, если я вспоминала об этом, казалось, что мир сошел со своей оси. Я ухватилась за ступеньку подо мной, до тех пор пока все снова не вернулось в равновесие.

Вечер был теплым, но приятным, хоть мне и приходилось делить лестницу с Колином. Все же это было лучше, чем находиться в доме. Солнце начинало садиться, уличные фонари включались, и взгляд Колина блуждал по аккуратным домикам на моей улице. Родители звали детей готовиться ко сну, но я не двигалась.

Горячий порыв ветра пронесся вниз по улице, шелестел листьями и привел мои волосы в беспорядок. Выражение лица Колина рядом со мной изменилось от слегка скучного в совершенно недоверчивое. Он поерзал, и напряжение трещало вокруг него как статическое электричество, которое собиралось вскоре разрядиться. — Ты сказала правду насчет твоего друга?

— Какого друга?

Он показал большим пальцем в конец нашего квартала, шесть или семь домов от нас. В угасающем солнечном свете, лучи которого светились как огонь, когда попадали на его волосы, стоял Люк. Не раздумывая, я вскочила со ступенек и пошла к нему. Воздух был таким тяжелым, что казалось, будто мне приходилось идти сквозь воду. Его взгляд встретил мой со смесью любопытства и вызова. Внезапно мне отчаянно захотелось быть достойной их обоих.

Колин встал между нами, закрывая мне вид и угрожающе навис надо мной. — Этот там. Твой друг?

Я попыталась сделать знак Люку, что нам нужно поговорить друг с другом, но Колин стоял передо мной как скала. Наконец, я поднялась на носочки, чтобы посмотреть через его плечо. Конечно, Люк исчез.

— Не мой, — я схватилась за летнюю дверь и надеялась, что ни мой голос, ни рука не будут дрожать. Последнее, что мне было нужно, чтобы Колин начал расследование относительно Люка. — Верити.

На следующий день я держала снежный шар в руках, и мне казалось странным, что он все же был бесполезен как и настоящий снег. Я потрясла его как магический шар, но ничего не произошло. Верити купила испорченный снежный шар. К такому заключению я пришла около трех часов ночи.

Когда ей стало ясно, что даже она предъявляла определенные требования к своему хламу, она отодвинула этот шар на полку подальше, чтобы ей не приходилось больше его видеть. Кто мог ее в этом упрекнуть? Пустые глаза арлекина напомнили мне одну серию Скуби Ду, они следили за мной по всей комнате.

Сломан или нет, мне пришлось оставить его дома, пока была на работе. Люк больше не появлялся, и я задавалась вопросом, собирался ли вообще. Вероятно, он как-то узнал, что я взяла с собой снежный шар, и планировал вернуть его обратно. У него никогда не было намерений помогать мне. Безобразный маленький предмет для интерьера был моей единственной зацепкой, и я постараюсь ее сохранить.

Работа в ресторане не была особенно приятной. Жир от гриля попадал на мои волосы и одежду, хотя большинство времени я проводила в зале и работала официанткой. Белозеленый хлопковый фартук с рюшами и подходящей шапочкой на был пиком моды на осень. Но чаевые, особенно от постоянных посетителей, не были так ужасны, и каждый цент приближал меня к Нью-Йорку.

Тут был мистер Нельсон, который каждый день заказывал яйцо-пашот, тост из не просеянной муки и сок грейпфрута, оставаясь до тех пор, пока полностью не разгадает ежедневный кроссворд. Отец Армандо заказывал то, что пошлет ему святой дух. Миссис Ахерн всегда заказывала большую сосиску и прятала ее в сумке, чтобы ее йокширский терьер мог ее съесть, когда она придет домой.

Это было не удивительно, что я могла бы получить чаевые от моих одноклассников, но мы были достаточно далеко от школы Святой Бриджит так, что они приходили не слишком часто. К несчастью, наша братская школа Святого Себастьяна, находилась всего в нескольких кварталах на запад. Это значило, что мне приходилось обслуживать много шестнадцатилетних мальчиков, которые соразмеряют чаевые с тем, сколько находится в футболке. От такой команды я получала небольшое количество чаевых.

Со дня смерти Верити Ковальски стал постоянным посетителем, нарезанная солонина и глазуня, чей голый взгляд перекрывал уже мои артерии, и он всегда оставлял пятнадцать процентов чаевых. Он вытаскивал деньги из его растрескавшегося кожаного портмоне и тщательно отсчитывал каждый пенни, оставляя каждый раз неловко точную стопку в краю стола. Для него порядок имел очень большое значение, что я находила не очень доверительным.

Я как раз убирала четвертый стол, когда Тим, повар, крикнул из кухни: — Мо! Твой телефон звонит!

Через стук тарелок и столовых приборов, и через разговор за восьмым столиком я смогла расслышать мелодию. Я бросилась на кухню и оставила поднос с грязной посудой скользить по барной стойке.

— Мо? Это я, Лена.

— Привет! Что случилось? — Лена Сантос была главным редактором школьной газеты

и средней нападающей в школьной команде по волейболу вместе со мной. Она была непосредственна, несколько сварлива и однозначно гиперактивна, но мне она нравилась. Она была на похоронах и плакала, старалась, однако, взять себя в руки. Никакой истерики. Я ценила это.

— Сегодня вечером будет вечеринка у Джилл Макаллистер. Ты идешь?

Вечеринки Макаллистеров в конце летних каникул были легендарны, традиция святой Бриджит. Пять дочерей, родители которых были психиатрами и регулярно проводили время в Европе, так что в доме было отличное место для вечеринок первого класса, о которой ученицы говорили еще с декабря. Только немногие из младших имели доступ, но в этом году были приглашены все ученицы.

Верити и я планировали пойти туда с девятого класса. Джилл была самой младшей сестрой и в двенадцатом классе как мы, а значит, что это последняя вечеринка Макаллистеров вообще. Но мысль, пойти туда одной, приводила меня в панику, первый шаг в последний класс, пойти туда без Верити.

— Я не думаю, — я не была готова пойти на вечеринку. Я держала мобильный плечом, пока убирала поднос в посудомоечную машину.

— Идем уже, Мо!

— У меня нет настроения для вечеринки.

— Ты не можешь просто не пойти туда. Все будут там.

— Точно, — я начала убирать тарелки.

— И ты не можешь прятаться весь год, — сказала она. Лена писала хорошие истории и лучшие передовые статьи, умные, беспощадные столбцы, которые выражали именно то, что все думали, но не хотели сказать. За прошлые годы именно это понравилось мне в ней.

— Я не прячусь, я просто устала, — сказала я. — Кроме того, все будут задавать вопросы.

— Они и так будут их задавать. Гуляет целая куча слухов. Люди рассказывают все возможные глупости.

— Что, например?

— Например, что Верити была связана с наркотиками, и потому кто-то преследовал ее. Что она летом была не в Новом Орлеане, а на лечении.

— Это безумие, — выкрикнула я и бросила взгляд через качающуюся дверь. — Я каждый день говорила с ней. Подумай, позволили бы такое в изоляции?

— Тебе не нужно убеждать в этом меня.

— Если я не пойду туда...

— Тогда будет выглядеть так, как будто бы ты скрываешь что-то, — Лена ненадолго замолчала. — Тебе было бы полезно выйти.

— Я же выхожу на улицу. Я появляюсь на работе.

— Это не считается. Давай же, Мо. Мы скучаем по тебе.

Я сконцентрировалась на том, чтобы тщательно вытереть свой поднос и снова положить его в стопку. — Мо! — крикнул Тим. — Заказ готов!

— Верити сказала бы тебе, что ты должна пойти, — объясняла Лена. — Ты знаешь, что она хотела бы, чтобы ты наслаждалась этим годом на полную катушку. Она ждала бы этого от тебя.

— Мо! — еще раз крикнул Тим.

— Я подумаю над этим, — я не дождалась ответа от Лены, и просто захлопнула крышку

мобильного, бросила его обратно в сумку, причём я не смотрела на замотанную шпуковину в углу.

Я схватила «Вестернский Омлет» и «Бедного рыцаря», прошла обратно между качающимися дверьми и пыталась игнорировать раздражение, которое переполняло меня. Я не была так уверена в этом. Когда я поставила тарелки перед пожилой парой за третьим столиком, я заметила нового гостя за стойкой. Я повернулась, чтобы отнести кофейник назад к плите, только для того, чтобы оказаться непосредственно около моей матери на другой стороне кулинарного окошка.

— Кто звонил?

— Подруга из школы.

— Звучит, как будто ты строишь планы пойти куда-нибудь, — лицо моей матери приняло напряженно-кислое выражение лица, она поджала губы. Это была ее типичная реакция, непосредственно перед тем, как она скажет нет.

— Сегодня вечером некоторые собираются вместе. Я думала, что могла бы пойти туда.

Мама сложила руки на груди. — Я не думаю, что это хорошая идея.

Мой живот сжался в ожидании надвигающегося спора. — Это всего несколько девочек из школы, — и куча парней из университета, но об этом я не упоминала. Если бы моя мать была супергероиней, она могла бы быть Паниквумен, и могла бы сравнить город с землей, но она вся так резко напряглась, что поднялась с места.

— Ты еще не полностью выздоровела.

— Я достаточно здорова, чтобы работать, — подчеркнула я. — Если я могу выдержать здесь восемь часов, несколько часов на вечеринке не повредят мне, — я все еще не решила непременно оказаться там, но внезапно я подумала о последнем учебном году, о колледже и остатке своей жизни: моя мать оберегала меня, Колин наблюдал через окно, Верити больше нет, и я застряла здесь на званном обеде, невредимая конечно, и безумно скучающая. В сравнении с этим, вечер с моими одноклассницами должен был быть абсолютно чудесным.

— Это не безопасно. Ты не должна ходить одна, — она подняла руку вверх, чтобы поправить бланки заказов, которые были закреплены над ее головой.

— Я не буду одна. Я буду с людьми из школы, — грузовик Колина припарковался на другой стороне улицы, и я указала кофейником на окно. — Колин может отвезти меня и привезти обратно.

Очевидно, я тронулась умом.

Моя мама подумала над этим. Колин был милым католическим парнем, которому доверял мой дядя и умел ценить ее кулинарные способности, а единственный смысл жизни которого состоял в том, чтобы охранять меня. — Он все время будет с тобой?

— Нет! Боже, мам! Я не пойду на вечеринку старшей школы с охранником, — я слишком хорошо могла представить, какое произвело бы это впечатление во время нормального вечера, не говоря уже о его воздействии на других девочек. Колин, может, и играл на нервах, но я не была слепой. Он будет как ягненок на бойне. Широкоплечий, опасно привлекательный, обвешанный пистолетами ягненок. Я покачал головой, чтобы освободиться от мысли о том, как Колин будет защищаться без пистолета от некоторых моих наиболее возбужденных одноклассниц.

Некоторое время казалось, что моя мама действительно обдумывала мою просьбу, она закрыла глаза и сделала глубокий вздох. Что бы она там не видела за своими веками, но она наморщила лоб.

— Нет. Мне очень жаль, Мо.

— Но...

— Ты еще не выздоровела, и ты не должна без очевидных оснований разгуливать после наступления темноты. Пригласи подругу, — предложила она. — Вы могли бы взять напрокат фильм и сделать попкорн. Это было бы весело.

— Ты не можешь запереть меня дома до конца жизни, — я схватилась за рюши на кромке фартука, чтобы не дрожать. Она мстила мне за то, что я отказалась навестить моего отца, я была в этом уверена.

— Я бы хотела, чтобы могла, — с силой ответила она. — Ты все, что у меня есть.

Я слышала этот аргумент уже миллионный раз — девушки Фицджеральд против остального мира, у нас были только мы и должны держаться вместе. Это была вечная песнь моей матери, с тех пор как мой отец был заперт в государственной тюрьме. Но тем временем старая песня мне надоела, и я хотела собственной жизни.

— Я пойду туда.

— Ты не сделаешь этого, — ее лицо было бледным, рот сжат. — Не зли меня, Мо. Я не воспитывала тебя, чтобы ты так со мной разговаривала, — за стойкой послышался звонок.

— Ты меня воспитала так, чтобы я вообще ничего не говорила, — прошипела я и, потрясённая своей вспышкой гнева, схватила оранжевый кофейник за ручку. За барной стойкой сидел какой-то парень в узко облегающей футболке и бейсболке, сильно опущенной на лоб, меню закрывало остальную часть его лица. Вероятно, он всё слышал.

— Что закажете? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более весёлым. — Вишнёвый пирог сегодня особенно хорош.

Меню скользнуло вниз, Люк ухмыльнулся, глядя на меня снизу вверх.

— Только посмотрите, — протянул он. — Ты прямо в самом центре общественной жизни! Дом Верити, полицейский участок, ужин с гостем, вечеринки...

— Серьёзно? Ты следишь за мной? — я понизила голос до шёпота и бросила украдкой взгляд на опустевший красный грузовик на улице. — Тебе не стоит сюда приходить. Ты приносишь мне одни неприятности!

— Ты и сама прекрасно с этим справляешься. Такая занятая девочка. Да, Мышка? И как ты только со всем управляешься? — он протянул мне пустой кофейник, мне пришлось приложить усилия, чтобы фактически не вылить этот самый кофе на его колени. — Я думал, мы договорились, что ты держишься в стороне от всего. Ты, дорогая, совершенно не умеешь следовать указаниям.

— Поцелуй меня в зад.

Его улыбка стала шире, и в этот раз она была настоящей. — Будь осторожнее в своих желаниях. А кусочек пирога звучит довольно неплохо.

Я повернулась спиной к барной стойке и отрезала пирога, при этом надеясь, что Люк не сможет увидеть, как трясутся мои руки. Кусок был гораздо меньше, чем обычно, потому что Люк был слишком назойливым, чтобы ему досталась полная порция.

— Я думала, ты вернулся в Новый Орлеан.

— Я пришёл к выводу, что тебя необходимо держать в поле зрения, так как ты, как я уже говорил, паршиво прислушиваешься к другим.

Я слегка треснула его маленьким керамическим дозатором для крема.

— У меня уже есть сторожевой пёс, спасибо. А почему ты вчера вечером вдруг объявился?

— Ты нашла то, что искала у Ви?

Я чуть не выронила кофейник, при этом выражение моего лица осталось невиновным. — Мне нужно было забрать мои вещи.

— Мгм. — Его ярко-зеленые глаза смотрели на меня поверх кружки с кофе, в них читалось недоверие.

— И вообще, что именно я должна была искать?

— Ты мне и скажи это. Так как нет, конечно, никакой гарантии, но если ты что-то нашла, то ты так же знаешь, что с этим нужно сделать.

Я прищурилась. — Я лишь хочу выяснить, кто убил Верити. Поверь мне — в ее комнате не оказалось никакого подписанного признания.

Люк отломил небольшой кусочек пирога и указал вилкой на меня. — Зло. Если ты и дальше будешь искать, то точно найдешь его. Это будет такое большое Зло, что девочка как ты просто не справится с ним.

Девочка как я? Я сильно противилась желанию спросить его, что он имеет в виду. — Мне нужно позаботиться и о других столах.

Кипя от гнева, я вытирала столы, приносила счета, наливала кофе и забирала чаевые. И всё это время я чувствовала Люка, как он сидит за стойкой и делает вид, что меня тут нет. Это ужасно раздражало. Из-за этих мыслей о нём моя кожа покрывалась неприятными тёплыми мурашками.

— Проваливай, пока Колин тебя не увидел, — сказала я, когда вновь встала за стойку.

— Понятия не имею, что делает для тебя этот Куджо, но он не причинит вреда. Ты слушаешься его?

— Почему все считают, что он может мне указывать, что я должна делать? — я тёрла засохшее пятно от кетчупа с большей силой, чем было нужно.

— Потому что ты позволяешь ему это. Ты пойдешь на вечеринку?

— Она сказала... — я поджала губы.

— И ты прежде делала то, что она сказала? Ты не сделала ничего из того, что я просил тебя, с того самого момента как мы повстречались.

— Она моя мама. — На кухне вновь зазвенел колокольчик Тима.

— Не разбив яйца, яичницу не приготовить, — произнес Люк и откусил еще кусочек пирога.

— Да, класс. Я всегда именно та, кому приходится убирать весь свинарник за другими.

Он пожал плечами. — Я считаю, ты должна принять решение. И дальше всё держать в порядке — или получить то, чего ты хочешь. Ты не можешь получить и то, и другое.

Я принесла заказ из кухни. Когда я оглянулась, Люк уже исчез, а под пустой кружкой лежала двадцатка.

После работы я свернулась в постели и вновь посмотрела на снежный шар. Знал ли Люк, что именно это было тем, что я стащила? Знала ли это Евангелина? Возможно, она приказала ему следить за мной. Это просто немыслимо, чтобы кто-то интересовался таким пёстрым хламом. Арлекин сидел как пьяный, прислонившись к фонарному столбу. Он сидел на полуоткрытом сундуке, который был битком набит золотыми монетами и ярко разукрашенными драгоценными камнями. Один единственный рубин прижался к латунному шарниру сундучка.

И всё же там должен быть снег или нет? Верити спрятала его подальше шутки ради, или же она хотела на что-то намекнуть. Я попыталась открутить стеклянный шарик от

подставки, но он не двигался. Я безуспешно пыталась их разъединить. Вращала снежный шар и рассматривала каждый сантиметр нижней части в поисках какой-нибудь затычки, но шар был полностью запечатан. Должен был быть какой-то выход, как докопаться до внутренностей шара, но при всём моём желании я ничего не смогла придумать.

Мой мобильный зазвонил в то время, пока я всё ещё вертела снежный шар.

— Ну? — тут же спросила Лена. — Ты придешь или как?

— Я не могу. Мама на грани истерики.

— Но мы ведь уже в двенадцатом классе! Ты должна прийти!

Я расстроено опустила на кровать.

— Не парься ты о ней, — произнесла Лена.

— Она практически посадила меня под домашний арест. — Я бросила взгляд на грузовик Колина за окном. — Мне еще повезло, что я не должна носить электронные кандалы.

— Так же тяжело может будет и в футбольный сезон, — согласилась Лена, — Тогда сделай как и все голливудские звёзды, сбеги из дома.

Я дальше трясла снежный шар, и мне показалось, что сундук с сокровищами сдвинулся, как если бы один из драгоценных камней оторвался от цепочки. — Что? Я не могу так сделать!

— Пойдём! — настаивала она, — Ты заслужила право немного повеселиться.

Я была совершенно уверена, что вечеринка у Макаллистеров это не совсем то веселье, которое мне по вкусу. Еще полгода назад, возможно, так оно и было, — но не теперь.

— Время оторваться, Мо, — ругалась Лена. Эта фраза заставила вспыхнуть что-то в глубине моего сознания. Люк. Разбить пару яиц, так он сказал. Или?

— Я должна сейчас повесить трубку.

— Но ты же придешь, так ведь?

Это единственный раз, когда я повела себя импульсивно.

— Да. Ты сможешь меня забрать? Только поздно, когда моя мама уже будет спать? — И когда мой телохранитель поедет домой ночевать?

— Конечно!

Ее голос звучал восторженно и одновременно озадачено.

— Тогда, увидимся. — Волнение в моем голосе было настоящим, но оно не имело никакого отношения к вечеринке.

Я спрыгнула с кровати и засеменяла вниз по лестнице. У меня было мало времени, до того, как моя мама вернется из закусочной. И я совершенно не желала объяснять, что я задумала сделать.

На кухне я обеими руками подняла снежный шар вверх и со всей силы ударила им о край раковины.

Ничего не произошло.

Я попробовала еще раз, два резких удара. В награду за мои старания я оставила маленькую вмятину на гладком стекле и одну огромную на эмалированной поверхности раковины. Класс. Мне нужно нечто более твердое — что-то, на что мама не обратит внимание, когда ей понадобится что-то приготовить.

Порожки. Я выбежала через веранду на улицу и подбежала к бордюру. Крепко схватилась за шар и с размаху швырнула его на землю.

Сила удара отголоском чувствовалась в руках. Это было странно приятное ощущение, но

стекло по-прежнему было целым.

— Ну, давай же! — пыхтела я, замахиваясь снова и снова. — Ну... давай...

Я никогда не была тем, кто что-то ломает. Я и пискнуть боялась лишней раз, старалась не делать много шума. Я была такая порядочная девочка, точно как и говорил Люк, и куда это меня привело? Совершенно очевидно было лишь то, что я оставалась дочерью Джека Фицджеральда. То, что я было порядочной, еще не делало его таковым. Это не помогло Верити выжить. Это не помогло бы мне отправиться в Нью-Йорк, где я могла бы всё начать с чистого листа. Быть порядочной девочкой еще, черт возьми, ни разу не пошло мне на пользу.

Посыпалась битумная крошка. Некоторые камушки отскакивали в меня, но на стекле стали появляться трещины и царапины, пока я наконец не замахнулась шаром над головой и не бросила его настолько сильно, насколько могла. Шар разбился, вода полилась наружу. Мои колени и перед футболки были забрызганы, осколки стекла разлились сверкающей волной по порожкам и причудливо преломляли вечерний свет. Арлекин и его сундучок с сокровищами крепко держались на подставке, которую я, задыхаясь, вертела в руке, чтобы лучше разглядеть.

— Какого чёрта ты тут делаешь?

Я попыталась вскочить, но ноги запутались и я упала навзничь прямо посреди прохода и приземлилась на зад. Это и было главной причиной того, что я каждый футбольный сезон грею скамейку.

Колин стоял в конце подъездной дорожки, скрестив руки, а я всё пыталась подняться на ноги. Его мрачный вид мог бы быть успокаивающим, если бы он принадлежал какому-нибудь злодею.

— Я не пыталась ускользнуть. Я только хотела подышать свежим воздухом.

— Ты не отключила сигнализацию. Ты настолько спешила выйти на свежий воздух?

— Я забыла про нее. Извини.

— А есть ли какая-то причина тому, что ты тут разбила... что вообще это было? — он наклонил голову набок и окинул взглядом лужу из воды и осколков стекла. — Тебе чем-то не угодил этот снежный шар?

— Он был сломан, — пробормотала я.

— Ну, теперь-то он точно сломан. Тебе стоит прибраться здесь, — добавил он.

— Ты очень услужлив.

— Твой дядя сказал, что я должен присматривать за тобой, а не то, что я должен убирать за тобой всякий бардак.

Я выдохнула с сопением; я даже не заметила, что задержала дыхание. — Об этом я тебя также не просила. — Я должна была избавиться от Колина. Опять. — Я сейчас же здесь приберу, окей? Можешь отстать от меня? Ты прямо как моя мама.

Я, тяжело ступая, направилась в дом, взяла метлу и, вернувшись, подняла подставку от снежного шара и поставила ее на стол на веранде.

Колин прислонился к гаражу, когда я вернулась. — Ты рассказала мне не всё. — Это прозвучало так, будто он отчитывал детсадовского ребенка, которого он уличил во лжи.

— А должна была? — я смела осколки на совок, — я никуда не думала уходить, только собиралась вернуться.

— Прекрасная идея. — Он подождал, пока я уже почти оказалась на веранде, и после крикнул мне вслед — Какие планы на сегодняшний вечер?

Только не останавливаться. Никаких виноватых взглядов. — Я должна еще дочитать

литературу, что задали на лето, там еще много Шекспира. Просто море удовольствия. Доброй ночи.

— Тебе так же. И будь повнимательнее со стеклом.

Я в какой-то момент спросила себя, сколько у него было таких заданий, как это. Должно быть целый миллион, если исходить из того, какого совершенства он уже достиг. Он блокировал каждый вопрос моей матери так, что она даже не заметила этого, и провернул то же самое и со мной. Вздохнув, я закрыла за собой дверь и вновь включила сигнализацию. Кое-что я всё-таки выяснила: Колин следит за сигнализацией.

Я смела кухонным полотенцем оставшиеся осколки с подставки и выкинула их в мусорное ведро. Затем сверху бросила немного капусты, которая пролежала уже некоторое время. До прихода мамы у меня было еще немного времени.

Я рассмотрела подставку в мягком свете моей прикроватной лампы. Арлекин в своем пестром маскарадном костюме пусто улыбнулся мне. Даже разукрашен он был как-то дешево: цвета налезали один на другой, совершенно не так, как если бы это была работа самой Верити. Хотя она и предпочитала всегда сцену, но она также была и одаренная художница. Она никогда не была настолько неаккуратной.

А вот сундук с сокровищами был абсолютно другим. Драгоценные камни были так тщательно покрашены, и каждое крошечное звено украшений было отдельно нанизано, что они качались туда и сюда, когда я дула на них. Золотые монетки, которые выглядывали по краям, блестели и выглядели как настоящие. Я вскрыла шарниры канцелярской скрепкой и открыла крышку. Внутри находилась целая груда драгоценностей и монет.

Я вытряхивала их наружу, скребла кончиком ногтя. Что бы здесь не прятала Верити — если это конечно не было сделано ею для того, чтобы с того света посмеяться над моей глупостью — это должно было быть чем-то важным, раз она приложила к этому столько усилий.

Со слышимым щелчком открылось потайное дно сундучка. Небольшое отверстие проходило глубоко внутрь подставки, и было покрыто...какой-то тканью. Это был черный, абсолютно сухой бархат, который на ощупь казался мягким и слегка мятым. Я ощупывала его, пока не дотянулась ногтем до тоненького шелкового шнурка. Я дёрнула его и вытащила маленький чёрный мешочек. Дрожа, я потянула за шнуровку и вытряхнула содержимое на ладонь.

Кольцо. Нежный кружок из золота, такой тонкий и изящный, что я побоялась до него коснуться. В самый центр был инкрустирован мерцающий, кобальтово-голубой камень, не ограненный как сапфир, а гладко отшлифованный и блестящий как опал. Камень, словно маленький компас с направлениями света, был укреплен с четырех сторон бриллиантами, каждый из которых с легкостью мог украшать отдельное обручальное колечко.

— Бог мой! — я не слишком разбираюсь в украшениях, но это искусное сверкающее кольцо должно было быть очень дорогим — очень-очень дорогим, чтобы оплатить Верити всё, что она заработала этим летом, пока была у ее тети. Неужели она украдала его? Это из-за него ее убили?

Я снова и снова вертела в руке кольцо и пыталась с закрытыми глазами нащупать и разобрать выгравированную надпись на его внутренней стороне. Мягкий голубой цвет камня напоминал цвет глаз Верити.

Кольцо принадлежало ей. Я с полной уверенностью ощущала это в сердце. Только это, к сожалению, совсем не объясняло, как оно у нее появилось.

Но мешочек из-под кольца оказался не пустым. Я вновь потрясла его и обнаружила карту памяти, как в моей камере. Когда я, наморщив лоб, рассматривала ее, я услышала, как мама открыла заднюю дверь.

— Мо, почему Колин сидит снаружи? Тебе следовало пригласить его в дом, предложить стакан... Мора Кейтлин Фицджеральд! Почему на раковине вмятина размером с блюдце?

Проклятье. Я так и знала, что что-то забыла. Пока мама поднималась по лестнице, я смела кольцо и карту памяти в чехол от моей камеры.

— Величиной с блюдце! Что ж ты сделала?

— Я уронила сковороду. Я пожарила себе сыр, а когда хотела помыть сковороду, она выскользнула у меня из рук. — Как говорится: если хочешь, чтобы что-то получалось лучше, нужно только практиковаться в этом, то же самое и с ложью. — И вмятина не такая уж и большая.

— Раковина начнет ржаветь. Нам придется ее заменить. Я тебя не понимаю, — добавила мама и тут она впала в ярость. — Ты носишься со своей камерой, как с младенцем, а к моим вещам у тебя нет никакого уважения. И почему в мусорном ведре лежит целая грудка стекла?

От моей мамы ничего не может ускользнуть. Она вообще не высокого мнения о людях, которые имеют какие-то секреты и считают нормальным, хранить их.

— Мо? Это стекло?

Я пожала плечами. — Я выронила бутылку с холодным чаем. Сегодня просто не мой день.

— И что я по-твоему должна сделать с раковиной? Ремонт, между прочим, стоит денег.

Я хотела лишь того, чтобы она ушла. Кольцо лежало в чехле от моей камеры — и это первое настоящее, осязаемое доказательство, которое у меня было и которое умоляло меня, рассмотреть его поближе. Мне нужно было спланировать, как сегодня ночью ускользнуть. Но прежде всего мне нужно было избежать назревающей ссоры, так как дальше речь пойдет не о раковине, а о вечеринке или о чем-то подобном.

Это могло бы стать такой ссорой, которую мы бы вели годами, не обмолвившись и словом. Я не знаю, когда мне стало понятно, что моя мама ожидает от меня, что я буду идеальной дочерью, словно всё мое хорошее поведение было бы чем-то сродни покаянию за грехи моего отца. Я знала лишь, что я устала от этого.

— Хорошо, — рявкнула я, — я оплачу ремонт. Мне ведь совсем не нужны деньги, ведь я следующие сто лет всё равно никуда не выйду.

— Не смей говорить со мной в таком тоне. Я только лишь забочусь о тебе. Все мы заботимся о тебе.

Я бросила взгляд из окна. Колин сидел в своем грузовике, ел сэндвич и читал какую-то маленькую книжку.

Да. Все присматривают за мной — или по меньшей мере следят за тем, что я делаю. Как и всегда. Я ненавидела это. И я ненавидела, что именно мне нужно было за всё извиняться.

— Всё равно. Мы закончили? Я должна еще дочитать Короля Лира.

Мама сузила глаза и поджала губы. — Через полчаса будет ужин, — произнесла она, резко развернувшись на каблучках.

— Я не голодна, — крикнула я и хлопнула дверью. Я была, наверно, единственным подростком в Америке без замка на двери в комнату. И это раздражало, особенно сейчас. Я выудила кольцо и карту памяти из чехла, одним ухом прислушиваясь, не возвращается ли

мама.

Я люблю свою камеру, цифровую зеркалку с кучей объективов, которую мне на шестнадцатилетие подарил дядя Билли. Она обыгрывает по оптической длине маленькие компактные камеры, которые люди чаще всего используют. Это здорово, когда ты видишь через видоискатель именно то, что в последствии получаешь на фото.

Нет никаких искажений, никаких ошибок, и она настолько быстрая, что ничто не ускользает от нее. Одновременно — это единственный способ, который я знаю, чтобы стать невидимой. Когда люди видят большой черный объектив, они мысленно начинают представлять, что они делают, или, например, как выглядят их волосы. Никто не видит человека, который держит этот фотоаппарат.

Я подождала, пока загрузятся фотографии, и стала перелистывать их, когда они возникли на маленьком экране камеры. Фотографии района Гарден, шикарные изделия из кованого железа и старинные здания.

И фотографии Люка. Каждая фотография содержала в себе что-то от энергии Верити, ее обаяния. Тут же было и ее фото с Люком, где они вместе сидели перед каким-то кафе: угол был совершенно кривым, как если бы они держали камеру на вытянутой руке и снимали самих себя. Люк целовал ее в щеку, а лицо Верити сморщилось от смеха; вместе они выгляди совершенно расслабленно.

Я сглотнула и посмотрела на следующее фото: Люк с наигранно мрачным выражением лица смотрел поверх стакана чая со льдом. Лавка Евангелины, скромная деревянная вывеска которой весела на блестящей латунной цепи. Еще одно фото с Люком, как он стоит на балконе с коваными перилами и смотрит через весь город на заходящее солнце. Можно было заметить, что Верити незаметно сфотографировала его, так как он производил впечатление совершенно не подозревающего, полностью отвлеченного, отрекшегося от тех манер, которые он всё время выказывал при мне.

Я хотела верить, что Верити пыталась рассказать мне что-то, что она хотела, чтобы я нашла эти фотографии и кольцо, и чтобы я сложила их как в каком-то трудном уравнении. Но я просто не понимала, чем был здесь Икс.

В гневе я носилась по комнате туда и обратно. Почему Верити так много скрывала? Чего она ожидала от меня теперь? Я пролистала вновь фотографии, немного медля, когда натыкалась на фото Люка. Он выглядел нежным. Счастливчик. Конечно, он был счастлив — ведь Верити тогда была еще жива. Не было того сурового мерцания в его глазах и стиснутых зубов, так как они встречались. Их явная симпатия четко объясняла одно — она доверяла ему. Люк был на моей стороне, или, по крайней мере, на стороне Верити.

Пока я размышляла о фотографиях и игнорировала очередные оклики мамы спуститься поужинать, уже наступила ночь — опустились предосенние тёмно-синие сумерки. Я взглянула на часы. Час назад, когда мама отправилась спать, я лишь пробормотала ей неискренне «Спокойной ночи», а сейчас уже было почти половина одиннадцатого. Я выключила свет и ждала, когда раздастся тихое громыхание отъезжающего грузовика Колина.

Когда шум умолк, я решила переодеться. Я хотела надеть что-то такое...что не характерно для меня. Нечто, что докажет людям, что у меня всё в порядке, даже если это вовсе не так. Как бы то ни было, они всё равно будут говорить обо мне — этого не избежать — но так я хотя бы смогу избежать открытой жалости. В конце концов, я решила надеть короткую черную юбку и шелковый зеленый верх; ко всему прочему я надела еще и

сиреневый шарфик. Верити любила так одеваться. Возможно, это придаст мне хоть часть ее силы.

Мне казалось неправильным оставлять кольцо, поэтому я продела в него золотую цепочку, которую я получила в подарок по случаю конфирмации. Я надела цепочку на шею и тщательно спрятала ее под шарфиком. Цепочка была достаточно длинной, чтобы укрыть кольцо под моей кофтой. Его прохлада ощущалась на моей коже, как от талисмана, и было такое чувство, будто Верити была рядом со мной.

Я не знала, зачем я иду на эту вечеринку. Возможно, чтобы ускользнуть от мамы, чтобы проверить, насколько хорош Колин, чтобы увидеть, действительно ли я справлюсь без Верити, или просто чтобы сдержать своё обещание, данное Лене. Из всей этой неразберихи причин ни одна не была особенно подходящей.

Двадцать минут спустя я прокралась наружу, причем мне пришлось сделать небольшой крюк, чтобы обойти все скрипучие ступеньки на лестнице и пустой проход в гостиную, вышла на веранду и выключила сигнализацию. Даже если Колин заметит, что кто-то что-то изменил, я и Лена будем уже далеко, когда он вернется сюда, чтобы следить за мной.

Я коснулась кольца, которое сейчас слегка нагрелось от моей кожи. В конце подъездной дорожки Лена посигналила мне фарами ее белой Шевроле-Малибу, и я побежала к ней.

— Вот видишь? — спросила она, когда я села в машину и оправила юбку. — Всё идет по плану.

В этом я сомневалась. Что еще пару минут назад не казалось мне такой ужасной идеей, теперь же выглядело совершенно глупым. Я сжимала пальцы и ненавидела себя. Что я здесь делаю — иду на вечеринку, когда моя лучшая подруга мертва? Что за чудовище способно на такое?

Лена взглянула на меня и помотала головой, — Ни при каких условиях, — сказала она, — Я не поверну назад.

— Я что-то нехорошо себя чувствую, — ответила я. Даже если я сейчас произнесла это как ничтожество, меня это совершенно не беспокоит.

— Ты не можешь прятаться весь год. Если ты сейчас это переживешь, тебе же станет от этого легче. — Она резко закрыла рот ладонью, — Прости. Я не это хотела сказать. Я не хотела напоминать тебе... об этом.

Я дотронулась до цепочки и отвернулась к дороге, глядя на фары проезжающих мимо машин, свет которых расплывался из-за наполнивших глаза слез, которые я пыталась сморгнуть. — Ты не можешь мне напомнить об этом. Для этого я должна была бы сначала всё забыть.

Когда мы приехали к дому Макаллистеров, я замешкалась.

— Иди вперед, — сказала я Лене. — Мне нужна всего одна минутка.

Она наморщила лоб. — Если ты не придешь через пять минут, я вернусь и заберу тебя. Готовься.

Я подождала, пока она закрыла дверь, и села на ступеньки перед элегантным домом из красного кирпича. Мне стало дурно от нервного перенапряжения.

Кени Вест звучал за дубовой дверью в форме арки, а между великолепных занавесок я могла видеть, как мои одноклассницы танцуют, пьют и флиртуют с заезжими ребятами из университета ДеПола и Лойола. Почему развлекались именно с милыми студентами католических высших школ — размышления были таковы — кто же еще мог без труда

раздобыть католических студентов?

Это была вечеринка, о котором мы говорили с самого поступления в старшую школу, и вот я здесь, а Верити нет. Я касалась цепочки, которая весела на шее. Она должна была быть здесь, идти впереди и делиться со всеми своей красотой, энергией, своим сиянием, о котором мечтала каждая девушка.

Я так не могла. А Верити смогла бы. Она бы так и сделала. Она бы слегка нервничала, но упрямо бы зашла внутрь. И я должна сделать то же самое, иначе я докажу, что я действительно такая маленькая и слабая, как считает Люк.

Я сняла цепочку и положила кольцо на ладонь. Даже в матовом свете дверного фонаря присущий камню блеск выглядел как-то диковинно. Все постоянно говорили мне, что душа Верити всё еще со мной. Так почему же не в ее украшении? Я надела кольцо на палец и удивилась — оно подошло мне. Кольцо вновь уловило свет фонаря и мне показалось, будто оно вспыхнуло огнем, как будто белое сияние прошло сквозь синий камень. Я уставилась на него как парализованная.

Дверь распахнулась. Лена потянула меня внутрь, держа в руке пластиковый стаканчик с Абсолют Мандрин.

Когда я появилась, вечеринка остановилась не молниеносно: музыка продолжала играть, пары на диванах болтать дальше и алкоголь продолжал течь в их крови, но всё же моё появление отразилось ощутимыми волнами. Каждая компания мимо которой я проходила резко замолкала, но как только я отходила немного дальше все начинали посмеиваться, а затем смешки перерастали в громкие сплетни.

— Сюда, — произнесла Лена и повела меня через комнату, которая была уставлена античной мебелью и наполнена неприятным сладким дымом. Мы прошли музыкальную комнату, в которой из всех углов доносилась музыка как из фильма «Семейка Адамс». В конце мы оказались на кухне. Лена принесла что-то в пластиковом стакане красного цвета и с фруктовым запахом.

— Космо, — произнесла она. — Это именно то, что тебе нужно.

— Разве это так заметно? — Возможно. Это было ужасной идеей, выпив половину напитка, я поставила стакан и немного закашлялась.

Лена нервно улыбнулась и вновь наполнила стакан, — Это — жидкая храбрость.

Я хмыкнула и сделала ещё один глоток. Её улыбка исчезла.

— Что-то не так?

— Не волнуйся, — произнесла она обнадеживающим голосом. Но я не успокоилась.

— Что такое? — Я поставила стакан на мраморную столешницу. Моя мать? О Боже. Колин? Я закрыла глаза и пожелала, чтобы алкоголь как можно скорее достиг моего кровообращения.

— Сэт здесь.

Мои глаза раскрылись от удивления. — Сет Гибсон? Что он тут делает?

— Джилл решила пригласить ребят из Святого Себастьяна.

— Даже жаль, что за все эти деньги она так и не сможет купить себе хороший вкус, — пробурчала я. — Он знает, что я здесь?

— Я думаю, уже все заметили твой приход, — сказала она тихо, а я вновь взяла свой стакан.

«Ничего страшного,» — сказала я себе. «У нас было всего одно свидание в прошлом году, когда мы пошли на школьный бал, да и за лето мы гуляли всего пару раз. Он действительно милый парень.»

«Господи, он же скучный», говорила Верити. Она просматривала вешалку с одеждой из секондхенда и сконцентрировано морщила лоб. «Такое чувство, будто он получил олимпийскую медаль в категории — посредственность-».

«Он милый», помотала я головой, глядя на прозрачный сиреневый шарфик, который она обнаружила. Она тяжело вздохнула и повесила его обратно.

«То же самое можно сказать и про кокер-спаниеля. Тебе не нужно что-то — милое-. Ты и так всю жизнь проводишь, стараясь быть милой. Тебе нужен...»

«Настоящий подонок?», предположила я. Она слегка ударила меня. «Кто-то...кого можно встретить на каждом углу. Кто-то опасный.»

«Нет, спасибо».

«Кто-то агрессивный. Ну самую малость порочный», заверила она меня и протянула блузку без рукавов из сатина цвета зеленой бутылки. «Не такой злобный как серийный

маньяк убийца. Примерь-ка эту.»

«Приятно осознавать, что даже ты предъявляешь минимальные требования». Я неохотно взяла блузку, прохладная гладкость материала чувствовалась на кончиках пальцев. Это не мой стиль — слишком глубокий вырез и слишком непрактичная. Это скорее подошло бы Верити, чем мне. Но она прогнала меня в узкую, плохо освещенную примерочную, а сама осталась ждать снаружи.

«Мо, единственные ребята, с которыми ты гуляла, были те, что нравились твоей маме.»

«Если бы они ей не нравились, то я бы вообще не смогла бы с ними гулять.» Это прозвучало как весьма разумное возражение. Я отодвинула шторку, и лицо Верити просияло.

«Твои волосы выглядят просто потрясающе. Ты берешь ее! И это тоже», сказала она с нажимом, повязывая шарфик вокруг моей шеи. Кончики шарфа проскальзывали сквозь мои пальцы, и казалось, что шарфик совсем ничего не весит. «Не твоей же маме целоваться с этими парнями. Тебе нужен кто-то, кого бы ты испугалась. Вот скажи откровенно, разве Сэт Гибсон пугает тебя хоть сколько-нибудь?»

Сэт еще ни разу не пугал меня, даже когда на полную включал кондиционер в своей Хонде-Сивик.

— Привет, Мо. — Помяни чёрта... Сэт появился в дверях, веселый, но с нервной улыбкой на лице.

Лена вздрогнула и протолкнулась мимо него. — Увидимся позднее, — сказала она.

— Привет, Сэт. — когда он подошел ко мне, я вцепилась в свой стаканчик с напитком.

От него несло пивом. Он неловко обнял меня, а затем немного отступил. — Мне очень жаль, что так случилось с Верити, — сказал он после одной из таких пауз, которые становятся всё длиннее и неприятнее, в то время как пытаешься вызвать наименее болезненную реакцию. — Это так нереально.

— Это самое подходящее выражение. — я окинула взглядом пластиковые стаканчики, что стояли в ряд на столе. Космополитан, яблочный мартини, клубничный дайкири, Lemon Drop. По крайней мере могла бы взять себе парочку фруктов. Цинга нам точно не грозит.

— Но зато с тобой ничего не случилось. Это хорошо.

На это у меня не было ответа.

Мы направились в уголок с закусками, конечно если помещение размером с мою комнату можно было назвать «уголком». Комната была в желто-голубых тонах, в стиле французского сельского дома, только который себе не мог бы позволить никакой крестьянин. Я уставилась на коллекцию тарелок с изображениями петухов, лишь бы не смотреть Сэту в глаза. Они уже достаточно сильно блестели и были полны вопросов. Лицо его покраснело. Подвыпивший, но еще не совсем пьяный.

Из-за того, что я пропустила ужин, коктейль тут же ударил мне в голову. Теперь я жалела об этом. Было бы гораздо легче избегать Сэта, если бы только я увереннее стояла на ногах.

— Я был на похоронах, — сказал он. — Почему ты не подошла к нам и осталась в стороне?

Потому что я высматривала убийцу? — Я была с семьей.

— Мы все после речи пошли к Андерсонам. Тебе тоже следовало бы прийти.

Конечно. Сперва они пошли на похороны Верити, а после опрокинули по рюмочке в ее честь. Я одернула вновь юбку и попыталась найти лучший путь к отступлению.

— Мне нужно найти Лену...

Сэт прервал меня: — Ты была там, так ведь? Как это произошло?

Я ощутила неприятную кислоту во рту. Я сделала еще один глоток, чтобы убрать этот привкус. — Да.

— Тебе невероятно повезло, Мо, — он подошел ближе. — Это такая удача повстречаться с тобой.

Я мысленно кричала, как он может считать это удачей!

Он слегка коснулся моего локтя. — Знаешь, я после всего не звонил тебе, потому что думал, что тебе, наверно, понадобится немного времени.

Я не стала намекать ему, что прошло только две недели после всего. Я устала на свой стакан, пока он торопливо продолжал:

— Я спрашивал себя, может ты хотела бы сходить на этот новый фильм — от типа, который снял «Фантомы»? А после может хотела бы сходить куда-нибудь поесть?

Фильм ужасов? Он это серьезно? Я сделала маленький шаг назад.

— Вау. Это...эм...действительно мило с твоей стороны, Сэт. Но я не совсем уверена, что уже готова к этому.

— Ты выглядишь мило. Ну, как если бы у тебя всё было уже в порядке, я имею в виду.

Мило. Я потихоньку начинаю ненавидеть это слово.

— Может в следующую пятницу? Это было бы неплохим способом начать новый учебный год. — добавил он. Он придвинулся ближе и погладил меня по обнаженному плечу — и этого было достаточно. К черту «быть приличной»!

Я оттолкнула его руку. — Мне нужно найти Лену, — произнесла я и выбежала из комнаты.

Было крайне глупо сюда приходить. Глупо верить, что я смогу вернуться к своей прежней жизни, которая разбилась вдребезги как снежный шар Верити. Я оступилась на выходе и, даже если другие в этот раз шушукались, то я этого не заметила.

В таком доме как наш хорошо то, что когда ты внутри, он выглядит размером с картонную коробку из под обуви. Тут не заблудишься, насколько бы ты ни был пьян. С домом Макаллистеров было иначе. Я искала выход на свободу — а оказалась в саду позади дома. От бассейна исходил мерцающий свет, запах хлорки неприятно смешивался с гашишем. Внутренний дворик и газон были заполнены бумажными фонариками.

Повсюду стояли небольшие группки мебели, на которой сгрудились люди, а басы от музыки гремели так, что вибрировали зубы. Именно от этого я хотела уйти. Я увидела одиноко стоящий стул за живой изгородью и в некотором роде чуть ли не прыгнула на него.

По другую сторону живой изгороди собралась какая-то толпа — Джилл Макаллистер окруженная своими поклонниками. По-началу я не могла понять, о чем они говорили, но когда музыка сменилась с электронной на Инди-Поп, я смогла услышать разговор.

— Вы вообще в курсе, что говорят о случившемся или как? — Джилл без сомнения наслаждалась их заинтересованностью. — Убийцы гнались за Мо, а не за Верити.

Было слышно как ребята хватали ртом воздух. — Реально?

— Да такого быть не может, — сказал кто-то пренебрежительно. — Мо? Они сначала должны были бы ее хотя бы заметить. — Раздался слаженный смех.

Я укусила себя за губу, когда Джилл сказала:

— Но это так. Это всё из-за ее дяди. Вы знали, что он гангстер?

— Это точно, — согласился с ней какой-то голос. — Ее отец...

— ... был всего лишь бухгалтер, — прервала Джилл другую девушку: ни при каких

обстоятельствах она бы не допустила, чтобы кто-то другой прибрал к рукам всю славу ее эксклюзивных новостей. — Он отмывал деньги для мафии, но в этом участвовала вся ее семья, даже ее мать. И его, кстати, скоро выпустят из тюрьмы.

— О мой Бог! — взвизгнул чей-то голос.

— Могли бы вы такое себе представить?

Можно было легко понять, что при этих словах Джилл язвительно ухмылялась.

— Как вы думаете, он придет на ее выпускной в одежде заключенного? — группка захихикала, а она бодро продолжила:

— Мой отец играет в теннис со своим адвокатом, и тот сказал, что полиция предполагает, якобы мафия просто хотела запугать дядю Мо или что-то типа того. По сути, они должны были только избить ее.

— Нет, — прошептали девчонки. — И тогда вместо этого они убили Верити?

Кто-то еще подметил к слову:

— Они совсем слепые что ли? Как можно было их перепутать?

— Да, знаю. — Еще более злорадный смех. И всё же я не двигалась, замерла, лишь бы услышать больше.

— А за ней всё еще следят? Я имею ввиду... Если она в опасности, не значит ли это, что мы тоже? — они шептались, рассчитывая, какое воздействие может оказать эта опасность на их популярность.

— Вероятно, нет, — сказала Джилл, наслаждаясь каждой секундой своего звездного часа. Какая же она мразь! Она, конечно, всегда ей была. Я знала, что смерть Верити никак не связана с моей семьей — в этом я была абсолютно уверена. Но это последнее едкое заявление вызвало во мне ужасное чувство.

Интересы Ковальски по отношению к дяде Билли, напористая тактика Эльзы, постоянная бдительность Колина, нарастающая паранойя мамы — они так среагировали, как будто они верят, что здесь должна быть какая-то связь. И для этого у них должна была быть только одна причина, если слухи про моего дядю и мафию являются правдой.

Я вонзила ногти в ладонь и стерпела, когда Джилл продолжила:

— Они сделали это в назидание, разве не похоже на это? Кроме того, одна мертвая девушка — еще может быть случайностью, а вот две... Вот это уже вызвало бы большой переполох в СМИ.

Её слова звучали так самодовольно, так умно, что я хотела схватиться через изгородь за ее обесцвеченные волосы и выдрать их с корнем. Она трепалась о том, что сама подслушала, и приукрасила всё так, чтобы только заполучить больше внимания. Она никогда не любила Верити. Она всегда завидовала, что кто-то, у кого не было так много денег и кто был не такого высокого социального положения как она, мог быть искренне любим и популярен, в то время как Джилл скорее боялись, чем любили. Но я всё же промолчала. Осталась в тени, как всегда.

— А Мо знает об этом? — спросил кто-то.

— Ну, конечно! Иначе почему еще ей приходится так тихо себя вести? Она не дает никаких интервью. Каждый раз, когда она разговаривает с кем-то из полиции, то при ней всегда находится какая-то адвокатша, которая берет 800 долларов в час, и вы же видели ее на похоронах — она даже не захотела с нами поговорить. Это ее вина, и она это знает.

Хватит. Я должна уйти. Я споткнулась, но мне было всё равно, услышал меня кто или нет. Огни расплывались, стены и пол оказались под каким-то странным углом. Люди

плялились на меня, когда я протискивалась мимо в переполненной комнате, ища Лену. И я чувствовала, они видели, что я пьяна. Завернув за угол, я побежала к Сэту. Его лицо просветлело, и он схватил меня за руку.

Я вырвала руку и побежала в другой коридор; я отчаянно искала выход. И зачем мне вообще искать Лену? Мне всего лишь нужно было найти другой путь домой. В конце концов, я нашла входную дверь и чуть не упала со ступенек. Пока я брела по дороге, я жадно хватала ртом воздух. Не имеет значения, где я сейчас находилась, пока это было достаточно далеко от вечеринки.

История Джилл была абсурдом. Ну, при чем здесь мой отец, ведь не было доказано, что дядя Билли как-то связан с этим отмыванием денег, из-за которого осудили моего отца. Отец был мошенником, причем паршивым. Но дядя Билли был чист — по крайней мере, настолько, насколько это было возможно в Чикаго. Он никогда бы не сделал того, что могло бы навредить семье. Он обещал мне. И я верила ему. До сегодняшнего вечера.

Верити дала бы отпор Джилл. Она бы не пряталась за кустом и не допустила бы, чтобы какая-то злобная затасканная потаскуха, недоделанная Пэрис Хилтон, плохо отзывалась о ее семье и ее подруге. Но, как я уже говорила, я не такая как Верити. Я даже не могу приблизиться к тому, что быть хоть немного похожей на нее.

Я бросила взгляд на кольцо, на его белое, подобное солнечному сияние, которое мелькало в глубине темно-голубого камня, когда на него попадал свет от фонаря. Оно идеально подходило мне. Может быть, именно поэтому Верити не носила его. А может, чтобы сохранить его до тех пор, пока она не сможет отнести его к ювелиру и исправить размер. Кто вообще знает, почему она за последние пару месяцев делала что-то так или иначе? Не я, это уж точно.

По крайней мере ночь была прекрасна: приятная прохлада ощущалась на моей разгоряченной коже. Луна, почти полная, разливала белый свет по округе. В этом квартале были исключительно большие, элегантные дома, старые деревья и многочисленные уличные фонари. Я какое-то время просто прогуливалась, пока в голове не прояснилось, после я повернула обратно и решила подождать Лену у машины.

Температура падала, пока я шла по хорошо освещенному тротуару. Я немного ёжилась на легком ветру, хотелось бы мне, чтобы у меня сейчас оказался с собой свитер. Я пошла по улице через маленький парк. Там была бейсбольная площадка, трибуны и игровая площадка с металлической горкой, качелями и геодезическим куполом. Я покопалась в сумочке в поисках своего мобильного и высматривала какой-нибудь уличный указатель. Я могла бы позвонить Лене. Она бы забрала меня, если бы я смогла узнать, где я нахожусь.

Или я могла бы позвонить Колину. Он при любых обстоятельствах сможет меня найти. Правда, если я позвоню Лене, маловероятно, что она станет орать на меня.

Легкий ветер освежал, а лунный свет отбрасывал на игровую площадку ромбовидные тени от шведской стенки. Качели тихонько сталкивались друг с другом, и их цепи позвякивали. Мне показалось хорошей идеей присесть, и я пошла к металлической крутилке, но зацепилась каблуком о бордюр, из-за чего резко и болезненно подвернула лодыжку. Отлично.

Я доковыляла до крутилки, устало приземлилась на нее и прислонила голову к металлическим поручням. Боль в лодыжке притуплялась, и я стала массировать ушибленную ногу, другой крепко упершись в землю. Мои черные сандалии на остром каблуке были не самой подходящей обувью для поспешной ходьбы на пьяную голову. Будь здесь моя мама,

она бы сделала мне какое-нибудь набожное замечание по поводу опасности желаний нравиться другим. И сразу после этого она бы меня придушила...

Это парящее чувство, которое вызвал во мне Космополитан, не смогло заставить меня забыть о тяжелом бремени, которое взвалилось на мои плечи после слов Джилл. Хотя я уже слышала сплетни про моего дядю, они не были настолько прямыми, но никогда не слышала сплетен о себе. Даже знание того, что смерть Верити никак не связана с моей семьей — Люк дал ясно понять, что здесь нет никакой связи, и он, казалось, был более чем заинтересован в этом, всё же ничего нельзя было изменить и это не могло уменьшить ужас и гнев, которые переполняли меня изнутри.

Когда вновь начнутся занятия в школе, я буду вынуждена находиться в классе полным людей, которые верят, что я являюсь причиной того, что Верити мертва. Перед лицом этого осознания у меня скрутило живот. Все взгляды, которые направлены на меня и которые не знают правды, но при этом осуждают именно меня. Если до этого я уже была аутсайдером, то теперь это ничто в сравнении с тем, что меня ожидает в предстоящем учебном году.

Внезапно весь парк почернел и стало очень холодно. Я встала как раз в тот момент, когда крутилка начала вертеться и упала лицом на игровую площадку.

Я проигнорировала боль в лодыжке, с трудом поднялась, отряхнулась и посмотрела на небо. Луна недолго была в поле зрения и исчезла, когда что-то кожистое прошмыгнуло передо мной.

Я закричала.

Черная фигура неслась ко мне. Я побежала к домам по другую сторону улицы, но моя больная лодыжка затрудняла бег.

Нападавший прыгнул, не элегантно, но невероятно энергично. Он приземлился передо мной, такой огромный, что его тень блокировала мне вид на уютные кирпичные дома. Я повернулась и побежала обратно к качелям.

Он остановился, гортанно зашипел и, кажется, тихо засмеялся. Я отчаянно толкнула сиденье качели в его сторону и побежала дальше.

Толстая цепь ударила его в грудь и отбросила на полметра назад. Мне никогда от него не сбежать — он слишком быстрый. Вместо этого я побежала к железному куполу, единственному, что могло послужить мне хоть каким-то укрытием. Он был сделан из толстых металлических прутьев, и отверстия были рассчитаны на школьников, а не на аномально крупных убийц. Если мне удастся выиграть немного времени, я смогу позвать на помощь.

Я оглянулась. Моя ошибка. Он всё еще гнался за мной, огромный, наверно, на полметра выше меня, укутанный в черную кожу. Рукава его пальто разлетелись как крылья, когда он схватил меня.

Когда я коснулась кончиками пальцев до прутьев купола, он схватился сзади за мою блузку и рванул меня на землю; моя сумка отлетела в сторону. Он вцепился в ногу и потащил меня к себе. Мои ноги и руки были оцарапаны о землю, шарфик Верити всё туже затягивался на моей шее. Его рука, колючая и сильная, чувствовалась на моей лодыжке: пальцы были тонкие, но при этом твердые как сталь и шершавые. Я рыдала, пиналась и брыкалась, попала ему по капюшону каблуком сандалии с ноги, которую он не держал. Раздалось клокотание и треск, после он, взревев, упал навзничь.

Я отползла, а после почти побежала. Добравшись до купола, я пролезла в отверстие, которое первоначально предназначалось для третьеклассников. Я болезненно закашлялась,

пытаясь отдышаться, в то время как вокруг купола бродил злоумышленник.

Он засовывал руку между прутьев, но я отползала так, чтобы он не мог дотянуться. И тут я обнаружила мою сумку. Позади него. На расстоянии трех метров.

Я оказалась в ловушке, и мне не оставалось ничего другого, как закричать.

Он зарычал, одним мощным прыжком он приземлился на купол и протянул руку внутрь, чтобы схватить меня. Я прижалась к земле всем телом и закрыла лицо руками. Кольцо становилось обжигающе горячим.

Кольцо Верити.

Он вновь зарычал, а я оцепенела; мой ужас был вытеснен гневом. Это он был убийцей Верити, или одним из них. Это должен был быть он. Я протянула руку, и кольцо сверкнуло. Лунный свет был слабым, но даже этого хватило, чтобы камень заискрился, как если бы свет исходил откуда-то изнутри.

— Это то, что вы хотели забрать? Из-за этого она мертва?

Он впал в неистовство и бросился на купол, выгибая прутья.

— Я отдам его тебе, ладно? — Если он меня при этом всё же не убьет.

Оказалось, что у него при себе был какой-то нож: металлический скрежет заполнил пространство, когда он начал пилить прутья.

— Ну же! — взмолилась я, — Давай заключим сделку. Ты получаешь кольцо. Я иду домой. Все в выигрыше.

Он не собирался заключать никакую сделку. Никто не отреагировал на мои крики. Я не могла вызвать помощь, потому что мой мобильник лежал вне купола, так далеко, словно это были целых три километра.

Он, судя по всему, не собирался торговаться из-за кольца, но всё же я могла выиграть немного времени. Если я брошу кольцо в противоположном направлении, у меня может оказаться достаточно времени, чтобы выскользнуть, схватить телефон и невредимой вернуться назад. Я смогла бы вызвать полицию. Этого, возможно, было бы достаточно, чтобы обратить его в бегство.

Он уже справился с первым прутком и начал пилить следующий. Он вырезал себе проход. Этот скрежет эхом отдавался в моих зубах и костях. Я резко начала дрожать. Я потеряю кольцо, но разве моя жизнь не дороже какой-то драгоценности? Верити поняла бы меня.

Я попыталась снять его с руки, но оно не двигалось. Второй прут с грохотом упал на землю и не попал в меня всего лишь пару сантиметров. Скрежет вновь заполнил уши, когда он принялся за третий прут. Меньше чем через пару секунд он окажется внутри. Я резко дернулась, и у меня перехватило дыхание.

— Я бы действительно предпочел, чтобы ты не делала этого, Мышка! — раздался знакомый протяжный голос.

Люк вышел на игровую площадку, крикнул что-то на неизвестном мне языке, и вновь появилась Луна.

И то, что всё это время было на куполе и пыталось прорваться ко мне... Это был не человек. Это был какой-то кошмар.

Это нечто — не человек, нечто, как я вновь и вновь повторяла себе — оно прекратило пилить прутья и обернулось к Люку, как если бы учуяло новую добычу. Задыхаясь, я привалилась к стене купола.

— Лучше не снимай кольцо, — крикнул мне Люк, продолжая следить за монстром,

пока тот приземлился на корточки. — По крайней мере до следующего раза.

— У него нож! — крикнула я.

— Более того, — продолжал он, — как ты смотришь на то, чтобы просто оставаться сидеть там внутри, мм?

Внезапно это нечто бросилось на Люка, который отскочил в сторону и выхватил — Богом клянусь! — настоящий меч. Он сверкал каждый раз, когда на него попадал лунный свет; искусный узор покрывал всё лезвие до самой рукоятки, а Люк обращался с ним так, как будто он был с ним одним целым. Всё его тело было гибким, расслабленным и готовым к бою. Я почувствовала облегчение, когда увидела это зрелище, но ужас всё равно переполнял меня.

Люк бросился вперед и парировал; меч сверкал как молния. Я слышала его тихое бормотание и хриплые шипящие крики существа, когда оно со зверскими ударами кидалось на Люка.

— Это он убил Верити! Он один из них! — кричала я, судорожно вцепившись в прутья. Несмотря на теплую ночь они были холодными как лед и обжигали кожу.

Люк игнорировал меня. Он полностью был поглощен атаками, отступлениями и речитативом. Я старалась разобрать слова среди звона сталкивающегося металла и пыталась расслышать свое неровное дыхание. Поднялся ветер. Тяжело выдохнув, Люк обрушил меч на руку существа и она упала, а мои уши вновь заполнили крики.

Не было крови — только отвратительный поток воздуха, как вонь от чего-то гниющего. Пальто было разорвано, и я увидела не руку, а что-то, что, возможно, когда-то давно было рукой. Теперь она представляла собой торчащие кости, разлагающиеся куски мяса, рваные лоскуты кожи. К горлу подкатила желчь, и я зажала рот кулаком.

Люк отступил назад, когда это нечто с покалеченной рукой ударило его, и глубоко резануло по лопатке похожим на копыто пальцем. Раздался пронзительный крик и Люк на мгновение упал, но продолжил сражаться.

— Мышка, тебе придется выйти, — крикнул он, и его голос впервые звучал так напряженно.

Он сделал дугу, и встал между существом и мной, достаточно близко, что я могла дотянуться до него через прутья. Кровь ярко-красным пятном растекалась по его спине, словно раздавленный багряный цветок.

— Но... — Нечто хрипло зарычало. Луна исчезла, и парк снова погрузился в темноту.

— Он вызвал дружков, — рыкнул Люк, — Сейчас, Мышка.

Я вылезла наружу, ударилась плечом и споткнулась, приземлившись на ладони и колени. Я была настолько слаба, что, чтобы поднять на ноги, мне пришлось опереться на прутья. Люк продолжал двигаться с той же грацией и силой, что у меня захватило бы дух, если бы я не была напугана до смерти.

Он бросил беглый взгляд в мою сторону, кивнул единственный раз и опять стал наступать на существо, вонзая меч в его грудь и вновь вытаскивая его с каким-то отталкивающим, свистящим шумом. Существо скорчилось и стало извиваться. Люк начал вращаться вокруг, произнося какое-то заклинание и рассекая воздух мечом — один раз, два, три. Клинок вспыхнул, и там, где он рассекал воздух, возникали красно-золотые огненные линии.

Мерцающие огни парили в воздухе, почти такие же большие как и я, и создавали что-то вроде дверного проема. Вне этих линий игровая площадка была окутана тенью, но внутри

была какая-то черная, неестественная темнота. Даже пламя — кроваво-красное в середине, бледнеющее к краям до оранжево-белого — не могло осветить ее. Оно потрескивало как настоящий огонь, но при этом я совершенно не чувствовала никакого жара.

Существо с трудом поднялось на ноги и подошло к Люку. Я закричала, чтобы предупредить его. Он выругался и вновь порубил это нечто — оттеснив его одним сильным и быстрым ударом. Пока клинок всё еще странно сверкал, Люк схватил меня за запястье и притянул к себе.

— Чтобы ни произошло, — сказал он, — держись за меня.

Существо взревело позади меня, я выглянула из-за плеча Люка — еще две фигуры выходили из теней. Я вцепилась Люку в ладонь. Его пальцы еще крепче обхватили мои. В следующее мгновение мы упали в дверь из пламени.

Я падала, как в каком-то страшном сне, падала всё дальше в непроглядную тьму. Я старалась хоть за что-нибудь ухватиться, чтобы замедлить падение, но что-то держало меня за руку, и падение в небытие продолжалось.

Говорят, что тот, кто падает во сне и в конце разбивается, уже никогда не проснется. Когда мы приземлились, и я больно ударилась о дно моего кошмара, я была совершенно уверена, что это моя смерть.

Некоторое время я лежала лицом вниз на чем-то прохладном и гладком, крепко зажмурив глаза. Рядом со мной что-то зашевелилось. Я свернула крошечным клубочком, стараясь уменьшиться насколько это возможно. Мертва я или жива, будет лучше, если меня в любом случае не заметят.

— Сними кольцо, — раздался хриплый голос Люка.

Я открыла глаза и увидела под собой натертый паркетный пол. Это что же, в потустороннем мире есть паркетные полы?

— Кольцо, Мышка. Сними его. Сейчас же. — Он схватил меня за руку.

— Я умерла? И ты тоже?

— Если ты через пять секунд не снимешь это кольцо, тогда да.

Я слабо прикоснулась к кольцу. Сверкающий кружок легко соскользнул с моего ледяного пальца.

Он протянул мне ладонь, в которой не было меча.

— Кхм, — я сжала пальцы вокруг кольца. — Оно не твое.

Волна тошноты подкатила к горлу и я вся позеленела. Люк выпустил меч и практически потащил меня сквозь темноту, приведя в какую-то ванную комнату с белым кафелем. Я услышала, как он произносит нараспев какие-то слова, и тут же в комнате зажегся свет.

Я держалась до того момента, пока Люк не оставил меня одну, тогда я рухнула перед унитазом и меня тут же стошнило, наверно всем, что я за последний месяц успела съесть.

Когда наконец всё закончилось, я, дрожа всем телом, прополоскала рот и ополоснула лицо, при этом стараясь понять, что же в самом деле произошло.

Я не была мертва. Я была в парке, и там были эти... Там были эти твари, и потом появился Люк, а теперь я здесь. Только где было это «здесь».

Люк знал это. Он знал многое. Как, например, ответы на мои вопросы. Я вцепилась в край умывальника, с дрожью в ногах, но и с новой решимостью.

Я осторожно размотала шарф, вздрагивая, когда он касался мест, где была содрана кожа. Еще крепче я сжала кольцо. Оно оставило круглый красный след на ладони. Я вновь продела его через цепочку и повесила на шею так, что оно было хорошо заметно.

И пускай оно лишь подчеркивало полное отсутствие груди, но это был мой единственный козырь, и я хотела, чтобы кольцо было на видном месте. У меня было такое чувство, что Люк не сможет так легко от меня отделаться, пока оно будет у меня. Я напоследок взглянула в зеркало, покачала головой на отразившуюся там катастрофу и пожалала плечами. Могло быть и хуже. Это существо в парке могло бы схватить меня...

Я содрогнулась и, хромя, благодаря моей, возможно, сломанной лодыжке, отправилась на поиски Люка.

Комната, через которую мы сюда пришли, была пуста. Мягкий и влажный ветерок

наполнял воздух каким-то сладким ароматом. Несмотря на жару, в мраморном камине горел огонь. На небольшом столике стояла статуэтка из слоновой кости. Я провела пальцами по ее гладкой поверхности.

Мебель представляла собой смесь изношенного антиквариата и изящных современных моделей. Всё было так беспечно разбросано по комнате, как я обычно разбрасываю журналы. Здесь стояли скульптуры и другие классические и примитивные произведения искусства со всего мира. Всё в комнате как-то странно гармонировало друг с другом, и это была явно дорогая коллекция.

Я увидела позади полуоткрытых стеклянных дверей стоящего Люка. Выражение его лица было невозможно распознать. В какой-то момент я спросила себя, может, он узнал, что твари из парка преследуют нас, но весь его вид, то, как он стоял там, казалось, не передавал никакого страха. Изнеможение, да, и даже такое перенапряжение, что он практически вибрировал всем телом. Но ничего такого, что указывало бы на то, что нам вновь придется сражаться.

Он повернулся ко мне, и в этот момент пламя от камина бросило тени на его лицо. При нем больше не было меча. Он переоделся, и теперь на нем были только черная льняная рубашка с открытым воротником и потертые джинсы, которые сидели низко на бедрах. Влажные волосы прилипли ко лбу, и на фоне черных прядей ярко выделялась его бронзовая кожа. Это делало его таким же экзотическим экспонатом коллекции, как и всё в этой комнате.

— Тебе уже лучше? — Он взял меня за руку, как джентльмен старой школы, который в то же время совершенно случайно был и пиратом.

Я оттолкнула его руку. — Что это, чёрт побери, было?

Он взглянул на свою ладонь и сделал вид, что не понял меня. — Там, откуда я родом, мы называем это манерами.

— Хватит нести эту чушь, — затараторила я, — Это существо в парке. Что это было? Откуда у тебя взялся меч? Как мы сюда попали? И где мы вообще находимся? Мне нужны ответы. Немедленно.

Он вновь взял меня за руку, в этот раз несколько нежнее, и потянул меня через комнату к кушетке. — Присядь.

— Нет. Я уже сыта по горло всеми указаниями. Говори уже!

Он пожал плечами. — Как пожелаешь.

После этого он подошел к искусно украшенному резьбой буфету, налил себе в бокал что-то, что было такого же бледно-золотистого цвета как и его кожа.

Он с насмешкой поднял бокал, как бы в мою честь, и сделал неровный глоток. Я раздраженно стояла напротив, пока он рассматривал меня, как какой-то ученый, исследующий что-то весьма интересное, прикрепленное к дощечке. Молчание тянулось, пока я его не оборвала. — Ты должен мне всё объяснить.

— Твое представление о благодарности требует некоторого совершенствования. Я только что спас тебе жизнь. — Он покачал головой, только опять как-то надменно.

Я направилась к нему, сжимая кулаки. Есть у него меч или нет, я всё равно узнаю правду, даже если мне придется выбить ее из него.

Когда мы стояли, глядя друг другу в глаза, он улыбнулся, медленно и даже мимолетно. — Что ты думаешь о сделке? — Его взгляд скользнул по кольцу, которое висело у меня на шее. — У меня есть слабость к украшениям.

Я даже не стала думать об этом. — Ни при каких обстоятельствах.

— В парке ты была более сговорчивой.

— Потому что это существо пыталось убить меня.

Он снова улыбнулся, и в этот раз в улыбке не было никакой непринужденности. Я скрестила руки на груди и пристально посмотрела на него.

— Ничто в этом мире не дается за просто так. Если ты это еще не поняла, тогда ты глупее, чем я думал. — Он сделал еще глоток и это выглядело так, словно он и без того меня никогда за особо умную не считал. — Ты знаешь, кое-что у тебя не сходится? Как насчет такого: ответ за ответ, а, Мышка? Это последнее предложение.

— Откуда мне знать, что ты скажешь правду?

— Потому что ложь понравилась бы тебе больше. Договорились?

Я не доверяла ему. И он мне не нравился, со всем его самодовольством и тайнами, всё равно, как хорошо он при этом выглядел. Конечно, он спас мне жизнь. Верити что-то значила для него. И так как я по сути ничего не знаю, то я в любом случае в выигрыше.

Я протянула руку, чтобы он смог ее пожать. Вместо этого он коснулся губами моих пальцев, в то время как его нефритовые глаза не отрываясь смотрели в мои.

— Это удовольствие для меня, заключить с тобой эту сделку — тихо произнес он.

Что заставило меня содрогнуться, так это легкий ветерок с балкона.

— Сперва я, — сказал он. — Где Ви прятала кольцо? Мы искали повсюду.

— В снежном шаре, — ответила я. — Она коллекционировала их.

Он засмеялся; смех был тревожным, но звучал искренне. — Такая жалкая дешевая вещица? Настолько безвкусная, что она должна была заплатить за нее что-то, чтобы забрать себе, и не наоборот?

Я кивнула и улыбнулась против воли. — Ты знал о нем?

— Она сказала, это было бы ужасно, купить такое. Сказала, что Евангелина скорее упадет замертво, нежели будет терпеть эту вещицу в своем доме. — Он покачал головой. — И ты пришла к такому же выводу.

— Я знаю, как она думает. Думала. — исправилась я. Расслабленный момент исчез. — Моя очередь.

Он направился к прилегающей кухне. — Валяй.

— Что это были за существа в парке? — я села на кушетку, помяла в руках шарфик и положила его на ближайший стол. Наконец я задала этот вопрос, который мучил меня с самой ночи убийства. Было гораздо легче говорить, не глядя Люку в лицо. — Это были не люди, не так ли?

Я слышала, как он копается в кухонных шкафчиках, но он ответил не сразу.

— Возможно, раньше они были ими. Но не теперь. Они бугимены.

— Бугимены? — у меня вырвался истерический смех. — Это что, как... ночные мотыльки что ли?

Он вернулся с тарелкой в одной руке и чашкой на блюде в другой. — Представь себе монстра, который обитал под твоей кроватью, когда ты была маленькой.

— Не настоящего? — приторно спросила я.

Он мрачно посмотрел на меня. — Как твоя лодыжка? Нет чувства, что что-то реальное схватило ее? Бугимены — это ночные кошмары. Но это не значит, что они нереальны.

Я не шевелилась.

— Ты видела, что один из них смог натворить. А как много их было с тобой и Ви тогда в

переходе? Шесть? Семь?

— Я не знаю, — прошептала я и хотелось бы мне не верить ему. — Много.

— При таком количестве бугименов на охоте вообще чудо, что ты смогла выжить. — Он протянул мне чашку и поднял свой бокал. — За чудо, — произнес он глядя мне в глаза.

— За... чудо, — повторила я и отпила крепкого и сладкого чая. На какую-то долю секунды мне показалось, что воздух вокруг нас замерцал. Я крепче схватилась за чашку. — Верити пыталась бороться с ними. Я думаю, она знала, что они придут.

— Она должна была почувствовать, как они бродили среди людей.

— Она знала о них? — еще одна тайна Верити. Бугимены, Люк, кольцо, которое, вероятно, стоит дороже, чем машина. — Что произошло этим летом? До этого с ней всё было в порядке. Всё было хорошо. У нас были планы. А как только она вернулась из Нового Орлеана, всё изменилось. Что ты с ней сделал?

— Никто ничего не делал. Всё случилось из-за того, кем она была.

— Она была подростком!

— Она была предназначена для Всевышнего, и этот Всевышний позаботился о том, чтобы она погибла. — Его руки сжались в кулаки и вновь расслабились. — Ты так отчаянно жаждешь правды, так ведь, Мышка? Ну, так вот она. Бугимены — не люди. Верити не была просто какой-то девушкой. У нее была магия и предназначение, и она приехала в Новый Орлеан, чтобы стать сильнее. Кто-то пытался ее остановить, натравил на нее бугименов. Они убили ее, и теперь мы все платим за это.

Я уставилась на него, и каждая клеточка моего тела противилась его словам. Сердце бешено билось в груди. — Никакой магии не существует.

Его голос источал презрение. — Да? Тогда, как мы сюда попали?

— Может, на такси? На твоей машине? Я не помню всех подробностей.

Он покачал головой. — Выгляни наружу.

Я подошла к стеклянным дверям и вышла на балкон. С веранды верхнего этажа открывался вид на улицу полную кафе и маленьких магазинчиков. Парочки гуляли, смеялись, размахивали пакетами с покупками и держались за руки. Легкая музыка аккордеона раздавалась в ночи.

Я уже видела это место среди фотографий Верити. Как Люк стоит на балконе, а позади него город. Она стояла здесь, прямо на этом месте, и фотографировала его. Я почувствовала слабость в коленях и уцепилась за перила. Затем, хромая, я вернулась обратно. Было приятнее чувствовать гнев, чем смятение.

— Ты похитил меня? Я была без сознания, и ты привез меня в Новый Орлеан? Ты не думаешь, что кто-нибудь заметит, что я больше не там? — Колин убил бы меня, если бы узнал, что я пренебрегла всеми правилами и мерами предосторожности, которые установил для меня. Тот факт, что он был прав, раздражал меня даже больше, чем угроза смерти. — Какой сегодня день? Как долго я уже здесь?

Он устало покачал головой. — Тот же день. Прошло минут пятьдесят с того момента, как мы покинули парк.

— Ты врешь, — мне стало совершенно понятно, что Верити была неправа, когда доверяла Люку. Я думала, он достоин доверия, но теперь, это я знала наверняка, она сильно заблуждалась в нем... Я начала на ощупь двигаться к двери и оглядывалась в поисках какого-нибудь оружия. С другой стороны стояла вырезанная из дерева статуэтка птицы, которая выглядела достаточно тяжелой, чтобы нанести удар.

— Куда ты собралась, Мышка? Неизвестный тебе город, никаких денег, поврежденная лодыжка? Воспользуйся той частью мозга, о которой всегда упоминала Верити. Я ничего тебе не сделаю. — Он шел ко мне с поднятыми руками, показывая, что он не опасен. — Сядь и съешь свой тост. Тебе сразу станет лучше.

— Ясно.

— Я перенес тебя сюда с помощью магии. И таким же образом я верну тебя обратно, когда мы закончим. Но у нас был уговор.

— И я должна тебе верить... Почему?

— Если бы я хотел причинить тебе вред, я бы оставил тебя бугименам.

Я медленно кивала и мотала головой. Звучало это логично, но в Люке всё противоречило логике.

— Тебе нужны доказательства?

— Доказательства были бы кстати.

— Позволь взглянуть на твою лодыжку.

Я оперлась о стену, готовая к побегу. Он опустился на колени возле моих ног и внимательно осмотрел порез, который выглядел очень плохо. Он вытащил платок и осторожно промокнул им кровь; прикосновения его пальцев были нежные и легкие.

— Удивительно, что ты не убила на такой-то обуви. Не то, чтобы я не оценил бы эффект.

— Хочешь сказать, что ты обременён магией? Если так, то я поверила бы в это.

Он ухмыльнулся и попросил:

— Закрой глаза.

— Вот уж нет. — Это были те самые слова, которые часто используются в фильмах ужасов, прежде чем убийца обезглавливает третьесортную актрису. Вместо этого я сконцентрировалась на камине, на шуме потрескивающих поленьев, на тенях, которые отбрасывал огонь в полутемном помещении.

Люк тихо говорил, и слова были как пламя, поглощающее листву. Его пальцы зависли над обжигающим порезом и тупой болью вывиха.

Какое-то зудящее ощущение растекалось в ноге и вытягивалось пальцами Люка из икроножной мышцы, боль постепенно сменилась покалыванием, а затем и вовсе исчезла.

Люк слегка надавил на мою ногу, и я оторвала взгляд от танцующего огня.

Порез исчез.

Моя лодыжка была цела, как если бы с ней ничего не случилось. Я дотронулась до нее и пощупала место, где была рана. Кожа была мягкая и неповрежденная.

— Ты...

Он кивнул и поднялся. — Попробуй встать на нее.

Я так и сделала, взявшись за его ладонь, только на случай, если вдруг упаду.

Комната завертелась, и он отвел меня обратно к кушетке. Я тяжело опустилась на нее и была не в состоянии даже сформулировать вопрос. Онемев от шока, я взглянула на него.

— Магия, — произнес он, самодовольно, как и всегда.

Я вновь взяла чашку с чаем, так как должна была себя хоть чем-то занять, и опять поставила обратно, когда не смогла остановить ее позвякивание о блюде. Я осторожно ощупывала лодыжку.

Люк присел рядом со мной, положив руку на спинку кушетки, как будто он только что не перевернул всё с ног на голову.

— Ты не мог бы... ну, знаешь... объяснить всё?

— Тут особо нечего объяснять. В мире существует магия. Некоторые люди обладают к этому особыми способностями. Некоторые нет.

— В этом нет никакого смысла. — Магии не существует. Конечно же это было целесообразным объяснением всего, что произошло в последнее время. Но это было невозможно. Я открыла рот, чтобы сказать это, но Люк остановил меня.

— Ты же не хочешь сказать мне, что я ошибаюсь, или как? Это был очень длинный день, Мышка. Это были две долгие недели. Ты же не собираешься затевать дебаты, в которых ты заведомо проиграешь? Неужели, ты всё еще не веришь мне, после всего, что видела сегодня ночью?

— Магия? Действительно настоящие ведьмы, заклинания и летающие метлы?

Он преувеличенно наморщил лоб. — Теперь ты смеешься надо мной...

— Магия?

Он кивнул.

— И твои особые способности — это оказание первой помощи?

— В том числе.

Я всё не могла прекратить касаться своей ноги. — Тогда, в больнице. Ты вылечил меня.

— Это, казалось мне, меньшее, что я мог сделать.

Мне в голову пришла одна мысль. — Почему ты не помог Верити? Ты мог излечить ее. Тогда она была бы всё ещё...

Он резко оборвал меня на полуслове:

— Я могу лечить людей, Мо, но не оживлять мертвецов. Даже магия имеет свои границы.

Я откинулась на спинку кушетки. — Тогда для чего она вообще нужна?

— Для чего вообще нужно что-либо? — возразил он. — Магия — это как любая другая способность — интеллект, или способность попадать мячом в кольцо в прыжке, или умение шевелить ушами. Что-то в моей крови позволяет мне использовать магию.

— У Верити тоже была такая способность?

— О, да.

— Она знала это? Знали об этом ее родители?

— Она знала, но ее родители об этом понятия не имели. Они примитивные, как и ты. Никакой магии. Но обычно в семье есть кто-то...

— Евангелина. — Это был не вопрос.

Он кивнул. — Она дала Ви несколько советов и стала чаще приезжать в Чикаго, когда ей стало ясно, что происходит. Но Верити было необходимо больше помощи. Она накопила слишком много силы, чтобы просто бегать без присмотра. Таким образом, мы привезли ее в Новый Орлеан.

— Но после она вернулась домой.

— Она была слишком упряма. Говорила, что не хочет упускать последний учебный год, не хочет бросать тебя на произвол судьбы. Если хочешь знать мое мнение, это пугало ее.

Я теребила пальцами край подушки с кушетки. — Она отказалась от наших планов на Нью-Йорк. Она хотела поступить в Университет Тулейн.

— Пришлось идти на компромисс. Евангелина позволила ей вернуться на год. После этого детские забавы закончились бы. Она должна была выполнить задание.

— Но бугимены...

— Последовали за ней домой. Мы не учли этого. Мы не знали, что ей угрожает такая опасность.

— Я всё еще не понимаю, почему они гнались за ней. Что это было за такое особое задание?

Он потер лицо рукой. — Больше, чем просто задание. Это было ее предназначение.

Я раздраженно всплеснула руками. — Ох, опять эта чушь про судьбу? Ты серьезно?

— Ты спросила, — рявкнул он, — Так теперь закрой рот и слушай, так как у меня нет никакого желания повторяться. Существует пророчество — которое известно нам, магически одаренным людям, Арканам, настолько давно, что кто-то едва может о нем вспомнить.

Я укусила себя за губу, чтобы удержаться и не прерывать его.

— Чистая магия, которой владеют все Арканы, нестабильна. Она являет собой нечто могущественное — слишком опасное, чтобы с ней обращаться напрямую. Как... атомный реактор. Если бы кто-то игрался рядом с источником ядерной энергии, то моментально умер бы. Но если ее преобразовать, то можно обеспечить энергией целый город, верно? Принцип действия магии такой же. По всему миру существуют линии, линии направления, как их называют примитивные. Они связаны с чистой магией, они извлекают, изменяют ее в нечто, что Арканы могут безопасно использовать. Ты успеваешь следить?

Вообще-то, нет, но я кивнула.

— Умница. Каждая линия соотносится с одной из четырех стихий — земля, воздух, огонь, вода. Большинство Арканов используют только один тип линий, другие просто не функционируют для него, как если бы поток был бы перекрыт. Так, когда кто-то хочет воспользоваться магией, то он вытягивает ее из линии своей стихии.

— И какова твоя стихия?

Огонь в камине с шумом вспыхнул, и Люк ухмыльнулся, — А ты угадай.

Я закатила глаза и жестом указала, что он может продолжать.

— Мы зависим от этих линий. Они нужны не только для того, чтобы работали заклинания, но и так же с точки зрения нашей политической и физической неприкосновенности... Если линии не будут уравнивать магию, то весь наш мир рухнет. Но согласно пророчеству, линии перестанут функционировать — но постепенно. И когда они полностью разрушатся, появится человек, который сможет всё исправить. Этим человеком оказалась Верити. — Он тяжело вздохнул и внимательно следил за выражением моего лица. — Ты веришь мне?

— Эм... нет. Даже если бы я поверила — это не логично. Если Верити должна была спасти ваш мир, зачем кому-то понадобилось останавливать ее? В этом нет никакого смысла. — Ничего из всего этого не имело смысла, но казалось, что моя единственная надежда состояла в том, чтобы поверить, что он говорит правду.

Он выглядел изможденным, и под его глазами залегли темные круги.

— Существует группа людей, которые несут ответственность за всё: Кварторы. Они устанавливают правила, обеспечивают, чтобы все разнородные партии сотрудничали между собой, следят за тем, чтобы всё шло гладко. Если пророчество сбудется и магическое наводнение наступит, тогда всё рухнет само по себе. Это затянется и просто-напросто наступит хаос. Чистая магия сотрет с лица земли слабых Арканов. Наступило бы идеальное время, выйти на сцену и забрать всю власть... нестабильная магия, мертвые Арканы, слишком требовательные Кварторы... Их первым ходом было именно убрать Верити.

— Ладно, кто-то натравил бугименов на нее, с целью расстроить пророчество. Но кто?

— Над этим я еще работаю. — Он посмотрел на меня, наморщив лоб. — Но теперь они преследуют тебя. Я думаю, это как-то связано с твоим ювелирным вкусом.

Невольно я потянулась рукой к шее. — Это кольцо у меня уже несколько дней. Почему же они решили напасть именно сегодня вечером?

— Когда ты надела его на палец?

— Как раз перед вечеринкой.

Он кивнул, но его морщина на лбу стала только глубже. — Что-то произошло, когда ты это сделала?

— Оно как-то... засверкало, но я стояла прямо под фонарем возле дома. Вероятно, просто свет так причудливо отразился в кольце. А что?

— Кольцо реагировало на магию в крови Верити, которая связана с линиями. Оно посылает некоего рода сигнал, но только для Верити, а не для кого-то еще. Если кто-то настроен на нужную частоту и решил бы найти ее источник, тогда он получил бы этот сигнал, как только кольцо оказалось бы надето на палец. Кто-то мог использовать его, чтобы найти Верити.

— Ты настроен на ее частоту? И бугимены тоже?

— Кольцо представляет собой фамильное наследство, это часть пророчества. Я разузнал об этом сразу, как Верити вернулась домой, — ответил он. — Бугимены питаются магией. Когда кольцо сработало, они и примчались, словно по звонку к ужину. В действительности они сдерживались только потому, что ты была в доме полным людей.

Если исходить из того, что он не чокнутый, в его словах был некоторый смысл. Так или иначе. — Если кольцо реагирует только на Верити, почему же оно сработало, когда я его надела?

— Что-то в тебе активировало его, — он взял меня за подбородок, изучающе глядя на меня, повернул мое лицо в одну сторону, затем в другую. — Ты уверена, что не обладаешь никакой магией?

Я оттолкнула его руку. — Да, нет у меня никакой магии — или я выгляжу как кто-то владеющий ей? Разве я не должна была бы использовать ее сегодня ночью?

— Я не спрашивал, можешь ли ты управлять ей. Могло так получиться, что у тебя просто недостаточно силы. Или ты слишком боишься попробовать.

— Я — это только я. Совершенно скучная и обычная. Во мне нет ничего особенного и вообще ничего магического. — Как раз это мне и нравилось.

Он указал на меня длинным, тонким пальцем. В какой-то истеричный момент я подумала, что он какой-то колдун, который вот-вот превратит меня в жабу или вешалку, или еще во что.

— В тебе нет ничего нормального, Мора Фицджеральд, и всё равно, что тебе хотелось

бы противоположного. — Он замолчал и поднял брови. — Как дела у твоего отца в Терре-Хот? Скоро ведь будет слушание о его условно-досрочном освобождении, не так ли?

— Не говори о моем отце.

— Тогда как там твой дядя? Очаровательный Билли Грейди, единственный ирландец в чикагской мафии, который контролирует твой квартал и большую часть Вестерн Авеню? Который убедил компанию передать ему этот участок, потому что он может разделить прибыль и гарантировать их спокойствие.

— Это всё пустые слухи, — тихо ответила я.

Он пожал плечами. — Как и всегда. Но это кольцо не должно было активироваться ни на ком кроме Ви. Твоей же жизни пойдет на пользу, если мы узнаем, почему кольцо среагировало на тебя. Расскажи мне о переходе.

Я обхватила себя за колени. Люк накрыл мои ладони своими. — Я могу помочь тебе легче всё вспомнить.

Мой смех глухо раздался в ушах. — Для этого будет недостаточно даже магии всего мира.

Ему хватило приличия лишь пристыженно посмотреть на меня. — Я имел ввиду только лишь, что если ты что-то подавляешь, то есть заговоры, которые могут помочь вспомнить.

— И ты будешь ковыряться в моей голове? Нет, спасибо.

Я закрыла глаза. — Я хотела переночевать у Верити. Мы отправились поесть мороженого. Я была обижена на нее. Она шла за мной домой, через переход, и совершенно неожиданно... она просто остановилась.

— Иди домой, — сказала Верити, а я только подумала, что она тоже злится, но в ее голосе были дрожащие нотки, и я обернулась, придумывая что-то злое, отвратительное и оскорбительное, что я могла ей сказать. Она всё испортила, и я хотела, чтобы она тоже страдала.

В темном переходе ее лицо светилось белым, а ее голос совершенно отчетливо слышался в полной тишине. Как если бы кто-то выключил звук у телевизора, и я замедлила ход, когда что-то внизу с рокотом приблизилось. Мои уши переполнил оглушающий, грохочущий шум.

— Беги, Мо! Чёрт побери, беги же!

Они подкрадывались к ней, говорили что-то хриплыми гортанными голосами, что ужасно напугало меня, хотя я и не понимала ни слова.

— Беги, — закричала она с оцепеневшим, перекошенным от ужаса лицом. — Немедленно!

Я так и сделала, так как думала, что она будет следовать за мной. Но когда я добежала до конца перехода, пробежала мимо мусорного контейнера и задержалась в дверном проеме, Верити отстала метров на шесть и была окружена монстрами. Она отвечала им звонким ровным голосом, как будто раздавался звон хрустального колокольчика в ночи. Твари плотнее смыкали круг, и это выглядело, как будто ты смотришь на затухающее пламя свечи; ее голос изменился с победной могущественной мелодии на дикий крик.

Я повернула обратно. Бросилась на ближайшее чудовище. Он опустился на корточки и тянулся к Верити, но когда я прыгнула ему на спину, он отмахнулся от меня как от какого-то комара. Он оцарапал мне руку и лоб когтями, я так резко упала, что всеми костями почувствовала ужасную боль. Кровь моментально залила глаза. Я всё еще слышала крики Верити, и тут я всё поняла. А в следующую секунду я уже летела через весь переход и

ударилась о стену. Мир почернел.

Когда я пришла в себя, твари исчезли. Верити лежала совсем рядом, ее руки и ноги были вывернуты под каким-то неестественным углом. Она дышала неглубоко и слишком часто, а когда я получше присмотрелась, то поняла, что ее грудь представляла собой самую ужасную рану, которую я когда-либо видела: рваная рана проходила ровно посередине насквозь и издавала при каждом вдохе хрипящий шум.

— Мо... — задыхаясь, слабо как эхо, произнесла она. Ее взгляд был неподвижным и отсутствующим, зрачки совсем сузились. — Мне жаль...

— Ты справилась, — всхлипнула я и попыталась зажать рану, потому что вокруг нас разливался целый океан крови, ее и моей. — Только... держись, Ви, не уходи, умоляю, не уходи, не покидай меня... — Но вокруг было слишком много крови, больше, чем кто-либо мог пережить, и она становилась холодной, такой холодной. Шок и потеря крови, я вяло соображала и пыталась вспомнить уроки оказания первой помощи.

Уроки оказания медицинской помощи. В конце перехода стояла фигура, и я бросилась к ней, всё еще держа Верити на руках.

— А после я оказалась в больнице.

— Я нашел вас обеих в переходе, — сказал Люк. — Кто-то позвонил в скорую. Прежде чем приехала полиция, я успел подлечить тебя настолько, насколько только мог. Но Верити я уже ничем не мог помочь. Десятью минутами ранее у меня, возможно, еще был бы шанс.

Я не заметила, что плачу, пока Люк не стер слезы с моих щек и не переплел свои пальцы с моими. — Мышка... Мора. Мне очень жаль.

— Я пыталась помочь ей, — прошептала я. — Этого было недостаточно, но я пыталась.

— Конечно, ты пыталась, — зашептал он мне. Он повернул мою руку, чтобы рассмотреть ужасную, неровную линию, которая осталась на коже. — Знаешь, я могу сделать так, чтобы это исчезло.

Я отдернула от него ладонь, скрестила обе руки на груди и ответила — Я хочу помнить ее. — И мне не хотелось объяснять почему, даже самой себе. — И я хочу засадить в тюрьму тех людей, тех бугименов.

Он в ужасе рассмеялся. — Едва ли! Один из них сегодня ночью почти убил тебя. Они пришьют больше, если ты и дальше будешь вмешиваться в это дело.

— Я могу помочь!

— Нет, не можешь. Это слишком опасно, Мышка.

— Эти люди... они могут пользоваться магией, так ведь? Их не смогут посадить?

— Было бы немного сложно их задержать. Но есть и другие пути остановить их.

— Как, например, убить их?

Он заерзал. — Возможно.

— Тогда я помогу тебе.

Его глаза сузились. — Нет, ты не будешь этого делать. Это опасно даже для Аркана. А для примитивной это просто самоубийство.

— Мне всё равно.

— Послушай, это кольцо должно было реагировать только на Верити. Чтобы подействовать, как сегодня ночью... оно должно было бы подумать, что ты это она. Мы смогли бы этим воспользоваться, возможно, даже чтобы воплотить пророчество. Ты хоть сколько-нибудь понимаешь, что это значит для таких как я? Но если ты вдруг решишь отомстить и погибнешь, мы всё потеряем.

— Плевать я хотела на твое пророчество. Я требую справедливости.

Его лицо омрачилось на долю секунды, но после вновь прояснилось; хитрый огонек мелькнул в его глазах и придал им невероятный зеленый оттенок. — А что если ты сможешь получить и то и другое?

— Мне не нужно и то и другое.

— Но тебе нужен я, — подчеркнул он. — Если ты решишься в одиночку напасть, то погибнешь самое позднее завтра, еще до обеда.

Я внутренне испугалась, но мое лицо ничего не выражало. — А это важно для тебя потому что...?

— Я спас твою жизнь уже дважды, — мимоходом произнес он. — Было бы неплохо, защитить мои инвестиции. Я предлагаю тебе сделку.

— Я смотрю, ты увлекаешься разного рода сделками, не так ли?

— Они управляют миром, — возразил он.

— Прекрасно.

— Так обычно обо мне и говорят. Как я уже сказал, кажется, что ты можешь управлять кольцом Ви, а это может быть крайне полезно.

— В каком смысле?

Он уклончиво ответил: — В этом я еще не совсем уверен.

— Но ты имеешь хоть какое-то понятие?

Он провел кончиком пальца вдоль цепочки, и я вновь вздрогнула. Он понизил голос. — У меня полно предположений. На данный момент скажем так: Наше объединение может быть обоюдовыгодным. Ты помогаешь мне, а я позволяю тебе плестись рядышком, хм?

Он спас мне жизнь (дважды), вылечил мои раны, накрыл мне чай с тостами, объяснил мне больше, чем это сделал кто-либо вообще с самой смерти Верити, и всё же... что-то ускользало от меня. Он знал гораздо больше, чем рассказал мне. Но даже если он не даст те ответы, которые мне нужны, он всё же единственный человек, который согласен сотрудничать со мной.

— Я не буду плестись рядышком. Это, может, и твой мир, но кольцо-то у меня. Мы партнеры.

Он резко взглянул на меня, изучающе всмотрелся в мое лицо и, наконец, кивнул. — Партнеры, Мышка. Это должен быть весьма интересный опыт.

Весь следующий день я пребывала в ожидании, что кто-то — Колин, Люк, мой дядя, орда бугименов — в любой момент внезапно накинется на меня. Вот так незадачливо начался новый учебный год.

И, разумеется, для меня было большим сюрпризом появление Ковальски. Он сидел на одной из лавочек перед подъездными воротами школы. Вокруг всё еще чувствовалось сияние конца лета, даже в сентябре, и листва была лишь слегка окаймлена желтоватым оттенком, как будто только размышляла о смене цвета. Ковальски свесил обе руки за спинку лавочки, нежился на солнце и наслаждался прекрасным видом. Его галстук — в сиренево-оранжевую клетку — был настолько безобразным, что рисунок словно вибрировал. Ковальски заметил меня и поднял руку в знак приветствия, пока я спускалась по ступенькам. Я бросила быстрый и полный паники взгляд в сторону обочины, где припарковался Колин. Он показал мне знак, что «всё чисто», но также что он ни при каких обстоятельствах не намерен терпеливо ждать на игровой площадке, пока я буду болтать с полицейским.

Ковальски поднялся, и, как по команде, Колин вылез из машины. Я нахмурилась и попыталась, чисто силой воли обратить его в бегство, само собой даже с кольцом Верити, которое пряталось у меня под рубашкой, я не обладала никакими магическими способностями. Ковальски подошел ближе.

— Прекрасная погода, не так ли? — сказал он и указал на сгрудившиеся облака, похожие на пушистых овечек, которые проплывали над нами. — Едва ли можно поверить, что всё скоро пройдет. Скажу я Вам, Мо, зимы здесь чересчур длинные как для моей жены, так и для меня. Как только Дженни пойдет в колледж, мы переедем в Пенсаколу.

Я промолчала, вместо этого просто немного поправила сумку и заставила себя, не касаться кольца, которое скрывалось вне видимости.

Ковальски глубоко вздохнул и посмотрел наверх.

— Да, я там каждый день буду рыбачить. Ловить форель или, может, морского окуня. Совершенно по-другому, чем здесь, будто между мирами. — Он взглянул мне в глаза. — Мы могли бы переговорить минутку? — он указал на лавочку, на которой лежал его смятый пиджак.

Я осталась стоять. — Я не должна разговаривать с вами без моего адвоката.

Он кивнул. — Ясно. Я просто подумал, возможно, Вы хотели бы, ну, Вы знаете, неофициально поговорить со мной. Речь пойдет не о том случае.

Он развернулся и приподнял пиджак на пару сантиметров над лавочкой. Под ним лежал мой мобильный, который... который я потеряла на игровой площадке. Я невольно громко выдохнула.

Когда Люк той ночью перенес меня в мою комнату, небо из розового становилось голубым, а солнце уже показалось над горизонтом. Совершенно без сил после всего, что случилось ночью, особенно из-за того, что мне опять стало плохо, после очередного путешествия через тьму, я еще как-то умудрилась переодеть старую футболку, прежде чем упала на кровать. Когда до меня дошло, что телефона нет, я просто смирилась, что потеряла его.

— Вы и теперь хотите позвонить миссис Стартон? Ваш телефон всё еще здесь.

Я тяжело опустилась на лавочку и поставила сумку рядом с собой. Колин стоял не

дальше десяти метров от нас и смотрел совершенно равнодушно, но при этом явно слышал каждое слово. О нем я смогу побеспокоиться позднее. Сначала я должна договориться с Ковальски.

— Правильное решение, — произнес он. — Какой-то ребенок из начальной школы со стороны Монтвейла сегодня на перемене нашел ее и отдал школьному охраннику. А когда тот взглянул на документы, то ему показалось Ваше имя знакомым.

Он протянул мне сумку. Влажная, перепачканная в грязи кожа неприятно заскрипела, когда я взяла ее.

— Должно быть промокла из-за дождя, что бы утром в воскресенье. Я всё пытаюсь понять: почему Вы не стали искать ее? Я имею ввиду, там же Ваши ключи, деньги, мобильный — неужели, Вы не заметили ее отсутствие?

— Я думала, тот кто найдет ее, оставит себе. — сказала я. Теперь Колин точно наблюдал за мной; лицо его стало задумчивым, как у сокола, который пытается рассчитать подходящий момент, чтобы схватить молодого кролика. — Я удивлена, что кто-то вернул ее.

— О, люди могут удивить. Снова и снова.

Я напряженно улыбнулась и взялась за свою школьную сумку. — В любом случае, большое спасибо, что вернули ее мне.

— Мне только в радость. — Он ударил ладонями по коленям, как если бы собирался встать, но затем всё же остался сидеть. — Что Вы вообще там делали? Едва ли поверю, что Вы по ночам бегаете по городу.

— Я была у подруги, — сухо произнесла я. — Мы пошли погулять, и я должно быть где-то оставила сумку. Я в последнее время несколько рассеянная.

— И я не виню Вас в этом. Я рад, что сумка вернулась к своей хозяйке. За это ваш дядя и платит налоги, мм? — он поднялся и надел свои темно-синий пиджак.

— Еще раз, большое спасибо, сэр.

Два шага и после он повернулся. — Школьный охранник сказал кое-что еще. Игровая площадка была изрядно перепахана: глубокие борозды на земле, а некоторые места выглядели даже обгоревшими.

И там еще была большая металлическая клетка, выглядящая как Эпкот. Знаете такое?

— Я уже видела такое однажды.

— Во всяком случае некоторые из прутьев были удалены — вырезаны, как если бы кто-то пытался разобрать конструктор. Чертовски забавно. Я так думаю. Вы ничего такого не заметили во время прогулки? — он напряженно следил за мной, спрятав руки в карманы.

— Нет.

— Это было очевидно. — Он уходил вдоль тротуара и бросил через плечо:

— Вам следует быть более осторожной, Мо. Судя по всему, Ваш друг не очень хорошо справляется со своей задачей.

Колин задрал подбородок, а Ковальски шёл дальше, уже не оглядываясь. В три шага Колин оказался возле меня.

— Только не... — начала я. Колин схватил меня за локоть и потащил через дорогу. — ...злись.

— Что там у тебя была за книга? Шекспир, которого ты должна была дочитать? — рычал он, дернул дверь со стороны пассажира и втолкнул меня в машину. Он потянул за ремень безопасности и перегнулся через меня.

Я оттолкнула его руку. — Эй! Я и сама могу пристегнуться!

— Правда? Ты не просто доказала мне, что только ты у нас каким-то неведомым образом знаешь, как ты смогла одна вернуться домой вовремя!

Дети шли из школы, толпа девочек в юбках в голубую клетку и темно-синих вязаных жилетках. Они сгрудились и с любопытством уставились на грузовик. Я пристегнула ремень безопасности и спустилась ниже на сиденье. — Не так громко.

Он хлопнул дверью и промаршировал на свою сторону. Я отпрянула, когда он сел в машину. — Окей. Мы ведь не хотим, чтобы люди пялились на нас. И я уверен, что никто не заметил, как ты трепалась с тем детективом.

— Окружающие привыкли уже к полиции. И к репортерам. А вот ты нечто иное.

— Я здесь бываю каждый день. — он пристроился в поток машин и выбрал самый короткий путь домой.

— Да. С таким мрачным видом. Тебя так сложно не заметить. — Следует отметить, что мои одноклассницы увлеченно рассматривали гораздо большее, чем просто его лицо, что в общем не упрощало ситуацию. — Мне жаль, — сказала я тихо.

— Где ты была?

— На вечеринке.

Я могла видеть, как пульсирует вена на его виске. — Ты смылась из дома на какую-то проклятую вечеринку? — его голос был полон отвращения.

— Это была самая крутая вечеринка года. Там были все. Я теперь и без того просто цирк на ножках. Уж извини, что хотела провести один единственный вечер нормально.

Он покачал головой. — Тогда попросила бы меня, отвезти тебя. А не смываться из дома прямо посреди ночи. Ты могла погибнуть!

Он был совершенно прав, только не так, как он думал. — Нормальные девушки не берут с собой на вечеринку своих телохранителей. У нормальных девушек вообще нет никаких телохранителей.

— Ты не нормальная, — сказал он грубо и бросил на меня беглый взгляд. — Было бы гораздо проще, будь ты такой.

Я прикусила губы. — Ну, спасибо огромное.

— Я не это имел в виду, — сказал он, и голос его прозвучал несколько мягче. Он немного помолчал и затем, отмахнувшись от каких-то мыслей, вновь стал деловитым. — Куда ты еще ходила? И не говори мне, что вечеринка проходила на игровой площадке, или еще какую-нибудь подобную чушь.

Я нервно сглотнула. Хитрость всей лжи состояла в том, как я позднее поняла, чтобы придерживаться как можно ближе к правде. — На вечеринке был один парень.

Руки Колина крепче вцепились в руль. — Он что-то сделал тебе?

— Нет! Нет. Он говорил всякую чушь, и я попыталась уйти от него, а потом я случайно подслушала этих девчонок. Ту, которая устроила эту вечеринку, и всех ее стервозных мелких подружек, и они говорили обо мне и Верити... — У меня начало жечь глаза, горло сжало спазмом, но я с трудом глубоко вдохнула и продолжила, — Они сказали, это за мной приходили. Что я была целью преступников, а не Верити. Всё из-за дяди Билли. И почему только они так сказали?

В какой-то момент жесткая и гневная линия его рта, казалось, стала мягче.

— Игровая площадка, Мо.

Этот парень прямо ротвейлер какой-то. — Я ушла. Взяла сумочку и убежала, пока не оказалась на игровой площадке. Мне показалось это место хорошим для того, чтобы немного

посидеть и поразмышлять обо всем.

— Ты что-то пила?

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я не идиот. Даже если ты другого мнения обо мне.

— Я вообще так не думаю.

Колин с силой ударил по приборной доске. — Тогда прекращай лгать! Ковальски сказал, что игровая площадка была разгромлена! Хочешь сказать, это случайность?

Я тщательно подбирала слова. — Я не громила площадку.

— Как ты добралась домой?

Я чуть не засмеялась. — Один друг подбросил.

— А сумочка?

— Я была слегка подвыпившей. Я просто забыла ее.

Колин покачал головой, когда повернул к нашей подъездной дорожке.

— Мне жаль, понял? — я осторожно коснулась рукава его футболки из тонкого хлопка, и почувствовала под ним твердые как гранит мускулы. — Правда, мне жаль. Это было очень глупо, так поступать.

— Да. И это тоже.

— Ты расскажешь всё моему дяде? Или моей маме?

— Я должен защищать тебя, — разъяснил Колин. — А я не могу этим заниматься, когда ты мне врешь и устраиваешь кучу всякого подросткового дерьма.

Я удивилась, насколько сильно меня задела его слова. Я потянулась в дверной ручке и уничтожила то небольшое достоинство, которое с трудом сдерживала. — Ты должно быть забыл, что я и есть подросток. И я перестану устраивать тебе всякое бунтарское дерьмо, если ты прекратишь устанавливать тупые правила!

Пораженная своей смелостью, я выпрыгнула из грузовика, перебросила сумку через плечо и тяжело зашагала к задней двери дома.

Колин шел за мной, и его шаги эхом раздавались позади. Здорово. Я надеялась, что моего драматического ухода будет достаточно для завершения разговора. Тот мрачный и молчаливый Колин, которым он был раньше, мне нравился больше.

Почти у самой двери я развернулась и увидела, что он стоит всего лишь в нескольких сантиметрах от меня. Он злобно стиснул челюсть. — Ты рассказала мне не всё.

— Ты вообще-то тоже. — Я была по горло сыта, что люди секретничают. Все знают больше меня. Кроме того Колин не поверит мне, если я расскажу ему про магию. Он лишь посоветует моему дяде отправить меня в психушку.

— Я лишь пытаюсь обеспечить твою безопасность, — воскликнул он. — Это всё, что тебе нужно знать.

— К чёрту! Это не так! Джилл права?

Он всплеснул руками. — Кто такая Джилл?

— Девчонка с вечеринки. Она сказала, что дядя Билли один из мафиози, и что они, собственно, имели виды на меня, а вместо этого схватили Верити.

— В дом, — произнес он и подтолкнул меня к двери.

— Это правда? — я бросила сумку на кухонный пол. Я всегда цеплялась за мысль, что мой отец был единственным уголовником в моей родословной, и плевать, о чем шептались люди в церкви или в коридорах. Но если Джилл права, значит дядя Билли и моя мама лгали мне все эти годы, всю вину сбросили на моего отца, а дядю сделали каким-то святым. Что не

делало меня менее злой по отношению к моему отцу. Моего гнева хватит на всех.

Колин облокотился о кухонный стол и скрестил руки. — Мы не знаем, кто убил твою подругу. А пока мы этого не узнали, твой дядя считает, что лучше подстраховаться, чем пренебречь мерами предосторожности.

Это было не то опровержение, которое я надеялась услышать.

— Осторожность перед чем?

— У твоего дяди есть... конкуренты. Если они собирались использовать тебя как средство шантажа, то вы, ты и твоя мама, стали бы главными мишенями, потому что вы единственные родственники, которые у него есть.

— И тут ты вступаешь в игру.

— Примерно так.

Я выбирала себе яблоко из вазы с фруктами, чтобы хоть чем-то занять руки. — А что, если вы все ошибаетесь? Что, если это не связано с дядей Билли?

Он взял стакан из шкафчика и прошел к холодильнику, чтобы налить себе холодного чая, настолько непринужденно, как будто он всегда так делал.

— Вероятно, что это не так. Если кто-то пытался преподать ему урок, тогда бы они преследовали бы тебя, и не совершили бы ошибки. — Я хотела возразить, но он поднял руку, — Что не означает, что ты можешь сбегать на вечеринку, или что ты еще там предпримешь на вечер субботы.

— Ты же сказал, что дядя Билли уже ничего с этим не поделает!

— Я лишь высказал тебе свое мнение. Может так случиться, что кто-то побоится оставлять свидетельницу. Может случиться что угодно, или вообще ничего. Но как всегда — это решение твоего дяди.

— Ты всегда делаешь, что он тебе скажет? — я прислонилась к стене и внимательно посмотрела на него поверх яблока. Было сложно представить, что Колин станет жить по чьим-то правилам кроме собственных.

— Билли всегда хорошо ко мне относился, — сказал он просто. — И он хорошо мне платит.

— Ты расскажешь ему обо всём?

Он недовольно посмотрел на меня. — Мне следует рассказать.

— Но ты же не хочешь попасть под горячую руку? Как же должно быть трудно, присматривать за одной единственной девчонкой? А из-за этого тебя не исключат из профсоюза телохранителей?

Он мрачно посмотрел на меня и сконцентрировался на своем чае со льдом, вероятно, чтобы только не придушить меня. — Я ничего не скажу Билли. В этот раз.

Я слегка осела возле стены, облегчение просто переполняло меня.

— Но, если ты вытворишь еще какую-нибудь подобную глупость, я не стану рассказывать это ему или твоей матери, вместо этого я тебя здесь изолирую.

— Ох, пожалуйста. — Я снисходительно отмахнулась.

Он поставил стакан с тревожащей точностью и прошел через всё помещение ко мне. Я сильнее прижалась к стене, когда он оперся о стену руками по обе стороны от меня, так близко, что я могла разглядеть шрамы и шероховатости на его руках. Я старалась не выглядеть напуганной, а потому встретилась с ним взглядом. Ошибка. Вблизи его глаза были совсем темно-серые, кремневого цвета, и было чувство, что они видят гораздо больше, чем любой из нас хотел бы признать.

Когда он заговорил, я почувствовала это даже своим позвоночником:

— Детка, я буду спать перед твоей дверью и носить тебе книги в класс. Независимо от того, что ты задумала, а я знаю, что ты что-то задумала, так вот не смотри теперь на меня такими большими глазами, сейчас не время для этого. Отныне ты должна быть со мной честна. Это ясно?

Я попыталась улыбнуться ему самой невинной улыбкой, но передумала.

— Кристально ясно.

— Хорошо, он отошел, и этот странный напряженный момент окончился. После этого он выхватил яблоко из моей руки, надкусил его и вновь посмотрел на меня медленным, пренебрежительным взглядом, и продолжил с деловитостью:

— Сигнализация не показала, что ты вновь дома. Как тебе это удалось?

Ну, хорошо. Он хотел, чтобы я была честна с ним.

— Магия, — протянула я, делая пассы руками.

В дверь позвонили, и, казалось, температура в комнате упала градусов на 15. Каждый мускул на теле Колина напрягся, и он бросил мне яблоко. — Кого-то ждешь?

Я отрицательно покачала головой.

— Стой тут. — Он пошел к двери, держа руку на кобуре за спиной.

Я с удовольствием ему намекнула бы, что если кто-то пришел, чтобы убить меня, вряд ли он стал бы звонить в дверь. Но Колин, казалось, не был настроен слушать что-либо, что я скажу, поэтому я просто ела яблоко и ждала.

Я слышала, как открылась входная дверь и как Колин, сердитый как всегда, впустил кого-то. Я напряглась, пытаюсь разобрать два голоса, но всё что я могла услышать, было то, как Колин позвал меня.

— Гости, — сказал он, когда я вошла в гостиную. В поле зрения никаких пистолетов. Рядом с креслом с высоким подголовником цвета слоновой кости стояла Евангелина; она выглядела самоуверенной и немного веселой.

— Как твои дела, Мо?

Я вытерла руки об юбку. — Довольно неплохо, я думаю.

— У меня сегодня нет никаких важных дел, и я подумала, я, возможно, съездила бы в центр города и походила бы по магазинам. В один из моих любимых магазинчиков как раз пришла доставка из Парижа. Я подумала, было бы неплохо, взглянуть на новинки. Ты не хотела бы поехать со мной? Обычно, я и Верити так делали, когда я приезжала в гости.

И это не всё, что они делали. Она использовала эту поездку, чтобы управлять Верити, чтобы развивать ее силы. Она воспитала ее, чтобы та выполнила свое предназначение, и как они этим воспользовались? Евангелина не собиралась покупать со мной никаких антикварных вещей. Если бы Колин не открыл дверь, то она бы допросила бы меня на крыльце, и ее зеленовато-голубые глаза так же зорко вглядывались бы в меня, как и сейчас.

Я посмотрела на Колина, который стоял возле лестницы, и он пожал плечами.

— Меня устраивает, — сказал он. — Позвони, если тебе что-то понадобится.

Здорово. Это единственный раз, когда я смогла настроить его чрезмерно осторожный характер, Колин сыграл напротив доверчивого. Неужели Евангелина использовала на нем магию? Вроде она так не выглядела, но что я понимала в заклинаниях? — Я только возьму свою сумку.

— Конечно, — ответила она. — Было приятно познакомиться с Вами, мистер...

— Доннелли.

— Мистер Доннелли. Мы вернемся через пару часов.

— Хорошо. — Колин проследовал за мной на кухню и наклонил голову ко мне. — Мы еще не закончили наш разговор, — произнес он, и в его голосе звучала тихая злоба, которую я вновь почувствовала позвоночником. — Сделай мне одолжение и хотя бы немного не влезай в неприятности, хорошо?

— Я постараюсь, — это прозвучало довольно искренне.

Только после этого он отошел. Я вернулась в гостиную, и подошла к Евангелине.

— Нам лучше уже отправляться, — сказала она и проводила меня к своей серебристой БМВ, которая стояла перед домом. — Нужно слишком многое обсудить.

— У меня был небольшой и весьма занимательный разговор с Люсьеном, — сказала Евангелина, когда мы отъехали. — Ты была умницей.

Я второй раз проверила свой ремень безопасности, разгладила юбку на коленях, ударила носком по сумке — в общем, делала всё, только чтобы не касаться кольца. Люк дал понять, что он и Евангелина сотрудничают, но как много она знала? Во всяком случае больше меня, это уж точно. — Люсьен? Вы имеете в виду Люка?

Евангелина нахмурилась; от нее исходило недовольство как с холодного фронта. — Просто больно слышать. Люсьен происходит из знаменитого рода, одного из главнейших в нашем мире. Дом Де Фудре располагает огромной властью в политическом влиянии и одновременно обладают значительно сильной магией. Его отец входит в совет Кваторов. Стоит надеяться, что Люсьен с достоинством займет его место в будущем и оставит в прошлом это глупое детское прозвище! Разумеется он всегда был таким своенравным юношей. — Она скользнула в сторону автомагистрали Дэна Райана и влилась в общий поток машин. — Твой мистер Доннелли просто очарователен. Друг семьи?

— В некотором роде. — Мне пришла в голову мысль. — Нам действительно придется купить что-нибудь из антиквариата, ведь так? Иначе он узнает, что мы этого не сделали. Такой безумно правильный это как раз про него.

— Люсьен упоминал, что ты находишься под охраной. Непрактично, но и не непреодолимо. — она глянула в зеркало заднего вида, — А вот и он.

Я неловко развернулась на своем сиденье. Действительно, раздолбанный грузовик следовал за нами на расстоянии пары машин.

— А вы не будете использовать какое-нибудь заклинание, или? Какой-нибудь магический фокус-покус, чтобы задержать его?

— Магический фокус-покус? — она звучала оскорбленно. — Едва ли. Мы конечно же можем спокойно посмотреть на новое поступление в магазине, Мо, если это успокоит тебя и твоего стража.

— Он не мой страж.

— О? Я не правильно поняла ваши взаимоотношения? Люсьен предположил, что его роль состоит только в том, чтобы охранять тебя.

Я сдерживалась от того, чтобы вновь бросить взгляд назад. Впервые присутствие Колина послужило тому, что я почувствовала себя увереннее и не нервничала. После того, как он перестал ругаться на меня, и повел себя даже по-человечески, это было даже очень мило. Но это ничего не меняло. Ни тот факт, что мой дядя Билли платил ему. Ни то, что он был недостижим для меня во всех мыслимых отношениях. А также он, наверняка, должен придерживаться какого-нибудь кодекса телохранителя, в котором запрещено заигрывать с персоной, которую он охраняет, или нет?

— Между нами ничего нет, — пробормотала я и уставилась в окно, рассматривая силуэты города.

— Ну, это упрощает дело, — она слегка притормозила, когда поток машин стал сильнее. — Кольцо у тебя с собой?

— Да.

— Я могу взглянуть на него?

Я вытянула цепочку из под моей рубашки, и кольцо начало качаться туда и обратно, как маятник. — Как оно вообще действует?

— Оно может многое. Оно служит как знак, по которому можно определить человека, упомянутого в свитках с пророчеством. Изначально оно принадлежало семейству Люсьена. И он, как наследник, подарил его Верити.

— О, — недавние слова Люка, что он был настроен на частоту кольца, обрели некоторый смысл. Я отпустила цепочку и почувствовала себя глупой.

— Согласно легендам, кольцо было тем самым оружием, с помощью которого Верити должна была обрести полную силу, чтобы исправить магические потоки. Оно должно было позволить ей использовать чистую магию, которая крайне опасна.

— Люк сказал, я не должна надевать его на палец.

Она практически пожарила кольцо взглядом. Она подняла руку, как если бы хотела прикоснуться к нему, но машины вновь пришли в движение. — Тут он абсолютно прав. Бугимены и их хозяева тут же обнаружат его. И в следующий раз они гораздо быстрее среагируют. Но ты должна быть в безопасности, пока ты его не носишь.

— Он сказал, они и без этого будут преследовать меня. — Я избегала, даже думать об этом, иначе страх парализовал бы меня. Помогает дневной свет. Помогает быть среди людей. Вынужденное заключение под дверным засовом и сигнализацией помогли бы с контролем, хотя от них было бы мало пользы.

— Это и вправду возможно.

— Что-то мне от этого не легче. — Кондиционер набирал обороты, и я потеряла руки.

— Есть некоторые меры, которые мы можем предпринять. Они не спрячут тебя, если ты наденешь кольцо, но в остальном их будет достаточно.

Я откинула голову на спинку сиденья. — Какие-то чары?

— Да. Они спрячут тебя, даже если бугимен будет так же близко к тебе, как я сейчас.

— Я больше никогда не хочу быть так близко к бугимену.

— Мудрое решение. — Она повернула на парковку и взяла билет. — Отсюда мы пройдемся немного пешком, но я очень люблю смотреть на речку. Я надеюсь, тебе это не помешает.

Она пошла вперед до тротуара; каблуки цвета слоновой кости звонко стучали по бетону.

— Итак, вы работаете вместе с Люком? Выясняете, кто убил Верити?

Она не остановилась. — Мы преследуем похожие цели. Я глава нашего рода, передающегося по материнской линии, так же как и отец Люсьена патриарх в своем роду. У меня также есть место в совете Кваторов. Чтобы Кваторы — и наше общество — выжили, мы должны остановить пророчество. Магический поток уничтожит Арканов. Моя первоочередная обязанность состоит в том, чтобы разузнать, можно ли еще исполнить предназначение Верити. — Она нахмурила брови, а ее голос напрягся, когда она продолжила: — Но с личной точки зрения я несомненно хотела бы выяснить, кто ответственен за смерть моей племянницы.

— Люк всё время говорил про это пророчество. Он сказал, Верити была predeterminedena, чтобы спасти мир.

— Так и было.

— Но от чего?

Мы остановились на Риверуок. Колин держался где-то поблизости и наблюдал за мной как какой-то мрачный ангел хранитель, но я старалась не оглядываться на него. Легкий

ветер растрепал мои волосы, собранные в конский хвост. Изогнутые окна административного здания на Уокер Драйв причудливо отражали небо. А вдоль реки мимо нас проплывали небольшие паромы и экскурсионные катеры. Всё было таким обычным — этот вид открывался мне и Верити тысячи раз. Я не могла поверить, что весь остальной мир даже не замечает, что ее больше нет с нами. У всех продолжалась их привычная повседневная жизнь, как будто ничего не произошло. По крайней мере хотя бы Арканы признавали, что ее смерть была огромной ошибкой.

— Я с удовольствием отвечу на все твои вопросы, Мо, но будет лучше, если мы сначала окутаем тебя защитными чарами.

— Это больно?

— По началу немного. А потом ты даже не заметишь, что они есть. — Она взяла мою ладонь в свою и одним резким движением превосходно наманикюренного ногтя царапнула бледную кожу на моем запястье.

— Ау! — вскрикнула я и попыталась освободиться. Но ее хватка была невероятно крепкой.

— Уверяю, бугимены могут сделать гораздо больнее. — Она протянула свободную руку над перилами, ладонью вниз, грациозно зашевелила пальцами, движение заклинателя, глубоко вдохнула воздух и только хотела начать читать заклинание.

Это движение напомнило мне кое-что. — Это были Вы! На кладбище!

Ее рука замерла, а она с холодным выражением лица взглянула на меня, приподняв бровь.

— Вы были одеты в синюю мантию.

— Это была церемония для моих соратников. Ты не должна была ее увидеть. — Но несмотря на равнодушный, сдержанный тон, в ее словах проскользнул скрытый, резкий оттенок гнева.

— Люк сделал так, чтобы всё исчезло. Он сделал что-то со мной.

— Не с тобой. Он скрыл сам ритуал, так же как в театре опускают занавес. Ты должна была дать ему шанс, принять участие в этой церемонии, — добавила она. — По праву эту церемонию должен был вести он. Мы можем продолжить?

Я не ответила; я была в полной растерянности после ее слов. Не удивительно, что Люк считал, что я вечно во всё вмешиваюсь — я разрушила похороны Верити, забрала ее кольцо и выжила; а она нет. Теперь я требовала стать партнерами. Он был либо невероятно снисходителен, либо невероятно отчаявшимся. У меня возникло неприятное ощущение, что я знала, оба варианта были верны.

Евангелина начала читать заклинание на том странном плавном языке, который использовали и Верити, и Люк. Я стояла, словно загипнотизированная этим звучанием. Оно создавало зачаровывающий контраст с резкими звуками города: такси и автобусы, которые ездил к наиболее выгодным стоянкам, уличные музыканты по ту сторону моста, горожане и туристы, которые куда-то спешили; и хотя Евангелина говорила тихо, я четко слышала ее слова в голове и они перекрывали всё вокруг.

Всё еще бормоча, она обхватила пальцами вокруг пореза, который она мне нанесла. Я вздрогнула от боли, но промолчала. Ее пальцы отстукивали странную барабанную дробь на моем пульсе. Внезапно я ощутила вдвойне сильный поток воздуха на коже, что пошатнулась от неприятного давления. Ощущение исчезло, и Евангелина замолчала и отпустила мою руку.

— Этого должно хватить, — сказала она. — Заклятие разрушится, если ты наденешь кольцо, но оно будет защищать тебя достаточно долго, что ты все дни будешь скрыта от врагов.

— Вы уверены? — чем больше я сталкиваюсь с магией, тем опаснее она мне кажется. На этот раз, в общем-то, даже неплохо было иметь магию на моей стороне.

Она выглядела оскорбленной. — Ну, конечно же. А теперь пойдём, прежде чем твой защитник не придет к выводу, что я не достойна доверия.

Мы пошли в сторону торгового центра, перебежали через железную дорогу, по которой ездили городские трамваи, проскользнули мимо туристов, которые махали своими фотоаппаратами как оружием. Как я была здесь в последний раз, я и Верити пришли на ярмарку художников-ремесленников. Я нашла ожерелье, которое мне очень понравилось. Оно было из стеклянных бусинок и кованых металлических шариков на тоненькой проволочке. Но, когда я бросила взгляд на цену, я сразу же спрятала руки в карманы и поплелась вслед за Ви, которая очаровывала продавца и торговалась из-за цены, которая была почти приемлема.

Теперь я шла следом за Евангелиной по кафельному полу лобби к длинному ряду лифтов и пыталась отвлечься. — Люк говорил, что каждый Аркан может управлять только одной определенной стихией. Ваша — это вода? — спросила я, когда двери лифта закрылись за нами.

— Да. Чикаго подходящий для меня город, как и Новый Орлеан, но даже в пустынях есть линии со всеми стихиями. Количество силы меняется — не все лидеры одинаково сильны — но подготовленный специалист может достичь многого даже со слабыми потоками.

— А какая стихия была у Верити?

— Ах, Верити. Она была чем-то особенным, — произнесла Евангелина. Ее голос надломился и принял эту безутешную, глухую интонацию, которая всегда появляется у взрослых, которые придаются воспоминаниям. Она остановилась, поправила лацкан пиджака и продолжила: — Поначалу я не обратила на это внимание, я подумала, что у нее есть дар в управлении водной стихией, как и у меня. И это было первым, что мы испробовали, и это было у нее от природы. Это не редкость, что подобный дар передается по наследству, ты знаешь это?

— Понятно, — генетику я еще могла понять. В семье Верити магические способности были наследственными, а мои хромосомы были поражены преступностью и обманом.

— Я просила, чтобы Верити применила преобразование: лежащие в вазе яблоки превратить в груши. Это совсем простое задание, мы не можем ни создавать, ни разрушать материи, но мы можем их преобразовывать. Это как детская игра, но которая становится возможной только спустя пару недель овладения магией. Я хотела увидеть, как много энергии она может получить из ближайшей линии. Самой ближайшей линии воды. — подчеркнула она. — Вместо этого она воспользовалась линией земли, которую я до тех пор никогда особо не воспринимала. По мне, так в ней нет никакого толку.

— А что же тогда было в этом особенного?

— Большая часть Арканов могут использовать только одну стихию. Совсем немногие могут использовать две, и это уже указывает на их огромную силу. Но чтобы три одновременно, об этом еще никто не слышал, разве только в пророчестве. — Ее голос звучал одновременно благоговейно и завистливо.

— И как раз Верити могла владеть тремя стихиями. — Как-то это не удивило меня. Конечно, у Верити было больше силы, чем у остальных Арканов. Она намного талантливее, чем вся наша школьная параллель вместе взятая. Почему с магией должно было быть иначе?

— Да. Я основательно ее протестировала, чтобы увериться. Почти неопытная, без всяких тренировок, она мастерски управлялась с линиями воды, земли и воздуха. Я советовалась со старейшинами, историками и архивариусами, а также с главами других домов. Верити продемонстрировала им свои способности, и все единодушно согласилось: в пророчестве говорилось о ней. Она была сосудом стихий.

— Сосуд стихий... — мой голос эхом разнесся в облицованном мрамором лифте. Даже после всего, что я уже видела и слышала, мне показалось это чересчур пространством.

— Это старомодное выражение, — согласилась со мной Евангелина. — Но пророчество, так называемое пророчество магического потока, это древний документ, древнейший от начала нашего летописания.

— И в нем говорится, что Верити — это сосуд?

— Не просто «сосуд». «Сосуд стихий».

— Ну, да. Это всё объясняет. Что именно говорится в этом пророчестве?

— Разве Люк не рассказал тебе? Он дал понять, что вы заключили партнерскую сделку. И, исходя из этого, я подумала, что он уже объяснил тебе... — она жеманно прервалась, как если бы не хотела создавать для него проблемы.

— Он не особо вдавался в подробности.

— Да, он не особо любит раскрывать карты, не правда ли? — Она бросила на меня слегка сочувствующий взгляд, затем вздохнув, начала говорить тем же неторопливым тоном, которым люди декламируют псалмы:

- >Сосуд трех стихий соединится с последним огнем отмеченного дома. И в их единении должны будут сотвориться Линии заново, в час, когда магический поток вырвется, иначе он устремится сквозь миры и превратит в прах каждого, кто не будет к этому готов.<

Я всё еще смотрела на нее с открытым ртом и пыталась понять всё сказанное, когда двери лифта открылись и Евангелина подтолкнула меня через коридор к одному торговому залу с мягким ковром на полу. — Всё довольно плохо, как ты видишь. Без сосуда стихий нет никакой надежды, сдержать магический поток, — проговорила она, когда какой-то мужчина из отдела поспешил к ней, чтобы поздороваться.

Она болтали пару минут на французском, затем Евангелина повернулась ко мне. — Я должна взглянуть на пару вещей, но это не долго. Почему бы тебе немного не осмотреться тут? Никому не повредит, развить взгляды на качественный товар.

Всё в этом магазине выглядело очень старым и дорогим. После того, как я осторожно побродила по всему помещению, я решила, что будет лучше, тихонько посидеть в уголке, пока Евангелина не закончит. Я нашла стул, который не производил впечатления, что развалится в щепки от старости, и присела.

Евангелина сделала круг по помещению настолько сконцентрировано, что я пришла к выводу: она забыла про меня. Хозяин магазина, Фабиан, следовал за ней и упорно стремился, поделиться с ней крохами информации. Евангелина кивала тогда и сейчас, но при этом ни разу не посмотрела в его сторону. Наконец, они остановились. Фабиан затараторил на беглом французском, сложил ладони и качался чуть ли не на самых носочках. Евангелина повернулась ко мне.

— Что думаешь? — спросила она и указала на высокий секретер с невероятно красивой резьбой, которая была от и до украшена поблекшими цветами.

— Вроде неплохо, насколько я могу судить. — Это было невежливо, но заплесневелая старая мебель не помогла бы мне найти убийц Верити. Тем не менее годы воспитания напомнили о себе. — Цветы просто прелесть, — покорно проговорила я.

Фабиан издал преувеличенно неодобрительный звук и с сомнением взглянул на

Евангелину. Он был маленького роста и довольно толстый, с острым маленьким мышинным лицом и жадными искрами в сощуренных глазках.

— Это парижский секретер 18го века. Настоящая редкость.

— И не только это, — ответила Евангелина. — Эта вещица таит в себе величайшие прелести. — Она легонько надавила на один из позолоченных цветков на задней стенке секретера. С тихим щелчком панельки скользнули влево и вправо от розетки и открыли два отделения, оба полные пачек бумаг, перевязанных лентами.

— Письма, — воскликнул Фабиан, — переписка супруги одного французского офицера с ее любовником, английским шпионом. Афера, которая принесла Англии драгоценную информацию, которая привела к перелому во время наполеоновских войн.

— Как ты видишь, — произнесла Евангелина, взглянув на меня своими зелено-голубыми глазами, — даже то, что на первый взгляд кажется чем-то излишним, может обнаружить в себе тайные глубины. Сокровища, если ты так хочешь. Я всегда считала это чем-то захватывающим. — Она вновь отвернулась. — Фабиан, доставьте его прямо в магазин, вместе с лиможской и дамастной тканью.

Фабиан восторженно кивнул и так же, дрожа от восторга, прошмыгнул в заднюю часть магазина.

— То есть кольцо Верити что-то вроде этого секретера? У него есть скрытые силы?

— Я говорила о тебе.

— Обо мне? — я прикоснулась ладонью к блестящей черной столешнице рядом со мной. — У меня нет никаких сил. Вообще никаких. Совсем.

— И при этом ты можешь носить кольцо, что указывает на то, что... в тебе есть что-то... уникальное. — Она замолчала, когда Фабиан вернулся с какими-то бумагами. Она достала из сумочки тяжелую авторучку с золотым пером и, даже не взглянув, всё подписала.

— А Вы разве не прочтете?

— Ох, Фабиан не так глуп, чтобы решиться обмануть меня.

Он выпрямился во все свои метр шестьдесят пять. — Мы гордимся нашей честностью.

— Точно, — подтвердила Евангелина. Она отдала Фабиану еще пару указаний на французском, позволила поцеловать ее в обе щеки и поспешила на выход.

Я поспешила за ней. — И всё таки, я уже говорила Люку, что у меня нет никакой магии.

— Это было очевидно уже когда я окутывала тебя защитными чарами. Будь у тебя хоть какие-то особые силы, ты оттолкнули мои усилия или усилила бы чары. Тем не менее кольцо реагирует на тебя. Как и на мою племянницу. А из этого можно сделать определенные выводы.

— Ясно. Бугимены будут каждый раз пытаться схватить меня, если я надену его на палец.

Она проигнорировала мои слова. — Почему оно реагирует, это меня просто сбивает с толку. Никакой магии, никаких талантов, в тебе нет ничего необычного. Ты не родом из какой-то значимой линии крови. Ты вообще не такая как Верити.

Ее слова задели меня даже сильнее, чем я ожидала. Я уже давно приняла тот факт, что Верити была звездой. И я самовольно хотя и восторженно держалась на заднем плане. Но я не никчемная. — А я никогда и не утверждала, что была как она, — возразила я.

Евангелина посмотрела на меня, нахмурившись, и было ясно, что я не выдержу этот взгляд. — Линии крови, — пробормотала она задумчиво. — Позволь взглянуть на твою руку.

Я молча протянула руку. Порез, который вылечил Люк, представлял собой темно-

фиолетовую черту, с каждым днем всё менее ужасную, но всё еще причиняющую боль, если дотронуться до нее.

— Ты этой рукой касалась ее?

— Я пыталась остановить кровотечение.

— Лишь немного может быть так же крепко связано с магией как кровь. В такой жертве заложена великая сила. Когда бугимены напали на вас, Верити с легкостью могла бы переместиться между мирами, но она решила остаться и защитить тебя. — Я тяжело сглотнула, когда она продолжила:

— Я думаю, вполне возможно, что какая-то доля сущности Верити перешла в тебя, как только ваша кровь достаточно смешалась, чтобы вынудить кольцо реагировать на тебя.

— Только вот, я не владею ее магией. — Мне хотелось бы, чтобы у меня была магия, но этому не суждено было быть. Желания никогда не сбываются.

— И это досадно. И всё же кольцо признает тебя, а значит всё еще есть надежда. — Но прозвучало это не особо обнадеживающе.

— Надежда на что именно? Вы всё время говорите, что Верити должна была спасти мир, но как?

— Вся магия течет по линиям направлений, — ответила Евангелина. — Но она истощается, и с каждым днем всё быстрее. Мы надеялись, что Верити сможет всё исправить и остановить нарастающий магический поток.

— Почему линии перестают работать?

— К сожалению, энтропия существует не только в этом мире. Магия, как и всё другое, стремится к хаосу, если за ней не следят надлежащим образом.

— И Верити должна была исправить эти линии?

— Больше, чем просто исправить. Согласно пророчеству, когда магический поток войдет в последнюю стадию разрушения и чистая магия вырвется в мир, тогда сосуд стихий полностью преобразует линии. Это должно было стать захватывающей демонстрацией силы. Она буквально должна была изменить мир.

— Но Верити больше не может исполнить пророчество. Что же тогда случится с магией?

— Она становится всё более нестабильной. Вскоре она начнет прорываться в мир в слабых местах. Есть некоторые магические вещи, которые могут эти прорывы сдержать, но это будет лишь временным явлением. Когда же чистая магия прорвется по-настоящему, она уничтожит слабых Арканов или тех, кто еще не раскрыл свои силы. Констанца, например, еще не в том возрасте, когда проявляются способности, конечно, если они у нее есть. Если магический поток прорвется, она вероятнее всего не выживет. Также, конечно, погибнут и все примитивные, которые окажутся в момент разрыва вблизи от линии.

Она сказала это так равнодушно, а я почувствовала, как будто получила удар под дых.

— Как много? — спросила я.

— Что, прости?

— Как много примитивных в опасности?

— Я как-то не думала об этом. Возможно... один процент всего населения? В городских районах существует тенденция обустраиваться поблизости от могущественных линий, так что здесь потери человеческих жизней будут значительно выше, чем в сельских районах.

Один процент. А в школе Святой Бриджит было 14 девочек. Девочек, которых я знала уже несколько лет. А также Кона? Неужели семья Верити недостаточно настрадалась?

Конечно, магия может быть не настолько ужасна, но и не то чтобы она до сих пор проявляла хоть какие-то признаки милосердия. — Зачем кому-то желать подобного?

— Что?

— Зачем кому-то хотеть, чтобы чистая магия разнеслась по миру, если она настолько опасна?

Евангелина надула губы. — Тому есть целый ряд причин; большая часть из которых политические. Существуют группировки — альянсы, если хочешь — которые регулируют различные аспекты нашей общественной жизни. Некоторые из них, вероятно, считают, что после прорыва магического потока они станут сильнее других альянсов.

— И поэтому эти люди хотят позволить умереть невинным?

— Власть одурманивает. Редко кто-то не желает иметь больше того, что у него есть.

— Да, но большинство людей не станут разрушать целое общество только ради того, чтобы в доме мог поселиться новый хозяин. — Даже если это, вероятно, зависит только от размера дома.

— Большинство даже не рискнуло бы вмешаться в пророчество такой важности. Судьба это не то, с чем можно обращаться так легкомысленно. Материя Вселенной искажается в некоторых случаях, чтобы сохранять образ, и последствия этого непредсказуемы. Что опять объясняет, почему кольцо Верити реагирует на тебя.

— Я не верю в судьбу.

— Нет? А как насчет Божьей Воли?

— Все постоянно твердят, что смерть Верити была Божьей Волей, — возразила я. — И так всегда мне говорят, когда происходит что-то плохое. Как будто поэтому всё должно быть в порядке или типа того. Но это не так. И это не доказывает наличие Бога, или судьбы, или еще чего подобного. Это доказывает лишь то, что жизнь полное дерьмо.

Мы сели в машину и поехали. Всю дорогу Евангелина молчала, а я смотрела в окно, через которое я словно впервые видела высотные дома района Луп, затем элегантные лофты и дома из песчаника, и, наконец, мой квартал. Это был преимущественно рабочий район, немного жалкий, но газоны всегда аккуратно подстрижены и нет ни одного пустующего магазинчика. Люди гуляют по тротуарам, вместо того чтобы спешить куда-то с опущенной головой, и пытаются достичь более хорошего места. Это не шикарный, а спокойный жилой район, в котором люди стараются как-то жить. Для меня это было место, в котором все знают о позоре моей семьи. Мой отец сидит в тюрьме, пока моя мама преданно ждет его возвращения, и мой дядя был таким человеком, которому льстили и которого боялись. А я была той, глядя на которую все качают сочувственно головой, той, которую все жалеют, так как все вокруг верят, что мое происхождение определяет, кем я являюсь.

Она так не делала.

— Я была бы рада, если бы ты кое о чем поразмыслила, — сказала Евангелина, когда мы подъехали к моему дому.

— О чем?

— Ты ясно дала понять, что заинтересована в том, чтобы отомстить за смерть Верити. — Я устала сидеть на порожке дома, на раскрошившийся край ступеньки и ржавое пятно на чугунных перилах, в то время как она продолжила:

— И всё же у Люсьена и у меня гораздо больше перспективы раскрыть правду и мы больше подходим для того, чтобы отомстить.

— Я обещала ей.

— Мы это тоже ценим. Обещание в нашем мире имеет огромное значение, Мо. Люди, которые убили Верити, помешали ей исполнить ее предназначение. На данный момент их просто распирает от преувеличенного самомнения и они верят, что дело сделано. Если ты возьмешь на себя предназначение Верити и исполнишь задание, которое было перед ней поставлено, то ты сможешь доказать, что они неправы. И жертва Верити не напрасна. Это действительно стало бы всеобъемлющей мстью.

— Погодите-ка. Вы хотите, чтобы я стала сосудом стихий? И остановила прорыв магического потока?

— Подумай об этом, — сказала Евангелина, когда нас прервал подъехавший грузовик Колина. — Мы друг дружку слышали.

— Расскажи о том парне, — попросила Лена и легко качнулась на стуле.

Я передвинула часть текста с помощью мышки на три миллиметра. — О каком парне?

— О том, который тебя привез домой после вечеринки. Это ведь тот же парень, что и со школы тебя забирает, не так ли? Между вами что-то есть?

Я даже не знала с чего начать, как исправить ее. Объяснять что-то про Колина было крайне сложно, даже самой себе. Если я скажу, что он телохранитель, которого ко мне приставил дядя, тогда все поверят, что Джилл была права в том, что преступники действительно гнались за мной. А назвать его другом семьи будет означать открытие сезона охоты для всех девчонок школы, и на мой взгляд, это слишком жестоко, особенно, учитывая, что он держал рот на замке по поводу вечеринки Джилл. Сказать, что он мой друг, было бы не только смешно, но и попросту неловко.

Колин был всем — надежный, упрямый и невероятно привлекательный, и это только если назвать несколько его характерных черт. Но «приветливый» — это не то слово, которым я стала бы его описывать.

— Между нами ничего нет, и Колин не забирал меня с вечеринки, — сказала я и попыталась сконцентрироваться на макете вёрстки газеты. Мы только что включили в нее особенный некролог в память Верити, а потребность Лены исследовать мою внезапно возникшую и столь сложную личную жизнь задерживала нас.

Лена скептически взглянула на меня со своего места. — Тогда как же ты вернулась домой?

— Просто с другом. Ты его не знаешь. — С ночи вечеринки Люк странным образом исчез, и это затишье тревожило меня. Я надеялась, что это связано с тем, что он следует каким-то указаниям или размышляет о том, как можно остановить прорыв магического потока, но не факт, что он не передумал. — Ты пригласишь своего «просто друга» на бал выпускников?

Я счастливым образом была избавлена от необходимости отвечать, потому что вошла миссис Корелли, руководитель издательства школьной газеты. Она была очень приятная женщина с практично постриженными под боб каштановыми волосами, которой удавалось выпускать школьную газету вовремя и без впадения в панику. Это была замечательная смена темпа в сравнении с домом, где моя мама постоянно впадала в панику.

— Ну как, девочки, почти готово? Я бы хотела закончить со всем как можно раньше, чтобы успеть посмотреть вечерний выпуск новостей.

— Знаете, миссис Кей, вообще-то есть еще что-то вроде... CNN. Там вы можете посмотреть новости, когда захотите. Очень круто. — Лена ухмыльнулась, а ее палец остановился на статье, которую она как раз просматривала.

— Только там также есть и такое явление как цензура, — возразила миссис Корелли, улыбнувшись. — И которую я всегда могу использовать, когда пожелаю. Где мы сейчас?

— На последнем отрывке, — ответила я. — Мы еще немного обрабатываем вёрстку, и Лена внесет в конце корректуру.

— А что там с некрологом? — Я могла почувствовать, что она предвидит неотвратимый провал статьи.

— Я нашла еще пару фотографий, которые мы могли бы вставить, думаю, это не будет

проблемой. — Не считая, конечно же, того, что Верити, которую мы помним, в действительности уже нет.

Я всегда знала девушку, которую видел остальной мир, очаровательную, прекрасную, талантливую девушку, которую все любили и которой восхищались. Но это было лишь открытой внешней стороной. Когда мы оставались вдвоем, Верити становилась... чем-то большим. Язвительная, остроумная, скандальная. Конечно, чуть менее совершенная, но более естественная и дорогая. Эту ее часть не мог видеть каждый — только я, потому что мы доверяли друг другу. Теперь я знала правду — она притворялась и со мной. Существовала значительная сфера ее жизни, которой она никогда не делилась со мной. А теперь передо мной встал вопрос, насколько я вообще отличалась от остального мира. Попытка составить некролог в память Верити казалась мне практически невозможной. Все фотографии и все цитаты, которые мы собрали, казались фальшивыми.

— Если ты предпочтешь, чтобы Лена сама закончила работу, то всё в порядке, — произнесла миссис Корелли.

Я помотала головой. — Со мной всё хорошо. Правда.

Она какое-то мгновение держала руку на моем плече. — Сестра Донна просила передать тебе, она слышала, что представители Нью-Йоркского университета приедут в этом году раньше.

У меня скрутило живот, и я крепче сжала руку на мышке. Я настолько была занята с Люком и Евангелиной, что совсем забыла о своих настоящих планах.

— Для собеседования или просто чтобы познакомиться?

— Для собеседования, которое замаскировано под простое знакомство, — с сожалением ответила она. — Они очень хотят посетить перспективных претендентов и собраться с ними. Если ты чувствуешь, что ты пока не в состоянии пойти, сестра Донна может это объяснить.

— Нет! — Последнее, чего я хотела, это особое обращение в какой-либо форме. Это же были смысл и цель задания для приема в Нью-Йоркский университет. Я была сыта тем, что люди обращаются со мной как с маленькой, разговаривают тихо и улыбаются мне мягкой сочувствующей улыбкой, наклонив голову, что должно означать, что они разделяют мою боль. Это была моя боль, и только она поддерживала меня.

— Я напротив рада этому, — ответила я. Это не было абсолютной правдой, но и не было чистой ложью.

— Я знаю, что ты очень рассчитываешь на Нью-Йоркский Университет, Мо, но не забывай, что они принимают только по одной выпускнице из каждого класса в школе Святой Бриджит. Это будет для них удачей, принять тебя, но я не хочу, чтобы ты расстраивалась, если этого не случится. У тебя ведь еще есть колледж как альтернатива, не так ли? — Я сглотнула и вновь повернулась к монитору. — Конечно.

Лена, внимательная как всегда, вытянулась на своем стуле и бросила взгляд на часы. — Мы лучше продолжим. Вам не стоит даже прогноз погоды откладывать ради нас.

Миссис Корелли еще раз сжала мое плечо и вернулась к своему рабочему столу. — Позовите меня, если понадобится, — ответила она.

Внезапно мне захотелось уйти и я встала. — Пойду, возьму себе колу. Лена, принести тебе что-нибудь из автомата? Миссис Кей?

— Ооо, кофеин! Маунтин дью, пожалуйста, — произнесла Лена. Миссис Корелли помотала головой и указала на дорожную кружку, которую она всегда держит при себе.

Таким поздним вечером школа всегда пахла немного странно, смесью дезинфицирующих средств, затхлой бумаги и перебивающими друг дружку духами четырнадцати сотен молодых девушек. В коридоре горел свет, но все классные комнаты были темные, что создавало довольно жуткую атмосферу. Я потерла кисть, где Евангелина поцарапала меня, и пошла немного быстрее. Она сказала, что чары скроют меня от бугименов, но она не упоминала, являются ли они единственными, кого мне стоит опасаться.

Я подошла к автомату с напитками, заплатила доллар и нажала на кнопку с колой лайт. Выпала бутылка воды, и я выругалась. Это был тот неправильный момент, когда наш автомат с напитками начинал капризничать и отказывался работать. Мне нужен кофеин. Природная арктическая вода из источника мне не поможет доделать школьную газету. Я покопалась в сумке в поисках еще одного доллара и вставила его в автомат. Еще до того, как я нажала на кнопку, выпала еще одна бутылка воды. Я нахмурилась; моя рука осталась над нужной кнопкой, и появилась третья бутылка воды.

Я села на корточки и попыталась заглянуть в автомат. но всё, что я смогла увидеть, это черную пластиковую выемку. Позади меня раздался тихий смешок, а когда я подняла глаза, я увидела Люка, стоящего под одним из плакатов против наркотиков.

Я поднялась и отряхнула пыль с коленок. — Очень смешно. Я хочу получить назад мои деньги.

Он закатил глаза и махнул рукой. Бутылка с колой лайт грохнулась в автомате.

— Вода для тебя полезнее, — заметил он. — Жизнь без наркотиков и так далее.

— Мне еще нужна маунтин дью.

— Купи сама. Я тебе не повар в закускойной.

— Автомат сожрал мои деньги из-за тебя. Пошевели носом или чем там надо.

Он что-то тихо пробормотал, и я достала вторую бутылку. — Тебе достаточно много времени понадобилось, чтобы прийти к этому, — сказал он.

— Это автомат с напитками. Если он не работает, мне приходит в голову, что он сломан, а не то, что магические силы сговорились против меня.

Он подошел ближе и убрал прядь волос с моей щеки. — В свете последних событий ты могла бы уже изменить свою точку зрения. А где торчит Куджо?

— Поблизости. — Снаружи. Он ждет, когда я закончу. — А что? Хочешь с ним познакомиться?

— Он не знает, что я здесь, — ответил Люк. Маленькое расстояние между нашими телами почти гудело от энергии. — Хорошо поболтали с Евангелиной?

— Она заставляет меня нервничать. — Он тоже, но я не собиралась признаваться ему в этом, чтобы не доставить лишнего удовольствия.

— Это, похоже, первая разумная мысль, что ты сказала с тех пор, как я тебя знаю, — высказался он. — Евангелина глава матриархата дома Мараис, одного из четырех, которые в данный момент правят событиями. Но она совершенно нормальная. Если она выглядит угрюмой, так только потому, что это много значит для нее.

Евангелина производит впечатление чересчур интеллигентной, что описывать ее «угрюмую», но я поняла, что он имел ввиду. «Доведенная» кажется больше подходит для нее. — Верити была ее племянницей. Конечно, это много значит для нее.

Он практически удерживал себя от того, чтобы не погладить меня по голове.

— И ты не должна больше думать, что Ви была для каждого так же важна как и для

тебя. Для многих людей она была важна только из-за этого пророчества.

— И ты один из них?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его лицо напряглось, взгляд ушел куда-то в пространство. Когда он опять сконцентрировался на мне, складки вокруг его рта медленно разгладились, и он небрежно убрал волосы, которые падали ему на глаза. — Не пойми меня неправильно, Мышка. Я верю в пророчество. Я всю свою чертову жизнь провел с тем, чтобы подготовиться к нему. Но Верити и я... Дело было не только в магии, она действительно кое-что значила для меня.

Я посмотрела в сторону. Было и так слишком тяжело слышать боль в его голосе, но видеть, в его лице отражается безутешное горе, было больше, чем я могла вытерпеть. Осознание, что кто-то любил Верити, должно было вызвать во мне чувство, что я больше не одна. Вместо этого я ощущала, как меня переполняет ревность — и стыд. Они были бы идеальной парой, оставь она меня.

И снова. Я не была полностью уверена к кому я ревную, к Люку, потому что он знал, какой на самом деле была Верити, или к Верити, так как у нее был Люк. Он был дерзким и нервирующим, и однозначно никоим образом не подходил мне, и при этом я всё же чувствовала эту странную маленькую пульсацию в венах, каждый раз, когда он смотрел на меня. Я никак не могла избавиться от ощущения, что Люк видел во мне нечто большее, чем кто-либо еще. Он действительно видел меня, не ту девушку, что я выставляю напоказ, а люди верят, что знают ее.

Это было неприятное чувство.

Я протолкнулась к двери; я хотела как можно скорее вернуться к Лене и сдержанно сопящей миссис Корелли, но Люк ступил ближе и взял меня за локоть.

— Пойдем. — Он вновь говорил в своем привычном тоне, чрезмерно самоуверенно, растягивая слова, что у меня сразу возникло желание ударить его ближайшим тупым предметом и одновременно закрыть глаза и погрузиться в их глубь. — Нас ждет работа.

Он нарисовал пальцем в воздухе огненную линию и что-то пробормотал. Я отпрянула. Мерцающая линия была спокойнее, чем тогда в парке, но и видеть ее посередине школьного кафетерия по-прежнему пугало.

— Мне нужно вернуться обратно. Мы как раз почти закончили новый выпуск школьной газеты. — Я в доказательство подняла две бутылки с напитками. — Они ждут меня. — Я не упомянула, что сделает Колин, когда узнает, что я пропала.

Люк прекратил колдовать. Проход был наполовину готов и висел в воздухе перед стеллажом с кубками. Магия делала его глаза ярко-зелеными; прямо-таки сияющими. Я спрашивала себя, можно ли измерить магию, показывает ее какой-нибудь инфракрасный спектр или, например, счетчик Гейгера. Принять магию было бы гораздо проще, если бы нашелся путь нормально объяснить ее существование.

— Я подумал, ты захочешь присутствовать, — сказал он пренебрежительно. — Конечно, если для тебя важнее работать над школьным проектом, вместо того, чтобы выяснить, кто убил Верити, тогда просто прошмыгни обратно, Мышка. Мне некогда тратить на это время.

Он дорисовал верхнюю часть прохода и начал последнюю часть. Я оглянулась на лестницу и была уверена, он не станет повторять своего предложения. Верити была бы больше признательна правосудию, нежели какому-то некрологу в школьной газете.

— Подожди. — Я поставила бутылки с лимонадом под стеллаж. — Это так же

безопасно?

— Это играет какую-то роль? Держись крепче, и тогда с нами ничего не случится.

— А мы не можем просто взять такси?

— До Нового Орлеана? Нет. — Он протянул руку. Я ухватилась за нее и почувствовала, как ускорилось мое дыхание.

Люк притянул меня ближе, положил обе руки мне на талию. Я не знала, куда должна деть свои руки, ему на грудь, или обхватить за шею? Или просто оставить их свисать?

Он ухмыльнулся. — Это не самый подходящий момент, чтобы смущаться, — произнес он. — Представь себе, что мы просто танцуем, как тебе такое?

Я положила руки на его плечи и настолько смутилась, что казалось, будто я глупая маленькая девочка на своем первом вечере танцев. Люк прижал меня ближе. Мы были достаточно близко друг к другу, что я могла разглядеть рисунок на мягкой черной хлопчатобумажной ткани его футболки и могла почувствовать аромат, исходящий от его кожи.

— Видишь? Ничего страшного. — Его голос был тихим, слегка колышущим мои волосы. — В этот раз постарайся не сдаваться, хорошо?

Когда мы прибыли, я споткнулась и прижалась к Люку. Ударилась носом о его грудь, а он крепче удержал меня за талию. — Я держу.

Земля под моими ногами шаталась и вертелась, и я вцепилась в Люка. Было неловко, но это было лучше, чем если бы меня стошнило на его ботинки.

— Ты как?

Я всё еще стояла, уткнувшись лицом в его футболку; зажмурив глаза, я чувствовала щекой мягкую ткань джерси. Неуверенно кивнула. Когда в голове всё улеглось, я отпустила его и отошла. Мы стояли в каком-то дворе, воздух здесь был мягкий и влажный, а белые цветы словно освещали кусты, которые в свете вечерних сумерек выглядели совершенно черными.

— Это всегда так? При путешествиях между мирами? — я стиснула зубы, борясь с подступившей тошнотой.

— Не знаю, ответил он. Он повел меня по дорожке из маленьких ракушек, которые хрустели под нашими ногами. — До тебя мне никого не приходилось брать с собой.

— Ты что не так много времени проводишь с примитивными? — я хотела, вложить весь свой сарказм, но это прозвучало с искренним любопытством. — А как же школа?

— Я не ходил ни в какую. По крайней мере не в такую как ты.

— А Верити ходила.

— Родители Верити были примитивными. Дети, которые растут в доме с магией, всё делают несколько иначе.

— То есть ты никогда не общался с примитивными? Действительно?

— Обычно нет. — Он сказал это вскользь, что я поняла, это должно было означать правду. Я колебалась, не зная, должна ли я себя чувствовать как нечто особенное или как какой-то урод. Он наклонился вперед и постучал двумя пальцами по замку огромных, кованых ворот. Они бесшумно открылись. — Чем чаще ты будешь путешествовать между мирами, тем легче это будет переноситься.

— Я не собиралась делать это своей привычкой. — Мысль, что мне придется так же часто путешествовать между мирами, как и ездить на городском автобусе, заставила подкоситься мои коленки.

Люк как-то странно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— В этот раз ты обошелся без меча.

Он покачал головой. — Он мне не нужен. Каждый Аркан имеет такой канал, то, что можно использовать, когда за раз требуется использовать слишком много магии. Но это не слишком хитро, так ведь?

— А ты достаточно хитрый?

— Ох, Мышка. Хитрость — это мое всё. — Большим пальцем он медленно обрисовал круг по моей спине, и я споткнулась.

Чтобы сменить тему, я спросила:

— А что мы здесь вообще делаем? Ты мне так и не рассказал.

— Никто не знает, кто отдал приказ убить Верити, а если кто и знает, то он ничего не скажет. Но люди, с которыми мы сегодня ночью должны встретиться, знают о мотивах.

— Ты говорил, что это произошло, чтобы противостоять пророчеству.

— Магия — это нечто своеобразное; равно как и судьба. Как только кто-то пытается изменить, что предопределено, то уже нельзя определить последствия, и именно так случилось с тобой. Мы должны знать, почему кто-то захотел разрушить пророчество и чего он этим надеялся достичь. Если мы узнаем это, тогда мы выясним, кто убил Ви.

— Что я должна делать?

Он помедлил. — Следуй за мной.

Его «не ответ» насторожил меня. И это должно быть отразилось на моем лице, так как он вновь остановился, медленно выдохнул и взял меня за руку. — Эта встреча... она тебе не понравится. Но если кто-то заметит, что ты из-за чего-то злишься, то мы не получим того, что нам нужно. И если честно, Я вообще-то не должен был приводить тебя сюда, это место не для тебя.

— Тогда почему ты взял меня с собой?

Он улыбнулся с легкой издевкой. — Ты же сама сказала, что хочешь присутствовать, Мышка. Я только стараюсь придерживаться нашего уговора. — Его лицо стало серьезным. — Что бы не произошло, что бы не было сказано, ты должна прикусить язык и мириться со всем. Сможешь?

Большую часть моей жизни я только и делала, что держала язык за зубами. Примерная девочка не спорит с мамой, или со своим дядей, или учителями, или с клиентами... она вообще не спорит. Таким образом я сдерживалась все 17 лет, только не перед Верити. С ней напротив, я могла говорить именно то, что думала, и она была только рада этому. «А тут все говорят, что ты примерная!» смеялась она. Но я была не такой, я была сама тишина. С тех пор как Верити умерла, я всё меньше стала держать язык за зубами. Она бы это одобрила, особенно в отношении Люка. Но сегодня вечером, ради нее, я вновь могу побыть тихой.

— Ты потом объяснишь мне всё? Детали, которые я не пойму?

— А разве я не делаю так всё время? — он вновь пошел дальше, но не отпустил моей руки.

— В действительности, нет.

Остаток пути мы шли молча. Здесь было иначе чем в Чикаго. Ночной воздух был тяжелым и влажным, приближения осени совершенно не ощущалось. Вокруг пахло цветами и пряностями, а не бетоном и морем. Пальцы Люка, переплетенные с моими, были сильными и настоящими, единственной частью этой ночи, которая только отчасти была нормальной.

— Здесь, — сказал он, остановившись.

Это был заколоченный досками, заброшенный магазин. Закрытые фанерой окна были изрисованы граффити, а к двери была прибита покрывшаяся слоем грязи табличка «продается».

— Здесь? Ты встречаешься с этими людьми здесь? Это же совсем пустой дом, сдающийся в аренду!

— Магия скрывает больше чем просто людей. — Он толкнул дверь. Музыка и голоса вырвались наружу, а он повел меня внутрь.

Помещение, в которое мы вошли, не было никакой развалюхой — оно было слабо освещено лампами, которые бросали круги света на старые деревянные столы и пару бильярдных, на которых шла игра. В противоположном углу пожилой мужчина с седыми волосами играл на гитаре какой-то блюз, в то время как великолепная женщина, волосы которой образовывали некий водопад из многочисленных косичек, двигалась в такт и пела

что-то о любви и лжи.

Ее платье сверкало и отбрасывало радужные блики на пол и стены. Когда она заметила Люка, она склонилась в его сторону; ее улыбка была своего рода чувственным недвусмысленным приглашением. Он ответил ей одним кивком и коротко сверкнувшей улыбкой, но глаза его при этом остались холодными и непроницаемыми.

Люк, всё так же крепко держа меня за руку, оглядел помещение блуждающим взглядом. Казалось, люди знают его, многие из тех, кто сидел за барной стойкой кивнули ему в знак приветствия. Некоторые из посетителей, сидящие за столами, прерывали разговор и открыто рассматривали его.

Он повернулся ко мне. — Мне бы очень помогло, если бы ты не пялилась вокруг как олененок на фары приближающейся машины. И было бы даже лучше, если бы ты сделала вид, будто любишь меня.

Я умерила мое раздражение и улыбнулась ему, медленной, ленивой улыбкой как та, которую он обычно посылает мне, такой, которая заставляет меня чувствовать легкое головокружение. Он моргнул и улыбнулся в ответ; это было явление хищника. До этого момента я не чувствовала себя добычей, но теперь я была ею.

— Тебе стоит делать так почаще, — сказал он, коснувшись губами моей мочки уха, и вновь вернулся к осматриванию помещения.

Наконец, он сконцентрировался на глубокой нише в самом дальнем конце комнаты. Маленький круг света не попадал на персону, которая там сидела. Все столы рядом были пусты. Он потянул меня вперед. — Представление начинается!

Мы приблизились к столу, и Люк частично закрыл меня собой.

— А, Люк, — из темного пространства ниши раздался мягкий приятный голос. — А я уже начала спрашивать себя, появишься ли ты сегодня.

— Ниобе. Как всегда, мне очень приятно. Можем мы присесть?

— Мы? — женщина с кожей мускатного цвета наклонилась, оказавшись в свете лампы. — Новая спутница? Уже? Могут пойти слухи.

Люк притянул меня ближе к себе и обнял меня за плечо. Жест был скорее собственнический, чем нежный. — Это же хорошо, когда людям есть о чем поговорить, — ответил он мимоходом. — Верити нет с нами. Старые правила больше не действуют.

Ниобе внимательнее посмотрела на меня, и то, как Люк сжал пальцы на моем плече, удержало меня от поёживания под ее взглядом. В выражении ее лица читалось смутное отвращение. — Сделка относится только к тебе. Девушке здесь не рады.

— Она и слова не скажет, — преувеличенно возразил он, играя с прядками моих волос. — Она просто будет сидеть рядом и прелестно выглядеть.

Я дернула локтем; мне внезапно так захотелось врезать ему в живот. Он усилил хватку.

— Она не принадлежит этому месту.

— Она принадлежит мне, — мягко ответил он.

Ему? Только мое обещание Верити сдерживало меня от того, чтобы сказать Люку, куда ему стоит запихнуть свой проклятый меч!

— Она подождет у бара. Я не имею дел с примитивными.

Он фыркнул. — А я и не знал, что ты настолько чувствительная.

— У бара, Люк, или никакой сделки. Ты можешь поиграть и позже.

— Сделай так, — прошептала я, переплетая пальцы на его затылке, и сделала лучшее, на что была способна, посмотрела на него как самая обычная подружка. Я в некотором роде

выросла в «Черном Моргане». Магическая или нет, но здесь была знакомая мне среда, которую я понимала. Люди ведут себя забавно, когда речь идет о том, чтобы заключать сделку в присутствии третьего лица. — Не беспокойся обо мне.

Он мрачно посмотрел на меня, но затем повел к пустующему месту возле барной стойки. Бармен, громила с искусно зататуированной головой и впечатляющими бицепсами, подошел к нам.

— Даже не двигайся с этого места, — прошипел Люк. — Не говори ни с кем, не устраивай сцен. Просто тихонько жди здесь, тогда мы быстро управимся.

— Кола лайт? — попросила я у бармена, я не удостоила Люка ответа. Мой напиток тут же появился передо мной в стеклянном стакане для молока. Я вновь повернулась к Люку:

— Иди же!

— Будь тут, — ответил он и вернулся к изящной и вызывающей ужас Ниобе.

С моего места был замечательный вид на помещение, сцену и бильярдные столы, вход и нишу Ниобе. Колин был бы доволен, по крайней мере с точки зрения тактического расположения. Конечно, если бы он узнал, что я была здесь, то бугимены и прочие магические уроды стали бы наименьшей из моих забот.

— Что-нибудь еще? — спросил бармен, полируя и так чистую барную стойку.

— Нет, спасибо. — Я была полностью довольна, попивая свою колу маленькими глотками и наблюдая за людьми, и он ушел дальше к другим посетителям. Здесь мало что отличалось от «Черного Моргана», более прокурено, но запах только заставлял меня насладиться воспоминаниям. На обоих бильярдных столах игра шла полным ходом.

Отрывистый звук ударов шаров и глухие хлопки, когда они попадали в лузу, создавали прекрасный контраст музыке. Певица, казалось, совсем забыла про Люка. Она вновь была занята тем, что пела для всего зала. Я чувствовала, как ее взгляд пару раз пробежался по мне.

Я не могла оценить, используют ли магию игроки в бильярд, чтобы повлиять на игру. Возможно, они уравнивали свои силы, ведь если оба игрока использовали магию линий, то ни у одного не было преимущества. Я спрашивала себя, как много магии было у убийц Верити, насколько они были сильны. Они отправили бугименов, вместо того, чтобы самостоятельно преследовать Верити.

Были ли они недостаточно сильны, несмотря на то, что Верити еще не полностью развила свои силы? Или они просто не хотели оставлять следов? Этот приказ был проявлением отчаяния или демонстрацией силы?

Кто-то присел рядом со мной, неприметный парень в футболке и шортах цвета хаки, вероятно, немного старше Люка. Он выглядел как и большинство докторантов Чикагского Университета, которых я постоянно видела в Гайд-Парке, вплоть до небрежной светлой бороды и очков в проволочной оправе. Он заказал пиво и повернулся ко мне. — Подбавить?

Я приподняла свой стакан, который еще на две трети был полон. — У меня достаточно.

— Ой, да ладно. Только чуток добавлю. — Бармен поставил пивной бокал перед чужаком и сделал движение рукой к моему стакану. В одно мгновение он был полон и вновь охлажден льдом. Учитывая то число кружек кофе, которые я вливала в себя ежедневно, это был настоящий талант, который я действительно считала полезным.

— Я не видел тебя здесь раньше, — сказал парень в очках.

— Я здесь впервые.

— Эй, добро пожаловать в Дофине. Как насчет тоста?

Люк сказал мне, что я не должна ни с кем разговаривать, но в данном случае это будет

безвредно. Если я буду вести себя невежливо, то я только привлеку к себе больше внимания. Возможно, будет лучше, если я подыграю и не стану устраивать театр. Мантра моей мамы наконец-то оказалась мне полезной. Я немного поменяла положение и подняла стакан.

— За то, чтобы испытать что-то новенькое! — произнес он, и я повторила его слова. Мы чокнулись и выпили. Мне стало как-то не по себе, слишком легко в моей шкуре. Мне хотелось бы, чтобы Люк поторопился. Тип в очках продолжал бросать на меня взгляд украдкой, и на его губах играла легкая усмешка.

Он выглядел не особо хорошо, маленькие глаза позади очков и безвольный подбородок, и при этом он излучал подсознательно подавляющее отчаяние. Я задержала взгляд на зеркале позади барной стойки, в котором отражался стол Люка.

— Забавно, — сказал парень после некоторой паузы, — но мне кажется, я знаю тебя. Мы точно раньше не встречались?

— Сомневаюсь, — ответила я вежливо. У меня было не так много опыта по части того, когда парень клеится к девушке, но это был не подходящий момент испробовать подобное. — Я не отсюда.

— Случайно, не Чикаго? У тебя акцент есть.

Я покраснела. Акцент Люка всегда бросался мне в глаза, но я никогда не задумывалась над тем, что у меня самой может быть таковой. Казалось, у этого парня не было никакого акцента, он имел четкое произношение, похожее на речь диктора.

— Так заметно?

— Нет, — ответил он бодро. — Ты довольно далеко от дома.

Я кивнула и вновь посмотрела в сторону стола Люка, а затем на мои наручные часы. Как долго это будет продолжаться, пока Лена не заметит, что я ушла? Пока она не сообщит об этом миссис Кей? Пока Колин не решит позвонить мне, и не заметит, что звуки в баре совсем не похожи на классную комнату с курсами журналистики?

Тип в очках постукивал по барной стойке в беспорядочном ритме. — Ты кого-то ждешь? — спросил он.

— Можно и так сказать.

— Я так и думал. Ты всё время смотришь в сторону столов. Я же тебя не раздражаю, нет?

— Нет. — По крайней мере пока нет. Но я годами ездила на городских автобусах. Никогда-никогда нельзя допускать, чтобы кто-то узнал, что он выводит вас из себя.

Он высоко поднял руки, чтобы показать, что он безвреден. — Прости. Я просто даже поверить не мог, что кто-то оставил бы ждать здесь такую девушку как ты.

Девушку как я. И снова это формулировка. Ладно, она звучит не так уж оскорбительно, когда ее произносит какой-нибудь парень, который пытается подкатить ко мне.

— Спасибо. — Несмотря на то, что я ощутила укол совести, проигнорировав указания Люка, я всё же улыбнулась мужчине. — Итак, а ты из Нового Орлеана?

— Нет, нет. Это самое забавное в Дофине, знаешь? Это своеобразный перекресток дорог. Здесь встречаются люди отовсюду... Я знал еще одну девушку из Чикаго, — добавил он и прекратил свое постукивание. — Примерно твоего возраста, я думаю. Возможно, ты ее знала?

Я осторожно отставила свой стакан и попыталась поймать через зеркало взгляд Люка. Он кивал Ниобе глубоко в нише и не смотрел вокруг. Если бы я была в автобусе, я бы потянулась на освободившееся место.

— Чикаго — большой город.

— Ясно, — приветливо ответил он. — Но что-то в тебе всё таки напоминает мне ее. Она была хорошенькая. Но я слышал, что для нее всё не так уж хорошо прошло, когда она вернулась в Чи-Таун.

Я боролась с желанием закатить глаза. Только туристы и газетчики называют Чикаго Чи-Таун. Я провела указательным пальцем по капелькам, которые конденсировались на моем стакане, и напрягла руку, чтобы она не дрожала.

— Правда? Что-то случилось?

— Ой, да ты же знаешь, как это бывает со слухами. Некоторые люди предполагают, чистая магия вскружила ей голову. Кто-то сказал, что она даже думала, будто она та самая девушка из пророчества про магический поток. Как-будто кто-то поверил бы ей!

— Из пророчества про магический поток? — спросила я. — Ты не веришь, что это про нее было?

— Ну да, — ответил он и наклонился так близко, что я могла почувствовать запах пива в его дыхании, дрожжи и кислота, — если бы она действительно была сосудом стихий, ее было бы чертовски не просто убить, ты так не думаешь?

Я оцепенела. Какого черта Люк так долго? Он что, обсуждает с Ниобе последнюю рекомендацию книжного клуба Опры?!

Я крутила стакан в руке и отчаянно пыталась излучать равнодушие вместо ужаса. Ниобе знала что-то все это время, но этот тип знал больше, и это не было случайностью, что он оказался здесь. Я должна разговаривать с ним. — Ты хорошо знал эту девушку?

— Вообще-то нет.

— С чего же ты взял, что я тебе ее напоминаю?

— Она была слишком самоуверенная. Она думала, что она сосуд стихий, верила, что она может спасти мир. У нее была миссия. — Последнее слово он выплюнул с официозом. — И ты видишь, к чему ее это привело. Ее жизнь выскользнула из нее в одном из переходов, она стала игрушкой бугименов, и мир не будет помнить о ней, разве лишь то, что она была неудачницей. — Его лицо покраснелось, а его рот открывался и закрывался; в уголках губ собрались небольшие капельки слюны.

Во мне бесконтрольно вспыхнула ярость. — Она не была неудачницей!

Он вскочил и тем самым отбросил свой стул. — Без сосуда стихий нельзя остановить прорыв магического потока. Магия разольется по всему миру как очищающий огонь. Ты и Твои люди падете. Серафимов нельзя остановить!

— Серафимов? — в голову стали приходить бесчисленные воспоминания религиозных учений отца Армандо, но у меня было такое чувство, что этот тип говорит не о каком-то месте в библии. — Я не знаю, о чем ты говоришь. — Я поспешно слезла с высокого барного табурета и начала отходить в сторону. Каждый в зале — бармен, посетители, певица — целенаправленно игнорировали меня.

Его глаза злобно свернули, когда он ринулся ко мне. — Ты не знаешь. Ты просто глухонемая маленькая примитивная. Я не знаю, почему они считают тебя какой-то особенной.

— Кто они?

— Они верят, что в тебе есть что-то интересное. Нам стоит проверить, так ли это?

Внезапно он вздернул руки вверх и с невероятной силой сжал мои виски ладонями. Всё поплыло у меня перед глазами. Чувство давления и... чего-то неправильного... прорастало в

моей голове, пока парень бурчал что-то невнятное.

Помещение вокруг меня поблекло, кроме яростного лица чужака, а какой-то жалобный звук перекрывал все другие шумы. Видения, в которых проявилось нападение в переходе, кровь Верити в больнице и кольцо, которое сверкнуло на моей пальце, пронеслись передо мной и совершенно перемешались.

Краем глаза я увидела, как Люк выскочил из ниши. Он двигался так медленно, что я знала, ему никогда не удастся, не успеет вовремя, чтобы спасти меня, и я предположила, что, возможно, ему и без того уже надоело делать это.

В последние отчаянные секунды, прежде чем я потеряла сознание, я схватилась за почти полный стакан, как можно крепче сжала его и со всего маху обрушила его на голову типу в очках. Раздался глухой треск, и его руки разжались. Мои ноги подкосились.

Появился Люк — он мчался, как будто он внезапно оказался в ускоренной съемке, и поймал меня, прежде чем я упала на пол.

— Мышка! Ты в порядке? Ты здесь? Скажи что-нибудь!

— Я здесь, — ответила я, и моя голова упала. Слова звучали в моих ушах непонятно, словно я была под водой. — С тем парнем что-то не так.

Он оттолкнул меня за себя и повернулся, чтобы дать отпор чужаку. Я натолкнулась на стол, опрокинув стулья, смела поднос со стаканами на пол и упала. Шум в ушах просто не собирался прекращаться, и я потрясла головой, чтобы избавиться от него; я с трудом приподнялась, встав на колени и оперевшись руками о пол. Шепчущиеся люди окружили нас.

— Здесь нейтральная территория, Люк. — Произнес бармен. — Здесь нельзя сражаться.

— Он нарушил перемирие, — возразил Люк. — Еще чуть-чуть и он бы к черту уничтожил бы ее рассудок! Если это не достаточная причина...

— Она же примитивная, — задыхался тип, стараясь устоять на ослабевших ногах. — Нейтралитет не распространяется на посторонних.

— Она моя спутница, под защитой моего дома. Здесь у нее такие же права как и у всех остальных. — Губы Люка побелели от ярости.

— Она приняла мое предложение. Это устранило защиту. — Тон чужака был упрямым и с плаксивыми нотками.

Взгляд Люка метнулся ко мне. — Она не знала об этом.

— Мужчины, — произнесла Ниобе, покачала головой и помогла мне подняться на ноги. В ее голосе слышалось веселье. — Они всегда убеждены, что это их прямая задача управлять всем.

— Что за перемирие? — спросила я.

Люк разбежался, перекинул парня через себя и швырнул его на стол. Вокруг нас раздались крики и неистовство толпы.

— Внутри этих стен нельзя использовать магию, чтобы кому-то навредить. Это очень старый и довольно полезный указ. Но мужчины всегда найдут лазейку, не так ли?

Я увидела, как Люк кулаком ударил в живот мужчину, который напал на меня, уклонился от ответного удара и затем врезал ему кулаком в челюсть.

— Но тот парень использовал магию! И это было больно!

Она с состраданием посмотрела на меня. — Это был раскол, как я слышала. Он проник в твой разум и получил полный контроль над тобой. Среди Арканов это строжайше запрещено, но... ты примитивная. Ты не считаешься.

Ну, конечно, я не считаюсь. — Люк оставил меня сидеть тут только затем, чтобы мне навредили?

— Нет. Ты была под защитой его дома, приняла предложение, в данном случае напиток, от другого человека. Когда ты это сделала, ты потеряла щит, который Люк создал вокруг тебя.

— Щит?

— Защитный экран. — Она подняла руку, и воздух вокруг меня зашевелился. — Но на тебе есть еще один... более могущественный, который создал кто-то другой. Но то заклятие, которое создал Люк, рассеялось, когда ты там приняла напиток.

Люк наложил на меня заклятие? Без моего ведома? Я удавлю его собственноручно, как только мы отсюда уйдем. Если мы отсюда уйдем.

Люк и Тип в очках всё еще боролись друг с другом на полу, передо мной всё расплывалось и я не могла больше безучастно стоять рядом.

— Это перемирие касается только людей использующих магию? Но не примитивных?

Ниобе мгновение подумала над этим, а затем широко и радостно улыбнулась мне. — Всё равно, что ты здесь предпримешь, никто не упрекнет тебя за это; ты вольна делать, что хочешь. Это единственная в своем роде ситуация среди таких как мы. Я подумала, что ты сильно пострадала, но, возможно, я ошибалась.

— Не будь в этом так уверена, — ответила я. Люк ударил парня сбоку в колено и тот полетел в толпу. Кто-то помог ему встать и толкнул обратно к Люку. Мне открылся другой вид, когда люди сдвинулись ближе, чтобы притеснить его.

— Почему они не помогают Люку? Все же видели, что этот парень сделал со мной. Разве никто не должен что-то предпринять?

— Напавший не нарушил ни одного закона, — терпеливо ответила Ниобе. — А за то, что Люк привел тебя сюда, он не приобретет здесь ни единого союзника. Дофине — это убежище от мира примитивных. Большинство здесь воспринимают твое присутствие как оскорбление.

В просветах между людьми в толпе я увидела Люка, упавшего навзничь. Тип в очках крепко удерживал его и сдавил ему горло локтем. Я прекратила размышлять и протиснулась к ним. По пути я схватила пивную бутылку с ближайшего стола. Люк пытался подняться, но соперник ударил его кулаком в живот; его лицо покрылось пятнами и перекошилось от ярости.

— Ее будет недостаточно, — прорычал он Люку. — Пророчество разрушено, и никакая примитивная не сможет его восстановить. Она умрет, прежде чем у нее появится возможность совершить это. Магический поток очистит мир, и Серафимы восстанут. Мы вернем нашему миру их древнюю власть, которая очистит линии. Она не...

Я обрушила бутылку на его затылок, и она разбилась вдребезги. Несколько осколков отлетело обратно и порезало мои щеки. От удара мужчина упал возле Люка и без сознания растянулся на полу. Секунду Люк хватал воздух ртом, затем перевернулся, встал и выхватил у меня из руки разбитое горлышко от бутылки. Когда чужак вновь кинулся на него, Люк ударил его.

Толпа разделилась, когда Люк оттеснил его вдоль сцены к стене, прижав зазубренное стекло к его горлу. По шее заструился маленький ручеек крови, и мужчина оцепенел. Толпа затихла. Даже певица замерла; ее переливчатое платье застыло.

Голос Люка был тихим, убийственным. Он далеко раздавался в безмолвном зале:

— Я мог бы убить тебя здесь и сейчас, но вместо этого ты можешь поиграть в посыльного. Вали к своим людям. Расскажи им, как ты сегодня сильно облажался. Скажи им, что девушка является табу.

Скажи им, что я сам займусь ими. И скажи, что, в таком случае, я превращу их кости в прах. Я исполню пророчество, а их задачей будет покончить с собой до того, как всё начнется. И если после твоего прокола они убьют тебя, то помни, что они гораздо милостивее, чем мог бы быть я. — Он сильнее надавил бутылкой, и кровь полилась быстрее. Через плечо Люк приказал мне: — Мышка. Подойди.

Разумнее было не возражать.

— Держись крепче, — произнес он.

Я обняла его обеими руками за талию, а он прижал меня к себе свободной рукой, в то время как второй он создавал проход рядом с нами. И мы полетели в темноту.

Мы упали в квартире Люка, и наше появление с грохотом разрушило спокойную темноту. Его рука всё также прижимала меня за талию, его ладонь крепко придерживала мою руку, но он не остановился. Вместо этого он энергично повел меня в кушетке, пока я, спотыкаясь о собственные ноги, пыталась держать его темп. Последний отрывок он подтолкнул меня слегка вперед, и я приземлилась на кушетку с неловким глухим ударом и стоном. Он проигнорировал меня, подошел к буфету, налил бурбон, опрокинул его в себя и налил еще.

Его способность без проблем путешествовать между мирами нервировала меня. Было достаточно плохо от того, что я должна была положиться на него, чтобы он перенес меня, для него это было также чертовски легко, как танцевать, в то время как я, словно идиотка, трепыхалась рядом. Ему всё дается легко. Он знает правила, он знает партнеров, он знает всё о магии. Он родился с ней, как он сказал, а я чувствовала себя, словно смотрю японский фильм со шведскими субтитрами.

Я вытерла влагу со щёк. Когда я посмотрела на кончики пальцев, они оказались в крови.

Это был еще один признак того, насколько мне всё стало поперек горла, что я могу просто смотреть на свои окровавленные руки и чувствовать при этом легкую досаду, вместо того, чтобы кричать от паники.

Люк подошел ко мне с бокалом в одной руке и открытой бутылкой в другой.

— Это было глупо, — произнес он. Его голос был ледяным, а в глазах пылал огонь. Я хотела вжаться в мягкую кожу кушетки, но после перемещения у меня кружилась голова, я была рассержена из-за заклинания и прежде всего была права, поэтому я вытерла пальцы о юбку и села ровно, повернувшись к нему.

— Это было необходимо, — возразила я. — Ты сказал, что мы должны выяснить, какой союз отдал приказ убить Верити. Теперь мы это знаем.

Он с такой силой поставил бокал на стол, что я подумала, он точно треснет.

— Есть и более подходящие методы. Тихие методы.

— Я уже сыта по горло, быть тихой! Это ты тот, кто хочет, чтобы я спасла твой идиотский мир! Да ты должен быть просто в восторге от того, что я в кои-то веки что-то сделала, вместо того, чтобы только ждать. — Он всё еще стоял, возвышаясь надо мной, и я вскочила с кушетки, чтобы стоять прямо перед ним.

— Ради Бога, женщина! Ты игнорируешь всё, что я тебе с самой встречи говорю, и сегодня ты решила устроить шумиху? Я усадил тебя за эту чертову барную стойку и сказал: «Не двигайся. Не говори ни с кем. Просто жди здесь и не устраивай сцен.» И сразу после этого ты решаешь устроить шоу? — Он с отвращением покачал головой и вновь отпил из бокала.

— Я тебе не какой-то золотой ретривер, — рявкнула я. — чтобы ты погладил меня по головке и сказал «Место!», придурок! Почему ты вообще взял меня с собой, если я ничего не должна была делать? Какого черта я пропустила из-за этого курсы журналистики в школе? И уликнула от Колина? Чтобы торчать в этом сумасшедшем баре? К черту! Мы же должны быть партнерами!

— Это была твоя идея.

— Ты согласился! Теперь ты будешь относиться ко мне как к партнерше. Ниобе сказала,

что ты наложил на меня какое-то заклятье, а затем ты просто забыл упомянуть об этом?

Он скрестил руки на груди. — Это всего лишь мелочь. Когда ты принимаешь от кого-то еду или питье, тогда ты оказываешься под защитой его дома, как гость. Это даже не столько заклинание, сколько обычай. Если бы ты не была склонна принимать от чужих напитки, то с тобой ничего бы не случилось.

— Не сваливай всю вину на меня! Я не могу следовать правилам, если ты не говоришь мне, как они звучат! Если мы партнеры, тогда ты должен мне говорить подобное. И ты не должен отталкивать меня в сторону, в то время как ты находишься среди людей, которые сделали это... — Я остановилась, и внезапное осознание озарило меня. — Поэтому ты так злишься. Это я добыла информацию, а не ты. Я выяснила это. Серафимы, кто они такие. Именно этого мы добивались сегодня вечером, так ведь?

Его лицо омрачилось, краснота растеклась по щекам как при лихорадке. — Всё, чего я хотел, так это то, чтобы ты не попала в беду, а не то, чтобы ты рисковала жизнью. Ты хочешь отомстить, и это нормально. Я тоже этого хочу, Мышка. Но давай кое-то проясним, это не стоит твоей жизни. Ты нужна мне живая, даже если тебе на это наплевать.

Мой желудок сжался, от гнева, от стыда, или всего сразу. Я уставилась на свои ладони, сжала их. Я вновь села на кушетку; весь мой боевой дух испарился. Странно, как я, только лишь за одну минуту, прекратила жалеть об отсутствии Верити, когда Люк привел меня в такую ярость. Теперь всё снова обрушилось на меня.

— Я была не... Ты... Я обещала ей, — сказала я наконец. Теперь влага на моих щеках была не только кровью.

— Я знаю. — Грубость исчезла из его голоса, но осталось сочувствие и еще что-то иное. — Только это ее не вернет. И ты не можешь обменять ее жизнь на свою. Месть не в этом заключается.

Он протянул мне бокал с бурбоном, я сжала пальцы вокруг бокала и ощутила тепло там, где до этого находилась его ладонь. Я осторожно отпила, рассчитывая на то, что будет печь в горле. Тем не менее я не смогла удержаться от кашля и потеряла глаза.

— Послушай, Мора. — Он сел рядом со мной, а я замерла от тона в его голосе, когда он произнес мое имя совсем иначе, чем кто-либо произносил его ранее. — Ты дала обещание, это нечто хорошее, даже благородное. В этом есть своя особая магия. Но ты больше не должна так рисковать своей жизнью. Она бы не хотела этого.

Я отпила еще один глоток бурдона, на этот раз больше, и позволила ему обжечь горло. Пристально глядя в бокал, я ответила:

— Я убегала. В переходе, тогда ночью. Она осталась. А я убегала прочь.

Я рассчитывала на то, что он разозлится или проявит отвращение ко мне. А если он окажется в великодушном настроении, то могла бы представить даже его сочувствие. Вместо этого он отреагировал бесцеремонно и практически упомянул:

— Ты была бы мертва. Тогда ты ничем не могла ей помочь. А теперь можешь. Но ты должна быть хитрой. Ты должна мне доверять.

Быть хитрой и доверять Люку не было синонимичными явлениями. Всё, что он сказал или сделал за то время, что мы знакомы, оказывалось только наполовину правдой. Но это было большее, что я могла получить от кого-либо другого, и всё же это не слишком успокаивало.

Нет, доверять Люку это не хитро, но когда я вновь села на кушетку, в гнев, крови и слегка легкомысленная благодаря бурбону, я сделала это. От него пахло соленой водой и

корицей, резко и пряно, а его глаза отливали чистым и загадочным зеленым цветом, и я только кивала, пока вдруг не смогла больше дышать.

Он коснулся моих щек там, где меня поранили осколки стекла. — Выглядит так, будто ты получила что-то совершенно прекрасное. Закрой глаза.

— Зачем?

— Чтобы я мог вылечить это. Я же не могу вернуть тебя домой, когда ты выглядишь, словно участвовала в потасовке в баре. Что на это сказал бы Куджо?

У меня было довольно четкое представление, что бы сказал Колин, ничего хорошего, но ответила: — Я имею в виду, почему я должна закрывать глаза.

Он придвинулся.

— Мне кажется, это будет довольно странное ощущение, если ты при этом будешь смотреть на меня.

— Но я с удовольствием посмотрела бы, — ответила я, не подумав. — Кроме того, это не опасно. В конце концов, ты тоже смотришь на меня.

Он подавил самодовольную улыбку; ему удалось это только частично.

— Пожалуйста, если ты так хочешь...

— Хочу.

Он провел пальцами по моим скулам и прошептал что-то, слова, которые я никогда не смогу понять, всё равно, насколько внимательно я буду прислушиваться, и такой знакомый сверкающий поток разлился по моей коже. Я хотела погрузиться в его тепло, позволить, чтобы он растопил то замерзшее место внутри меня, но я сконцентрировалась на глазах Люка, что сейчас стали лучисто зелеными с золотым отливом и словно светились изнутри.

Даже его кожа, казалось, приобрела совершенное легкое сияние, от пота, или от магии, я не знала. даже если и то и другое, мне было абсолютно всё равно, потому что он был так красив. Я подняла руку и провела пальцами по контуру его лица. Он не уклонился, вместо этого он взял меня за подбородок. Большим пальцем очень нежно провел по моей нижней губе.

Я вздрогнула. Его прикосновение казалось таким правильным, что всё остальное развеялось.

Я задержала дыхание и больше не шевелилась, боясь, что это было только магия, которая влияла на всё, и я не хотела ее разрушать. Он наклонился ко мне, его рука скользнула на мой затылок, он требовательно притянул к себе и поцеловал. Его губы были мягкими, мягче, чем я ожидала, даже теплее, чем его кожа, и на них чувствовался вкус бурбона, карамели, и тайн, сладкий и с привкусом горечи, такой как и весь Люк.

Поначалу это был нежный, медленный, легкий поцелуй, но я один раз укусила его за губу, и тогда вся медленность и нежность исчезли, был только его рот настигший мой, губы, язык и зубы, в то время как одна рука растрепала мои волосы, а другая привлекла меня еще ближе, и я забыла, что существует еще какой-то мир кроме Люка, который был здесь со мной.

Он отвел мои волосы назад, его губы рисовали след по моей шее всё ниже и ниже, я хотела смеяться, но могла лишь задыхаться, потому что меня обжигало словно огнем, это была линия жара, где он прикасался ко мне. А его другая руку заскользила по моему горлу вниз, схватилась за пуговицы моей блузки. Они практически расплавились, а его пальцы замедлились и затем остановились на чем-то висящем...

Кольцо Верити.

Весь жар схлынул, как когда пламя тушат ледяной водой, и мы оба в одно мгновение остановились. Было слышно только наше оглушающее дыхание. Люк отпустил меня, а мне тут же стало его не хватать и из-за этого я почувствовала к себе отвращение.

— Мне жаль, — прошептала я. — Мне так жаль. — Извинялась я перед ним или перед Верити? Он был ее другом. Она менее месяца была мертва, а я бросилась на шею ее парню, вероятно, потому что мое бессилие как лучшей подруги не ограничивалось этим, она оставила меня, так что бугимены смогли убить ее. Нет, я должна еще и украсть парня, который любил ее. Люк стоял неподвижно, как громом пораженный, только руки его сжимались в кулаки и вновь разжимались.

— Не извиняйся. — Его голос был глухим и злым. Он схватился за бутылку бурбона и, не обратив внимания на бокал, сделал глоток с горла. Он так крепко держал горлышко бутылки, что у него побелели костяшки пальцев.

— Я не могу, — ответила я, не глядя на него.

— Это не... — Он запустил пальцы в волосы и посмотрел на этикетку бутылки, словно там был ответ. — В этом нет ничего неправильного, Мышка.

Опять Мышка. Дистанция — это хорошо, говорила я себе. Нам нужна эта дистанция. Когда он называет меня моим настоящим именем, то случаются плохие вещи. Я вообще не скучаю по звучанию моего имени.

— Мне нужно идти. — Я поднялась, только слегка покачнувшись, вцепилась в подлокотник кушетки и сжала пальцы на мягкой черной коже.

Он встал, но не подошел ко мне. Я не знаю, была ли я благодарна ему или разочарована.

— Нет.

— Нет, правда. Это была ошибка. — Моя блузка раскрылась, и я вновь ее застегнула; в спешке я случайно коснулась пальцами кольца.

— Из-за Верити?

Когда мы целовались, его волосы под моими пальцами были такими прохладными и гладкими. Я увидела, что кольцо вновь попало ему на глаза, и потребность вернуть всё как было, оказалась болезненной. Верити делала это? Я могла их представить, как они шушукаются, ее сияющие светлые волосы и его такие темные, что кажется поглощают свет. Они спали вместе? Я мотнула головой, чтобы отогнать так резко возникшую картину.

— Между нами не было ничего такого, — произнес он, тем самым разрушив тишину. — Между Ви и мной.

Теперь он еще и мысли читает? Дурацкая магия. Даже то, что они не спали вместе, не отрицает того, что между ними была какая-то связь. Это можно было прочесть на лице Верити на ее фотографиях; и его голос всегда словно звенит, когда он говорит о ней. Только идиот мог упустить это из виду. Только полный болван мог попытаться сохранить всё так. — Но она всё же что-то значила для тебя.

Медленный осторожный кивок. — Да.

— Тебе ее не хватает. — Это было то же самое, что надавить на синяк, чтобы узнать, как сильно он болит.

— Да. — Ответ: чертовски сильно болит.

— Ты сказал... — Горло сжал спазм. — Ты сказал, ты нуждался в ней.

— Я не единственный, кто так говорил.

Он осторожно сделал шаг в мою сторону, словно боялся, будто я убегу, если он будет двигаться слишком быстро. Стоило признать в Люке одно: он понимал женщин.

— Тебе ведь понравилось. Целовать меня.

Я втянула голову. — Речь не об этом.

— Тебе понравилось, и мне тоже, а это что-то да значит. Этого достаточно.

— Не достаточно, — прошептала я. Слишком много, и одновременно не достаточно, и это разрывало мне сердце, почему всё так нечестно. Я могла почувствовать новую боль, которая оттесняла старую. Люк схватил меня за руку, переплетая наши пальцы.

— Так мы должны бороться с этим? Боже, разве у нас и без того мало проблем? Ты хочешь всё еще больше усложнить?

— Это было ошибкой, — повторила я, трясась. — Пожалуйста, Люк. Разве мы не можем просто всё вернуть обратно, как было раньше?

— Нет. А даже если бы и могли, Мышка, то я бы всё равно не захотел этого. Подумай об этом позже. — Он смотрел какое-то мгновение с сожалением. — Поцелуй всё меняют. Этого не избежать.

Я отдернула руку, он медленно кивнул. — Я перенесу тебя домой. Но не думай, что мы закончили на этом. Я скажу тебе кое-что еще: нет смысла бороться с судьбой.

— То есть ты хочешь сказать, что это судьба?

Он ухмыльнулся в его манере, как он всегда делает, когда знает больше меня.

— То есть ты хочешь сказать, что это не так?

Когда Люк перенес меня обратно в школу, он сказал лишь «À bientôt» (фр. До скорого). И прежде чем я смогла ответить, он легонько поцеловал меня в щеку, развернулся и исчез.

Тяжело ступая и борясь со слезами, я вернулась наверх. Я должна была верить Люку во многом — это и магический поток, и бугимены, и его способность так безопасно переносить меня между мирами, — но теперь всё это вдруг стало неважно. Во что я сильнее всего должна была поверить, так это то, что он и Верити не были влюблены. Я не могла предать ее тем, что влюбилась в него, но так же я не могла поверить в его чувства ко мне. Я бы никогда не решила занять место Верити в пророчестве, но я и не была чертовски заинтересована в том, чтобы занять ее место подле Люка.

Меня не было самое большее полтора часа, но, казалось, что прошла вся ночь. Тем не менее, мне предстояло объяснить миссис Кей мое отсутствие. Конечно Лена была на карауле, так как она выскочила из кабинета сразу же, как только заметила меня.

— Где ты торчала? Я выходила тебя искать, и... — она оборвала себя на полуслове. — С тобой всё в порядке?

Я посмотрела вниз и подчеркнуто бросила взгляд на наручные часы. — Я забыла о времени, — ответила ей и тут же придумала сумбурную историю. — Я вышла на улицу, подышать свежим воздухом, и случайно встретила того парня с вечеринки. Он просто знакомый, не мой друг. Он знал Верити.

Она недоверчиво посмотрела на меня. — Этим летом? Она гуляла с кем-то, прежде чем уехала?

— Нет. Она познакомилась с ним там. Только не рассказывай об этом никому. Я не думаю, что многие знают о нем.

— Зато ты знаешь.

— Он нашел здесь работу, после ее смерти. — Я недостаточно доверяла самой себе, чтобы сказать что-то еще. — Что ты сказала миссис Кей?

— Единственное, во что она бы поверила. Что тебе очень тяжело составить некролог. Впрочем я положила твою сумку в мой шкафчик.

— Спасибо. Буду должна.

— Это точно.

Мы забрали мою сумку, и я отправила Колину смс, что я уже закончила. Лена подождала со мной возле дверей. Правило Колина: Оставаться внутри даже в такой замечательный осенний вечер, пока он не подаст сигнал. Теперь, когда я знала, какие вещи таит в себе ночь, для меня это правило уже не значило так много.

Лена постукивала ногой по кафельному полу и внимательно смотрела на меня.

— Вы всегда были как одно целое, ты и Верити. Будто вам было достаточно только вас двоих, знаешь?

— У нее была куча подруг, — удивленно ответила я. — Ее все любили.

— Все любят и тебя тоже. Но Верити... она могла сблизиться с людьми или, по крайней мере, позволяла им верить, что они близки ей. С тобой всё иначе.

Я играла с замком на моей сумке, открывала его и вновь закрывала. Возможно, я и не принимала людей с распростертыми объятьями, как это делала Верити, но всё же так было разумнее. Я не хотела узнать что-то о своем отце или услышать плохо завуалированные

вопросы о делах дяди Билли. Еще когда я была маленькая, мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что другие родители не хотят, чтобы их дети играли со мной. Но они были тут же готовы положиться на помощь моего дяди, если им нужна была работа, или они хотели разыскать неверного супруга или оплатить долги, но позволять дочери преступника играть с их детьми это совсем другое дело.

— Я имею в виду только... Это было бы не так уж и плохо, понимаешь? Протянуть руку. Или позволить другим протянуть руку тебе.

Перед двойными воротами Колин дважды коротко посигналил. — Спасибо еще раз, что прикрыла меня.

— В любое время, — ответила Лена немного грустно.

— Эй, может мы подбросим тебя до дома? — я ни при каких обстоятельствах не хотела, чтобы еще одна подруга возвращалась домой по темноте.

Она улыбнулась. — Нет, всё в порядке. Миссис Кей ждет, что я лично нажму на «отправить». А после мы вместе пойдем.

— Окей. Увидимся завтра. — Температура на улице была по меньшей мере на 10 градусов ниже, чем в Новом Орлеане, и пока я села в машину и пристегнулась, то уже сильно замерзла.

— Водитель, домой.

Он включил печку и старался не улыбаться. — Не называй меня «водитель». Ты закончила с газетой?

— Да. То, что я так легко в мгновение солгала, должно было насторожить. — Я ужасно хочу домой и завалиться в кровать.

Колин пробормотал. — Сон подождет. Дядя хочет тебя видеть.

— Но уже начало двенадцатого!

— Это не должно долго продлиться.

Меня охватил ужас. — Я чем-то его разозлила? Ты что-то рассказал ему о...

— О вечеринке? Нет. Расслабься.

Легко сказать! Я прислонила голову к холодному стеклу окна и попыталась найти удобное положение. Адреналин, что выбросило в кровь в баре, испарился, и голова стала тяжелой и пустой. Не лучшее состояние, чтобы встречаться с дядей Билли. — Боже, как я устала.

Видимо, что-то в моем голосе вызвало у Колина беспокойство, так как он протянул руку и нежно погладил меня по голове. — Потерпи еще немножко, малышка.

Я закрыла глаза и вспомнила нашу первую встречу. — Не называй меня «малышка», — сказала я устало. — А что бы ты делал, если бы не был здесь?

— У меня есть парочка подработок.

— В качестве телохранителя?

— Работа по дереву.

— Ты столяр, — сказала я, вдыхая запах сосновых опилок и вспоминая мозоли на его руках.

— Да. На данный момент ничего особо крупного. Придиванный столик, зеркало.

Я коснулась щеки там, где Люк излечил мои порезы. — Звучит неплохо.

Грузовик замедлился и затем со скрипом припарковался. — Готова?

В следующее мгновение он придержал мне дверь. Неожиданная вежливость вырвала меня из моего оцепенения и перевела в полную боевую готовность. Если Колин был

приветлив, значит предстояло что-то совсем плохое.

Мы вошли в бар, и я почувствовала как сердце забилося с невероятной силой, словно я вновь вернулась в Дофине. Но здесь на наше появление никто не обратил внимания. Завсегдатаи не были настроены поддерживать с кем-то беседу, и все здесь были нам знакомы.

В обоих концах бара на плазменных телевизорах показывали основные моменты игры Сокс. Чарли поморщился, когда вновь показали момент, как Твинс опять набрали очки. — В октябре у нас вряд ли будет много отбитых мячей, — сказал он.

Смех Колина был немного напряженным. — Можно мы пойдём дальше?

— Давайте. Он уже ждет.

— Мо, — крикнул мой дядя, когда я, проследовав за Колином, подошла к его столику. — Я так рад тебя видеть, дорогая! Колин сказал, что ты была очень занята. Бедняжка, ты выглядишь так, будто только что упала.

— Это был долгий день, — возразила я и присела.

— К делу. Твоя мама и я разговаривали о твоих планах на счет колледжа.

Не удивительно. Моя мама не хочет, чтобы я уехала в Нью-Йорк. А кто же лучше дяди Билли может составить ей компанию и помочь удержать меня дома, когда он всегда обещал выручить нас с платой за обучение?

— Мои планы всё те же, что и раньше. — Я положила руки перед собой на стол и посмотрела ему в глаза. Если он вызвал меня сюда только чтобы навязать мне планы моей матери относительно колледжа, тогда я разрушу эту попытку как и бутылку, которую я разбила о голову того типа в очках.

— Об этом мы можем поговорить и позже, — приветливо произнес он. — Честно говоря, Мо, я позвал тебя сюда по другой причине. Полиция преследует по пятам нескольких подозреваемых в деле Верити.

— Подозреваемые? — это должно быть какая-то ошибка.

— Да. И весьма возможно, что тебя попросят прийти в полицейский участок, чтобы опознать их. Я хочу, чтобы ты была к этому готова. Ты помнишь описание, которое ты давала полицейским?

— Я не думаю, что могу быть им чем-то полезной. — Это я еще преуменьшила, ни в какой папке с фотографиями разыскиваемых преступников ни за что не появилось бы фото бугимена.

Дядя Билли положил какой-то листок на стол. Даже едва взглянув, можно было легко узнать резкий, наклонный почерк Эльзы. — Ты описала их как крупных мужчин, в черных толстовках или куртках, которые скрывали их лица.

— Я не смогла их разглядеть.

— И ты не поняла, что они говорили? — я покачала головой.

— Может это был русский язык? Держу пари, ты его не так уж часто слышала.

— Я не думаю, что это был русский. — Только если бы бугимены были из Москвы, но мне это кажется маловероятным.

— Но они могли говорить на русском, — настаивал он. — Это имело бы смысл. Если в полиции перед тобой поставят некоторых крупных русских парней и попросят, опознать их, это не будет так уж притянута за уши, если ты скажешь да.

— Не смотря на то, что я их не видела, — снова ответила я, опираясь на причины, которые я не могла назвать. Мои инстинкты, на которые я раньше не обращала особого

внимания, предостерегали меня. Я чувствовала это от кончиков пальцев до корней волос. Сколько правды было в историях про мою семью? Теперь я во всем сомневалась, и было невозможно отделить друг от друга правду и иллюзию, точно так же как и в случае моей дружбы с Верити. Всё было так запутано и утомительно, больше не было ничего настоящего, за что я могла бы ухватиться, только мои инстинкты. Я прикоснулась к цепочке на моей шее, пока дядя Билли постукивал пальцами по поцарапанной столешнице.

— Мужчины, которых тебя попросят опознать, очень опасные люди. Они точно те типы, которым могли доверить убийство Верити.

— Это были не они!

Он на мгновение внимательно посмотрел на меня и затем помахал рукой перед моим лицом. — Ты не можешь быть в этом так уверена, если ты не видела их.

— Ты хочешь, чтобы я опознала этих людей, даже если я их не узнаю? Обвинить их в убийстве?

Он пристально посмотрел на меня; лицо становилось мрачнее тучи, но в его голосе всё еще слышался льстивый отзвук. — Я хочу, чтобы ты поняла, что лучшее, что ты можешь сделать, это помочь изолировать этих людей от общества.

— И как я должна это сделать?

— У одного шрам на правом предплечье. У другого на груди вытатуирован цветок. Это было легко упустить из виду в тот раз, но теперь же у тебя есть возможность основательно поразмыслить...

Я бросила взгляд в сторону Колина, который внезапно заинтересовался своей обувью. Он выглядел напряженным, стиснув сильную, угловатую челюсть; щетина поблескивала в приглушенном свете бара.

— Мне пора. — Я выскользнула из ниши.

— Но ты же только пришла! — В его голосе не было никакого возмущения, только испуг, но это не продлится долго.

— Мне завтра в школу. Ты же знаешь, как мама всегда реагирует на это. — Я шла к выходу, даже не оглядываясь, чтобы узнать, идет ли за мной Колин.

— Поговори с ней, пусть возьмется за ум, — услышала я ворчание моего дяди.

Колин остановил меня возле грузовика.

— Он хочет, чтобы я солгала. Так ведь? Я хлопнула дверью так, что окна задрожали.

— Было сложно не услышать это.

— Эти парни? Русские? Они не убивали Верити.

Он завел двигатель и оставил его на какое-то время тарахтеть в холостую.

— Вероятно нет. Но это не означает, что они не убили кого-то другого.

— И поэтому это нормально?

— Я этого не говорил. — Он пристроился в общее движение.

— Если я опознаю этих типов, то полиция прекратит искать настоящего убийцу. — Что, вообще-то, не так уж и плохо. Они всё равно никогда не смогли бы поймать бугименов или людей, которые стоят за ними. Но это не гарантировало бы, что Ковальски больше не будет заниматься моим делом. Зато станет лишь еще одной ложью больше. Будто и без этого не достаточно вранья.

— Твой дядя не остановится. Его выводы, вероятно, больше будут тебе по вкусу. — Голос Колина был лишен эмоций, но я знала, что он имеет в виду. Проблема состояла в том, чтобы дядя Билли также не был годеи, как и полиция, для того, чтобы управиться с

бугименами. Всё равно, какой способ самосуда он собирается использовать, магия при этом не будет играть никакой роли.

Я вдруг подумала. — А что будет с тобой? Если я действительно опознаю этих типов?

— Ты пытаешься избавиться от меня? — Его бровь поползла вверх. — Я буду с тобой, пока Билли не уверится, что ты в безопасности.

— Он сказал, что в квартале станет безопаснее, если эти парни будут арестованы.

— Я думаю, твоя дядя имеет разные стандарты безопасности относительно тебя и квартала. Мне жаль. — Но это не звучало так, будто ему так уж жаль.

— Таким образом, завтра я должна переговорить с Ковальски?

— У тебя будет немного времени.

— А что бы ты сделал?

— Если бы я был тобой? Выяснил бы, о чем говорят девушки, когда все вместе идут в душевую.

Я толкнула его, но была несколько благодарна за эту слабую попытку пошутить.

— Я серьезно!

Он задумался. — Зависит от того, чего ты хочешь, Мо.

— Справедливости, — тут же ответила я.

Он дернул плечом. — После.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не можешь всю оставшуюся жизнь скорбеть о подруге. Независимо от того, как всё пройдет, когда-нибудь ты дойдешь до момента, когда необходимо будет начать жить ради себя, а не ради нее. Билли не шутит, когда говорит, что было бы лучше избавиться от этих типов, по многим причинам. Но ты не должна быть непременно той, кто позаботится об этом. Это один путь... — Он прервался. — Знаешь, есть дорога, с которой не так много съездов? Когда ты решишься на это, то позже может быть сложнее повернуть назад. Это может быть весьма умно, на некоторое время поддержать открытыми все варианты.

— Ты не веришь в судьбу? — Я вцепилась в ручку двери и ждала его ответа.

Он ожесточенно скривил рот. — Люди сами творят свою судьбу.

Я ничего не ответила и спустя мгновение он продолжил: — Когда кто-то однажды решится направить вещи в правильное русло, а эти вещи могут быть очень глубоко спрятаны, прежде чем они выйдут на поверхность, тогда всё обязательно случится. Это не значит, что не нужно принимать никакого решения, но нужно учитывать последствия.

Я спрашивала себя, случилось ли так, что Колина начал работать на Билли, и теперь пожалел об этом. Вопрос так и повис между нами, такой большой и соблазнительный, и я почти задала его. А затем мне пришло в голову, что Колин с самого начала был подчиненным моего дяди. Он разъяснил, что он работает на дядю Билли, не на меня, и что то, чего я хочу, должно уступать желаниям моего дяди.

Этим вечером он впервые вдохновил меня на то, чтобы задуматься, чего я желаю, вместо того, чтобы отдавать мне приказы. Мне показалось это жалким извиняться за то, что я в прошлом замучила его разговорами о том, о чем он вообще не желал говорить. Вместо этого, я прислонилась к нему и в этой маленькой темной кабине его грузовика я почувствовала себя в безопасности, которой не ощущала нигде ранее. Мои веки стали тяжелыми, и дальше мы ехали молча, пока он не затормозил перед моим домом.

— Отдохни немного, — сказал он, когда я вышла. — Об опознании будешь думать завтра.

Я задумалась над тем, чтобы рассказать ему, что мои мысли будут заняты больше, чем просто указаниями моего дяди, но затем передумала. Всё, что Колин мог понять, также имело свои границы, и было неважно, как сильно он удивил меня за один единственный вечер.

Как выяснилось, мне не нужно было думать об опознании, по крайней мере не сейчас. Ковальски не предпринимал никаких встреч со мной и дядя Билли тоже. Когда я спросила Колина о неожиданном затишье, он пожал плечами и ответил, что немного времени пойдет лишь на пользу, если нужно принять решение.

Люк, вероятно, действовал по тому же принципу. Я постоянно рассчитывала, что он выскочит из школьного шкафчика или утащит меня в какой-нибудь класс, чтобы переместиться между мирами, но я не видела его целую неделю. Он не совсем исчез — когда я однажды перед уроком химии открыла шкафчик, на меня вывалилась целая лавина цветков жасмина. Вычесав пальцами все цветки из волос, я попыталась не улыбаться как идиотка, а Лена понимающе покачала головой.

Парни всегда увивались за Верити, не за мной, и мне это казалось нормальным. Они постоянно брали с собой какого-то друга, пару раз мы все вместе гуляли и больше не виделись. Довольно мило, но ничего такого, о чем стоило вспоминать. Ничего, что действительно могло бы выбить меня из колеи. По крайней мере никто из них не стоил того, чтобы терпеть бесконечные проповеди моей матери про то «Что мальчики хотят, а порядочные девочки не делают».

А вот Люк напротив совершенно выбил меня из равновесия, и причиной тому была не только его магия. Каждый раз, выуживала очередной белый цветок из-за воротника или из моего блокнота, я ощущала какой-то новый порыв чувств и эмоций. Во мне перепуталось всё, и нервозность, и нечистая совесть, и желание.

Даже когда Люк рассказал мне правду о себе и Верити, по факту это ничего не изменило в том, что я должна была концентрироваться на поимке убийц, а не на поиске нового друга. Влюбиться в Люка было равным забыть о Верити, а это было единственным, чего я не могла и не хотела делать.

Но забыть его вкус, ощущение его волос под моими пальцами, тепло его кожи, казалось невозможным.

Я должна была доказать, что всё еще полна решимости, показать Верити, что она для меня стоит на первом месте. Поэтому на перемене между уроками химии и математики я набрала номер с визитки Евангелины.

— Мо, — произнесла она. — Я надеялась услышать тебя.

— Вы сказали, что мы, если я... решусь заменить Верити... должны будем совершить определенные действия.

— Да. Есть один ритуал, который ты должна пройти.

— Какое-то заклинание? Как недавно?

— Не совсем. Охранительные чары были пассивными — чары, которые воздействуют на тебя. В этот раз ты сама примешь участие.

— А я смогу? Без магии?

— Если бы я это не учла, я бы не предложила.

— О, — самой принять участие, это звучит неплохо. Я устала от того, чтобы держаться в стороне и предоставлять руководство всем остальным, в то время как мне приходится ждать в углу или за барной стойкой, что и без того проходило не особо круто. Но было еще очень много того, что я не понимала. Магия представлялась мне каким-то новым,

экзотичным видом физики, в котором законы Ньютона и Эйнштейна не имели никакой силы. Я знала, что имеются правила, но я не могла понять их даже частично. Вместо этого я неловко оступаюсь и нарушаю их. По моему опыту, ничего хорошего не выйдет из того, кто нарушает правила.

— Я свяжусь с Люсьеном, — сказала Евангелина сквозь тихий шум на линии. — Только, если ты захочешь этого.

— Нет! — я ответила слишком быстро. — Пусть будете только Вы.

— Ты могла бы отпустить твоего телохранителя на один вечер? Нам не нужны зрители.

Я укусила себя за нижнюю губу. — Я попытаюсь. Иногда он бывает ужасно упрямым.

— Я могу предпринять некоторые шаги, если это будет необходимо.

Холод в ее голосе обеспокоил меня. — Я позабочусь о нем.

— Замечательно. Мне нужен день на подготовку. Тебе подойдет завтра в восемь вечера?

— Да.

— Верити была бы довольна, — произнесла Евангелина. — Я в этом полностью уверена.

Приятно слышать, что хоть кто-то уверен в этом.

— Ни при каких обстоятельствах. — Колин скрестил руки на груди и качнулся на кухонном стуле назад. — Ты знаешь правила.

— Это совсем другое! Ради Бога, это же двоюродная бабушка Верити. В какие неприятности я могу попасть с хозяйкой антикварной лавки из Нового Орлеана?

В уголках его губ играла улыбка. — Ты? Я считаю, в довольно разные. Ты можешь найти проблемы даже по пути к почтовому ящику.

— Почтовый ящик находится прямо в доме, — ответила я.

— И тебе это всё равно удастся.

Я легко ударила его в руки. — Seriously, Колин, я думаю, она в последний раз чувствовала себя задетой. Такое чувство, что ты ей не доверяешь.

— Я никому не доверяю, — пояснил он. — И даже хозяйке антикварной лавки.

— И даже мне?

— По части доверия ты не предоставила ни одной особо грандиозной истории успеха.

— Пожалуйста, Колин.

— Ты, — сказал он и с грохотом опустил стул на пол, — должна была быть легким заданием. Ты знаешь это? Твой дядя просил меня держать тебя в поле зрения, и я подумал: «Она прошла через сложные времена, она выглядит примерной, тихой девочкой, и я должен Билли, так что... согласен.» Но как только я повернулся к тебе спиной, ты тут же попыталась меня обмануть. Я очень долго догадывался, что у тебя неправильное представление о самой себе.

Я опустилась на стул напротив него и положила ладони на колени. Мысль, что я оказалась чем-то большим, чем он ожидал, оказалась странно удовлетворительной, но он беспокоился также о том, что я начну задаваться вопросом, что он должен моему дяде. Должно быть многим. — Я и правда тихая. По крайней мере была раньше, но после смерти Верити всё изменилось. Я изменилась. И я хотела бы, чтобы всё стало как раньше, но есть вещи, с которыми я должна была разобраться еще раньше.

— Твоя жизнь раньше была так хороша? — он приподнял одну бровь.

— Она была обычной. Не идеальной, со всякими историями про дядю Билли. И моя мама... ну, ты знаешь ведь, какая она. — Я глянула в сторону. — У отца скоро слушание по

условно-досрочному освобождению.

Он кивнул.

— Я не хочу быть здесь, когда он вернется домой.

— Поэтому Нью-Йорк, м?

— Нью-Йорк. Так проще.

— Могу понять, почему ты хочешь вернуться к прежней жизни, — сказал он сухо.

— Верити была в прежней жизни. Она. жизнь, была нормальной, хоть сколько-нибудь.

Было бы неплохо, если бы всё вновь стало нормальным.

— И поездка непонятно куда с этой женщиной чем-то поможет? — Он попытался скрыть не только лишь свой скепсис.

— Да, возможно. — Ответ должен был быть просто «да». И нам должно удаться это, так как я не могу продолжать дальше, потому что уже пообещала Верити.

— Только при одном условии.

Я старалась не отводить глаз от его уверенного, темного взгляда. — Каком?

— Ты можешь пойти, только на этот раз. Но завтра ты и я проведем беседу.

— Беседу?

— О тех «вещах», с которыми тебе нужно разобраться. Я просто не могу отделаться от ощущения, что ты что-то затеяла, что тебе не следует делать, Мо. Возможно, у тебя на это есть особые причины, но я всё же должен располагать всей информацией. Я понемногу привыкаю к тебе. Будет паршиво, если с тобой что-то случится, только потому, что ты мне не доверяешь.

— Ты правда отпустишь меня сегодня вечером? И не будешь следить на расстоянии пяти машин? Не то, чтобы ты поймаешь меня за чем-то, что я не должна делать, — добавила я поспешно. — Это дело принципа.

— Только в этот раз. Сегодня вечером. Напиши мне смс, когда прибудешь на место и когда вернешься домой.

— Ты опять хочешь взять всё под контроль.

— Если тебя это не устраивает, оставайся дома.

— Договорились!

Я ждала Евангелину на ступеньках перед входной дверью. Колин сидел рядом мной, вытянув длинные ноги, просто сама непринужденность. Он был явно недоволен, но ничего не говорил. Вокруг нас по другую сторону садовых изгородей сплетничали соседи, в то время как дети играли в салки и катались на роликах по неровным тротуарам. Запах древесного угля и поджаренного на гриле мяса наполнял воздух. Я рассказала маме, что Евангелина хочет, чтобы я помогла ей пересмотреть некоторые фотографии Верити для ее родителей, и моя мама согласилась, особенно после того, как Колин дал добро на поездку.

Я сменила школьную форму на джинсы и футболку; поверх надела балахон, так как прогноз погоды обещал похолодание. В этом году не было никакого бабьего лета, только постоянное уменьшение света и тепла. Уже опускались сумерки, тени удлинялись, а ступени вобрали в себя не так много тепла уходящего дня.

Колин встал, когда Евангелина припарковалась.

— Мобильник при тебе? Заряжен полностью?

— Ты сказал, что не будешь следить за мной, — напомнила я ему и бросила раздраженный взгляд в сторону серебристого BMW.

— Я хочу, чтобы ты была готова ко всему, — ответил он.

— Ты можешь попробовать мыслить позитивно? Пожалуйста.

— Я нашел бы весьма позитивным, если бы у тебя был твой мобильный.

Я показала ему дисплей. — Доволен?

— Не совсем. Дай знать, когда будешь на месте.

— И когда я вернусь домой. Со мной ничего не случится. Евангелина не допустит, чтобы со мной что-то произошло. — По крайней мере в этом я была убеждена. Я легонько коснулась его рукава. — Спасибо.

Он положил свою ладонь поверх моей. Тяжесть его пальцев — теплых и сильных — утешала. — Береги себя.

Я нехотя отпустила его и пошла по тротуару. Всю дорогу я чувствовала его взгляд на себе. Когда мы отъехали, я оглянулась. Колин стоял на ступеньках, засунув руки в карманы, и что-то в моей груди защемило от увиденного.

— Мои поздравления, — сказала Евангелина. — Я не была уверена, удастся ли тебе уговорить его.

— Он доверяет мне. — От этих слов мне стало как-то не по себе. — Я врала ему с того момента как мы познакомились, но он всё равно доверяет мне.

— Иногда людям приходится делать весьма отвратительные вещи, так как того требует общественное благо, — ответила она. — И это урок, который ты должна выучить сейчас, пока последствия только лишь неприятны.

Ясно.

— Что произойдет сегодня ночью?

— Обряд соединения. Это ритуал, через который проходят многие Арканы, и он упоминается даже в пророчестве. Если нам удастся, то этот обряд подтвердит твою способность занять место Верити.

— А если нет?

— Тогда Серафимы — кто бы они ни были — победят.

— Что он из себя представляет? Этот ритуал?

— Соединение позволяет сторонам использовать магию друг друга, разделить между собой силу магических линий. Если, например, Аркан, использующий магию воды, окажется в объединении с тем, кто использует магию Земли, то благодаря этому обряду Аркан сможет использовать также силу Линии Земли. Это требует огромных усилий от обеих сторон, но может оказаться весьма полезным.

— Таким образом обряд соединения позволяет увеличить силы каждого участника.

— Да. Он также обеспечивает некоторой охраной — человек оказывается под защитой того дома, с которым он находится в связи. Если бы ты и Люк были связаны между собой во время вашего путешествия в Дофине, тогда нападавший не смог бы применить к тебе никакой магии. После этого обряда ты будешь в большей безопасности.

Связанной с Люком? Мое сердце начало бешено колотиться. Люк мог защитить меня от бугименов и сумасшедших Арканов, это несомненно, но мысль, что я была бы связана с ним — посредством магии или еще чего — не говорила о большей безопасности. Вовсе нет.

Мы ехали к озеру Мичиган и пробирались наугад через скалы к берегу. Мы наблюдали, как пылающая дуга солнца погрузилась за водный горизонт, а затем Евангелина повернулась ко мне и протянула мне руку. — Пойдем?

Она перенесла меня между мирами, и когда я открыла глаза, то мы уже были в каменном помещении с высокими потолками. В одном конце комнаты горел огонь.

— Тебе нужно немного времени, чтобы прийти в себя?

Помещение не кружилось, и я не чувствовала во рту никакой неприятной горечи, как если бы меня тошнило. Я помотала головой. — В этот раз все прошло легче.

— У меня гораздо больше опыта, чем у Люка, — ответила она. — Он скоро присоединится к нам.

Я молча играла со шнурками на моем капюшоне. И как я должна себя при нем вести? Что бы сделала Верити? Рядом с любым другим мужчиной она бы смогла быть достаточно холодной, чтобы сохранять дистанцию, но Люк не был каким-то другим мужчиной — это был Люк, и между ними что-то было. В миллиардный раз я спрашивала себя, была ли она влюблена в него, любил ли он ее, или он поцеловал меня только потому, что таким образом мог стать еще ближе к Верити. Я надеялась, что подобные мысли больше не причинят мне боли.

Я ошибалась.

Я подошла к камину. Небольшие языки пламени лизали аккуратно сложенные поленья и наполняли комнату мягким сиянием и успокаивающим потрескиванием.

— Каждую ночь из огня берется один горящий уголек. Жрец или жрица сохраняют его до рассвета постоянно раздувая и используют его, чтобы следующим утром вновь разжечь огонь. Огонь и воздух, как видишь. — произнесла Евангелина.

Она указала на пол под нами. Полированные камни, каждый не больше яйца, образовывали неравномерный похожий на водоворот рисунок.

— Речной булыжник. Земля, которая была сформирована водой. Всё здесь представляет собой объединение между разными видами магии.

— Сколько лет этому месту? — Всё здесь было в патине, указывающей на старину; шероховатые края были сглажены годами износа.

— Так же много сколько и воспоминаниям. Здесь собираются такие как я, чтобы связать себя узами друг с другом — печатью единения.

В середине овального помещения стояло четыре каменные колонны, словно четыре направления света на компасе. Каждая была украшена рядом своеобразных рисунков. Вблизи я заметила, что это были не рисунки, а крайне тщательная резьба по камню, я подняла руку, чтобы коснуться изразцов.

— Не прикасайся, — резко проговорила Евангелина. — Мало кто из подобных мне способен противостоять им; ты же умрешь мгновенно, еще до того, как осознаешь, что произошло.

Я поспешно отступила на шаг. — Что это?

— Прямые порталы к источникам чистой магии.

— Кто же высек их? Я имею ввиду, если их нельзя касаться...

— Первые матриархи и патриархи. Те, кто правят нашими домами с начала времен. С тех пор многое изменилось, и наши силы уже не те, какими они были когда-то.

— Но разве Верити не была уже всемогуща? Зачем ей было нужно объединять свои силы с кем-то?

— Чтобы восстановить магию, Верити был нужен доступ ко всем четырём стихиям. А Люсьен один из Де Фудре, наследник своего дома. Их объединение гарантировало бы, что магия всех четырех домов уравновесилась бы.

— То есть это в некотором роде брак по договоренности? Потому что я не... вместе с Люком... — я вся покраснела. — Может быть это не такая уж и хорошая идея.

— Это не брак, а обязательства образующие по сути неразрывную связь. Никогда не стоит подходить к подобному необдуманно.

Во мне начала расти паника, которая связала мое горло. — Я не хочу навечно быть связанной с Люком.

Она торжественно коснулась моего плеча. — Мо, когда речь заходит о подобных делах, то нельзя останавливаться на полпути. Связь Сосуда стихий с наследником — это часть пророчества.

— А что, если это не сработает?

— Если сегодня ночью мы не справимся, тогда магический поток неотвратимо разольется. Наш мир навечно будет уничтожен, а твой подвергнется большой опасности.

Я была здесь из-за Верити, но упоминание, что на кону стоит гораздо больше, грызло меня изнутри. — Он опасен? Обряд соединения?

— Не сам обряд. Быть связанной по всем параметрам делает тебя уязвимой, так как отдается одна часть тебя — твоя сила. Но так же тебе передастся другая сила.

— И это должен быть Люк?

— Люсьен — последний из Де Фудре.

— Что, и никаких симпатичных братишек?

Уголки ее губ опустились. — Был один. Он умер, когда Люсьен был еще совсем маленьким. Роль Люсьена в пророчестве была предрешена, еще до того как у него проявились магические способности.

Я закрыла глаза от сожаления и внезапно овладевшего мной понимания. Люк верил в пророчество, так как он был воспитан, сыграть в нем свою роль, потому что оно придавало смысл смерти его брата. Как и я, он был тем, кто просто остался, но у него никогда не было другого выбора. — Я не знала этого.

— Нет. Он и не рассказал бы тебе об этом.

Конечно нет. Я была не избранницей, а всего лишь дублершей. Я была не той девушкой,

которую он хотел, а только той, которую он мог получить. И когда мы здесь покончим с этим, мы будем связаны друг с другом до конца наших жизней.

— Я не совсем уверена...

Она ответила мне легким сожалеющим пожиманием плеч. — Другого пути нет, Мо. Смотри на это как на условия для устройства на работу.

У меня челюсть отвисла, и раздражение вытеснило нервозность.

— Условия для устройства на работу? Я делаю вам одолжение, Евангелина. Если я могу вам помочь, круто, но я здесь не поэтому.

Она вздернула подбородок, и глаза ее сузились. — Ты здесь для того, чтобы выполнить свое предназначение. Если ты сделаешь всё правильно, ты добьешься справедливости, о которой ты постоянно кричишь. Если нет, то ты больше не понадобишься.

Было ясно, что она имела ввиду: если я не справлюсь здесь, она не поможет мне выяснить, кто убил Верити. Я вдруг подумала, а ведь Евангелина и дядя Билли вероятно неплохо ладили бы друг с другом — они оба знают, как можно ловко манипулировать кем-либо, что даже если раскроется, что его оттеснили в правильном направлении, уже не будет никакого выхода. Евангелина делает это с присущей ей хладнокровной элегантностью, а Билли со своим добродушным шармом, но они оба будут плести свою паутину позади этого фасада.

Мне потребовалось слишком много времени, чтобы заметить это, но теперь мне было совершенно ясно, я не стану играть их муху.

Я запустила кулаки в карманы моего балахона. — А Люк согласен с изменениями?

— Люсьен осознает, какая ответственность ложится на его плечи.

Ответственность. И я была для Люка всего лишь обязательством, не более того. У меня начало щипать глаза.

Все те годы, что мы были подругами, я никогда не хотела быть Верити. Я мечтала о такой семье как у нее. Я поражалась, как она находит друзей и с легкостью лавирует в обманчивых водах старшей школы, будто всё вокруг это одно огромное, веселое приключение. Но я никогда не пыталась быть ею. До сегодня.

Боже, это паршиво.

Это было паршиво, потому что мне нравилось оставаться на заднем плане, вместо того, чтобы быть в центре внимания. Было паршиво, потому что я не могла использовать магию и не могла хорошо оценить людей или быть храброй — она могла всё это. Но прежде всего гадко было потому, что я хотела получить Люка на своих собственных условиях, а если я пройду этот обряд, тогда это будут условия Верити. То есть я вообще никогда не смогу получить его.

Я могла сдержать слово данное моей лучшей подруге, или я могла попросить Люка проигнорировать пророчество и остаться со мной, но я не могла сделать и то и другое. И ведь нельзя отдавать предпочтение парню вместо подруги, или нет?

— Долго это будет длиться? — спросила я, стараясь игнорировать пустое чувство в моей груди.

Евангелина улыбнулась, и глаза ее сверкнули как у кошки. — Не так долго, как ты думаешь. — Она указала на проём вырезанный в стене. — Там есть небольшой бассейн; искупайся, надень одежду, которая подготовлена для тебя. Я позову Люсьена. Когда будешь готова, мы начнем.

Я медленно побрела через проход, касаясь пальцами шероховатых каменных стен.

Проход резко расширился до комнаты, в середине которой находился круглый бассейн. Каменные ступеньки опускались под воду, а свет десятка небольших факелов заставлял поверхность воды мерцать и переливаться.

Пройдя вдоль края бассейна, я подошла к деревянной скамейке и, разуваясь, неловко осмотрелась. Сюда кто угодно мог войти и увидеть меня. Прежде чем совсем разнервничаться, я быстро скинула одежду и скользнула в воду.

Тут было тепло как в джакузи, вода доходила мне до самых плеч. Я дала себе пару минут просто расслабиться и позволила жару проникнуть до самых костей, в надежде, что это успокоит мои натянутые нервы. Волосы слегка намокли и потяжелели, и я решила нырнуть под воду. Было так упоительно, просто окунуться в теплоту и слышать только свое сердцебиение, в то время как всё мое тело было словно невесомым. Но мне пришлось вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха.

Я справлюсь. Мы остановим этот разлив магического потока и тогда я смогу пойти своим собственным путем. То, что нас свяжет с Люком, должно будет после этого освободить нас. Мир Верити не был моим. Единственное, что я поняла за последние несколько недель, так это то, что нет никаких причин оставаться в этом мире дольше, чем нужно. Моя собственная жизнь может быть и представляет собой целую катастрофу, но я понимаю правила, или по крайней мере, большую их часть. Но я никогда не смогу понять принцип действия магического мира — и также людей в нем. И почему вообще я должна утруждаться, чтобы пытаться сделать это?

Я буду смотреть на это как на простую работу, так же, как делает Колин. Как на что-то такое, куда лучше не впутываться. Перед моим мысленным взором промелькнула картина — моя ладонь на его рукаве, его пальцы, которые обхватывают мои. Я совсем не имею понятия, что расскажу ему завтра, но это точно не будет правда, и от этого у меня тяжело на душе.

Я в последний раз окунулась с головой под воду и затем вышла из бассейна. На скамейке лежало сложенное полотенце, в которое я и замоталась. В комнате было прохладно после теплой воды бассейна, и от этого у меня по коже покрылась мурашками, так что я сильнее укуталась в пушистую хлопковую ткань и как можно лучше вытерла волосы. Одежда, о которой упомянула Евангелина, висела на железном крючке на стене.

Это было платье из темно-синего шелка, на котором была сделана вышивка сверкающей серебром нитью. Я надела его через голову, и ткань мягко заскользила по коже, обхватывая мои голые руки, а подол коснулся лодыжек. Я чувствовала, как трясутся мои руки, когда пальцами старалась расчесать волосы.

Мне ничего больше не осталось, как вернуться. Пока я неуверенно брела через коридор, у меня возникло несколько вопросов, злилась ли Верити из-за этого пророчества. Было ли у нее чувство, что у нее крадут ее свободу? Или она настолько верила во всё это, что злости не было и места, как это, казалось, было и у Люка?

Обратный путь в главное помещение показался мне короче, и не важно, как медленно я ни шла. Пришел Люк, и он разговаривал с Евангелиной, так тихо, что я ничего не могла расслышать. На нем были широкие брюки из того же материала, что и мое платье, но не было рубашки. Я поджала губы.

— Я уж подумал, что ты попыталась найти черный ход, — сказал он, когда заметил меня. Его голос был веселым, но выражение лица оставалось мрачным, когда он вскользь глянул мне в лицо.

— Я задумалась, — ответила я.

— Ты готова? — он протянул одну руку и поманил ближе.

Я не могла ответить. Было такое чувство, будто мой рот набит ватой, кожа горела, а я в упор разглядывала его, форму его рта, такую мягкую по сравнению с остальными чертами лица, и то как пламя огня отсвечивало золотыми искрами в его волосах. Мои пальцы судорожно сжимали ткань платья, сминали нежный шелк, напоминая о его коже, когда мы целовались. Я вновь хотела ощутить это чувство, снова окунуться с головой в это по истине грандиозное легкомыслие. Пройти этот обряд означало отказаться от всего этого. Я должна была смириться с тем, что я всего лишь на втором месте, второй выбор, утешительный приз.

Он подошел ближе. — Нам нужно немного времени, — сказал он Евангелине.

Она покачала головой. — У нас нет времени. Необходимо выяснить, подходит ли она для этого или нет.

— Она справится, — ответил он спокойно, глядя мне прямо в глаза. — Но мы сделаем это либо правильно либо вообще не сделаем. — Я сжалась от его угрожающего тона. В нем не было ничего общего с тем обворожительным искусством убеждения, к которому я привыкла. Это была грубая угроза, и я попыталась отойти от него. Он сильнее схватил меня за руки и повернулся к Евангелине. — А теперь уйди.

Она скривила губы, как если бы она укусив сливу под кожей обнаружила лимон. Затем черты ее лица разгладились, и она кивнула. — Пять минут. — Одним движением руки она открыла проход между мирами и исчезла.

Люк взглянул на меня так, словно видел впервые в жизни. — У тебя волосы волнистые, — сказал он и провел пальцами через пряди.

Было так странно, что он обратил внимание именно на это, что я поневоле расслабилась.

— Я... да. Но обычно я их выпрямляю. Отдельные пряди вечно выбиваются из заколки или резинки для волос, которые я ношу, а локоны разлетаются во все стороны. Проще выпрямить волосы феном и положиться на целый арсенал стилиста.

— Мне нравится, — произнес он. — То, как свет играет в твоих волосах.

— Спасибо, — ответила я автоматически и вновь напряглась. — Ты не должен быть милым. Мы просто должны пройти через это.

— Ты ведь знаешь, Мышка, что я никогда не делаю что-то лишь для того, чтобы выглядеть милым. Ну ладно, почти никогда, — исправился он. Из ниоткуда он сотворил маленький, аккуратно сложенный кусочек фиолетового шелка и протянул его мне.

— Мой шарфик!

— Ты забыла его у меня. Я подумал, что, возможно, тебе его не хватает.

Он повязал его у меня на шее; сквозь тонкую ткань я чувствовала его нежные и теплые пальцы. — Спасибо, — сказала я. В этот раз совершенно искренне.

— Пожалуйста. Всё еще нервничаешь?

— А ты разве нет?

— Это не имеет значения. — Он переплел свои пальцы с моими. — Мне жаль, что всё вот так происходит. Если бы был другой путь, я бы выбрал его, клянусь.

Что означает, быть связанным со мной, судьбой или нет, это последнее, чего бы он желал. Я глянула в сторону.

— Дыши, Мышка. Сделай это для меня. Давай.

Я с дрожью выдохнула, и он притянул меня ближе к себе, поднес обе мои ладони к своим губам. — Всё будет не так уж и плохо.

— Будет больно? Магия всегда причиняет боль.

Он слегка склонил голову в сторону. — Что ты имеешь в виду?

— Путешествовать между мирами. Защитные чары Евангелилы. Тот тип в баре. Каждый раз, когда я оказываюсь слишком близко к магии, это причиняет боль.

— Всякая магия имеет свою цену, — произнес он с нотками сожаления. — Ты ощущаешь худшее, потому что ты примитивная. Тебе было больно, когда я лечил тебя?

Зудящее тепло, когда он прикасался ко мне, было тревожащим, но не причиняло боли — по крайней мере не такой, как он думал. — Нет. А тебе?

Он пожал плечами. — Нет ничего такого, с чем бы я не мог справиться. Но сегодняшняя ночь — другое дело. Будет немного больно, но одновременно ты будешь в состоянии похожем на опьянение.

— Ты и с Верити был тут? Вы проводили этот обряд?

Он разжал руки. — Нет. Она еще не была готова. Я подарил ей кольцо, до того как она вернулась домой. Мы думали у нас еще есть время.

Я задумалась об этом. Верити была нетерпеливой. Она не знала, что означает эта отсрочка. Если бы она хотела заполучить Люка, она бы прошла через этот обряд до того, как уехала бы домой. Возможно, он сказал мне правду. Возможно, они не были вместе, не по-настоящему. Если да, тогда я смогу обрести ту его часть, которую не заполучила Верити.

Чувство вины, которое утягивало меня как якорь, немного успокоилось.

— А что будет после... этого?

— Это зависит от нас. Обряд соединения не заставляет испытывать что-то к другому. Он лишь усиливает то, что уже есть.

Ох, черт! Мои чувства к Люку, которые и так были болезненными и пугающими, теперь еще и усилятся, а он... всё еще будет желать Верити. Но Евангелина сказала, что я смогу вернуться к своей нормальной жизни. И я стану, наверно, как один из тех солдат, которых показывали по History Channel, тех, которые в дождливую погоду чувствуют боль от старых военных ран. Возможно, я всегда буду держать в себе эту связь, но Люку она будет напоминать о себе только когда давление понизится. В таком случае мне придется уехать в пустыню; тогда я смогу больше о нем не думать.

Он отпустил мои пальцы и заключил мое лицо в свои ладони. — Нет ничего плохого в том, чтобы бояться. Но обряд может не сработать, если ты не захочешь, если ты не отдашься этому всем сердцем.

Надо мной взяли верх его чистая красота в свете пламени, его кожа цвета янтаря, и то, что это казалось совершенно правильным, то как его пальцы прикасаются к моему лицу. Я могла почувствовать, как ускоряются мои пульс и дыхание.

— Ты хочешь этого всем сердцем?

Сердце... Восемь миллионов кусочков, на которые оно разбилось в ту ночь в переходе, не смогло ответить нет. Я кивнула. Падение, возможно, убьет меня, но мне ничего не остается, кроме как прыгнуть.

Вполне возможно, что всё не закончится абсолютной катастрофой. Весьма вероятно и то, что я смогу заменить Верити, остановить магический поток и найти людей, которые приказали убить Верити. Возможно, Люк даже полюбит меня, и мы переживем всё это. Невероятно, но возможно.

Конечно, когда вошла Евангелина, которая выглядела еще более властной и высокомерной чем прежде, «невероятно» показалось даже некоторым эвфемизмом.

— Всем уже лучше? — спросила она, расправляя и так гладкую льняную тунику, что была на ней.

Люк приподнял бровь. — Для тебя это чертовски легко, быть столь наглой — в конце концов это не ты должна проходить этот обряд.

— Действительно. Но я единственная, кто осознает, насколько серьезно положение дел.

— Чуть, — ответил Люк тихим гневным тоном. — Ты что же веришь, что одна держишь всё в своих руках, только потому что ты матриархиня? Мышка и я за то, чтобы быть здесь, платим определенную цену, и мы знаем, что стоит на кону.

— Я уже готова, — произнесла я, надеясь, что мой голос звучит сильнее, чем я себя чувствовала.

— Тогда начнем?

Люк взял меня за руку, подбадривающе сжал ее и повел меня к каменным колоннам в центре комнаты. Кверху колонны плавно сужались и переходили в арки, которые соединялись в самом центре, создавая купол. Евангелина стояла непосредственно вне искусно украшенных резьбой колонн, а мы с Люком прошли под купол так, чтобы никто не коснулся каменных изразцов. Я почувствовала на затылке покалывание от гудящей силы, наполняющей помещение, и отодвинулась подальше.

— Она у тебя? — спросил Люк Евангелину.

Вместо ответа она протянула руки, в которых лежала тонкая платиновая цепочка. Она обвязала концы цепочки вокруг своих ладоней и заговорила; ее голос звучал официально, и одновременно напевно. — В начале были лишь стихии: Земля, Воздух, Огонь, Вода. Они свирепствовали между собой, не в силах объединиться, и их силы стали слабеть. И когда Арканы научились извлекать силу и магию из стихий, они всё равно отрицали силы друг друга.

В самый разгар войны произошло немыслимое: дочь Огня влюбилась в сына Земли, а он полюбил ее. Они скрывали свою любовь, так как знали, что такая тайна может погубить их дома. Тогда в несчастной разлуке они решили сбежать, но их схватили. Отец девушки вызвал юношу на поединок. И прежде чем он сразил юношу, девушка вмещалась и поклялась своим духом, кровью и магией, что он причинит ей вред, если сделает что-то с сыном дома Земли, так как она и ее возлюбленный стали единым целым.

Дочь воззвала к своей линии стихии, чтобы та защитила их, и ее возлюбленный сделал тоже самое. Их линии — Огня и Земли — столкнулись и соединились, и вместо того чтобы противостоять друг другу, они образовали могущественную защиту против магии патриарха. Сила линий навечно объединила их, наградила их силой превосходящей их собственные таланты. Это был первый обряд соединения. И сегодня мы взываем к линиям, чтобы соединить Люсьена и Мору согласно древнему подтверждению чести. Их жертва должна даровать им рост их сил, как это было изначально. Они станут друг для друга спасением и силой и перед всем миром будут в ответе друг за друга.

Я начала учащенно дышать, а помещение стало расплываться по краям. Люк сжал мою ладонь.

Евангелина продолжала:

— Вы должны были прийти сюда с открытым и готовым сердцем. Люсьен, наследник дома Де Фудре, чисты ли твои помыслы?

— Я стою под первой Аркой, с открытым сердцем и готовый ко всему. — Он косо улыбнулся мне, пытаюсь подбодрить.

— Мора, дочь... — Евангелина замешкалась, как если бы ей только сейчас пришло в голову, какой собственно жалкой заменой я была. — Мора, дочь дома Фицджеральд, чисты ли твои помыслы?

Я кивнула, а Евангелина ждала большего, но я не могла вспомнить ни единого слова. Наконец, она нетерпеливо вздохнула. — Я стою под первой Аркой...

— Я стою под первой Аркой...

— С открытым сердцем и готовая ко всему.

— С открытым сердцем и готовая ко всему. — Я была готова. Это должно было произойти. Это так больно, Люк открыл мне свое сердце, когда поцеловал меня первый раз. Делала ли я это только ради Верити, ради себя или ради нас обеих, я чувствовала себя попавшей в ловушку. Отказаться означало бы буквально начало апокалипсиса.

Казалось после моих слов напряжение Люка немного поубавилось.

Вновь заговорила Евангелина.

— В первый обряд наши предки трижды соединились. То же произойдет и с вами. Эта цепь символизирует линии вашей магии.

Люк поднял руку, и Евангелина ловко обмотала цепочку вокруг его запястья.

— Дух, кровь и магия, — произнесла она, при каждом слове обвивая запястье серебристой цепочкой.

Он повторял за ней, так тихо, что я больше видела, чем слышала.

Она повторила все эти движения со мной, и я ответила, как это сделал Люк. Это была она? Та единственная боль, которую я почувствовала, была глубоко в легких, и я не поверила, что это именно то, что он имел в виду.

Люк сплел свои пальцы с моими, затем положил свободную руку мне на талию и притянул к себе. Он кивнул мне, подбадривая, и повернулся к Евангелине.

Недоверчиво взглянув на нас, она продолжала говорить на напевном языке, который я уже слышала от Люка. На том же самом языке говорила и Верити, когда мы были в переходе. Люк повторил слово, медленно и четко, и сильнее сжал пальцы на моем бедре. Евангелина повернулась ко мне. Я должна была также повторить, но я не знала, как это сделать. Я с удовольствием попросила бы Евангелину повторить, но меня удержало от этого что-то в выражении ее лица, такое торжественное и недружелюбное. Я вздохнула и сделала всё, что было в моих силах, я взмолилась, чтобы магия услышала мои намерения, а не мое произношение.

Люк слегка улыбнулся и склонился ко мне.

Всё начиналось как вполне приличный поцелуй в стиле «Евангелина стоит в одном метре от нас», но потом его рука скользнула по моей спине выше, он наклонил чуть голову под другим углом, поцелуй стал иным, и я совершенно забыла о Евангелине и своих недостатках

знаниях иностранных языков. Я потянулась к нему, игнорируя сомнения и вместо этого концентрируясь на страстном желании, которое переполняло меня, на его коже, которую я чувствовала под моими ладонями через сатин, и на его вкусе: опасно переплетающийся со сладостью.

Под конец он отстранился от меня с легким выражением разочарования на лице. Это польстило моему эго, но я была совершенно уверена, что я выгляжу точно так же.

Евангелина кашлянула. Люк отпустил мою руку, повернул ее ладонью вверх и расположил свою ладонь рядом с моей: шрам, который при этом начал проходить, всё

больше бледнел, Люк легонько касался его пальцем. Евангелина заговорила, и Люк повторил слова, глядя при этом мне прямо в глаза и тщательно разделяя каждый слог. Приободрившись я разделяла слова также повторяя за ним.

Евангелина вытащила блестящий черный камень и порезала наши ладонь так быстро, будто змея нанесла свой удар. Я закричала и попыталась отойти, когда тоненькая линия на коже стала наполняться кровью. Люк крепко ухватил меня и сжал наши руки вместе.

До меня медленно доходило — дыхание и кровь, мне следовало знать, чтобы принять это. Магия — это последний элемент. Они таким образом хотели обойти тот факт, что я не обладаю собственной силой?

Евангелина дождалась, пока не завладеет моим полным вниманием, и произнесла последнее слово. Люк повторил его и отпустил мою руку, чтобы провести пальцем вокруг моего запястья, где находилась цепь. Я сделала также и оступилась на своей части. Что если я сделала что-то неверно? Что если я произнесла какое-то заклинание, которое всех нас превратит в барсуков, или в камни, или вызовет землетрясение? Что если я всё испортила?

Я вздрогнула, когда Люк сильнее сжал мое запястье. Только это был не Люк, это была цепь, которая начала слабо светиться и сверкать, сначала серебряным светом, затем платиновым, а после ярко-белым светом сверхновой звезды. На моих глазах цепь уменьшалась и погружалась в мою кожу, одновременно затягиваясь. И вот это было больно. Было похоже будто цепь просачивалась сквозь меня, сквозь кожные покровы, мышцы и кости горели огнем, а я дрожала, силясь не кричать.

Люк испытывал то же самое: его лицо напряглось, на лбу и над верхней губой выступили бисеринки пота. но его рука продолжала держать мою. Боль всё распространялась, и в тот момент, когда я уже была не в силах держаться дольше и хотела вырваться из хватки Люка, меня переполнило тепло и боль исчезла. Словно лечь рядом с огнем, после того, как долгое время пробыл на снегу — огромное облегчение, но такое пугающее. Я начала терять сознание и Люк, подержав меня, притянул к себе.

— Как было прежде, будет и теперь. Отныне вы связаны друг с другом дыханием, кровью и магией, — Евангелина положила ладони нам на головы.

Я была настолько слаба, что едва могла устоять даже под таким легким давлением.

— Если что-то встанет преградой на вашем пути, пожертвовав друг другу силы, судьба для вас проложит путь, — она отпустила нас, и внушающая благоговение маска, которая была на ней всю церемонию, исчезла. Ее бледно-голубые глаза были широко распахнуты, лицо словно постарело. — Действует. Я даже не рассчитывала на это... Отведи ее домой, — приказала она Люку. — Мы встретимся сразу, как только маги и я разберемся подробнее, что всё это значит.

Она исчезла в магическом порыве ветра. Люк крепче обнял меня меня.

— Вот видишь? Это было не так уж и плохо, как думаешь?

Люк перенес меня между мирами. Мы очутились со стороны моего дома подальше от света уличных фонарей, и он повел меня к лестнице перед входной дверью. Перемещение в этот раз было легче, но Люк всё равно продолжал поддерживать меня.

— Как ты себя чувствуешь?

— Вполне неплохо, я думаю. Мне казалось, церемония должна была быть гораздо сложнее.

— Только потому, что что-то легко прошло, еще не значит, что это было просто. Ты хорошо справилась.

Я взглянула на свое запястье, на быстро бледнеющий рубец там, где цепь погрузилась под кожу и исчезла. — Теперь она во мне?

— В некотором роде. Она связана с магическими линиями, так что собственно она больше не является частью этого мира. Она всё еще там, но ты не можешь ее увидеть.

— Как много свободного пространства у нас есть?

Он слегка склонил голову на бок: — А ты как думаешь?

— Ну это же была совсем коротенькая цепочка. Мы теперь как сиамские близнецы? — Я живо представила лицо моей матери, когда я появлюсь с Люком на буксире и буду не в состоянии отойти от него более чем на 20 сантиметров. Боже мой, как же я сглупила! Я ведь даже не спросила, каковы будут последствия этого соединения или каким образом оно перевернет мою жизнь. Нужно было лучше планировать всё, рассмотреть всё с разных точек зрения. Вместо этого я видела только лишь Люка.

Люк пытался не смеяться, но у него это не вышло. — Мышка, у тебя есть столько свободного пространства, сколько тебе нужно. Цепь здесь ничего не меняет. Ты можешь путешествовать по всему миру, куда только пожелаешь. Но мы всё равно будем связаны вместе.

Я не могла решить для себя, успокоил он меня этим или нет. — И что же теперь?

Он мягко провел пальцем по моей ключице.

— Поговорим о том, чего ты хочешь. Мы можем отправиться куда угодно. В Новый Орлеан, или куда только пожелаешь. Провести время вместе было бы неплохо, как считаешь? — Люк склонился ко мне и вновь поцеловал. Теперь его губы сминали мои с совершенно иным чувством — несколько осторожно, по-хозяйски. Это должно было разозлить меня, как это случилось, когда мы были в Дофине, только сейчас это не было случайностью. Это было так волнительно, моя кожа словно пылала; я так же страстно отвечала на его поцелуй, впервые встретившись с его взглядом, приоткрыла рот для более глубокого поцелуя.

— Только скажи, Мышка. Мы отправимся тут же в любую точку мира, — целуя, он опустил до шеи и слегка укусил, а я запрокинула голову и почувствовала себя сильнее, чем за всю свою прежнюю жизнь. И хотя я понимала, что мы должны сконцентрироваться на пророчестве и сделать всё возможное, чтобы остановить его, я не могла себя заставить оторваться от Люка. Это легкомыслие было похоже на наркотик — он переполнял всё мое тело чувственностью. В свете дверного фонаря глаза Люка сверкали, а его резкие черты лица были в тени и манили еще больше. Мне хотелось скопировать их и навсегда сохранить в памяти его прикосновения. Я хотела видеть, как меняется его лицо, и знать, что это

происходит из-за меня.

Только мне было абсолютно ясно, что это было не из-за меня, хотя руки Люка скользили по моему телу. Осознание просачивалось в меня крупичка за крупичкой, вынуждая меня словно оледенеть. Это было из-за церемонии единения. Он же сам сказал мне об этом перед церемонией, и я согласилась. Я знала, какую цену придется заплатить. Только я не до конца осознавала, что это произойдет столь скоро.

— Пора... — сказала я, чувствуя, как борются во мне сожаление, решительность и полная тоска. Я отступила назад. — Мне пора домой. Там мама ждет.

— Она ничего не заметит, — Люк заправил мне выбившуюся прядь волос за ухо, и его пальцы скользнули по шее. Я ощутила как по телу разливается магический поток.

— Что ты сейчас сделал? Что это за заклинание было?

Он, смутившись, посмотрел мне в глаза.

— Ты смогла почувствовать? Я не был уверен, будешь ли ты теперь способна на это.

— Что именно это было?

— Разновидность сокрытия. Оно не дает заметить примитивным тех, кто связан с магией.

— Связанные.

— Через прикосновение, — он провел большим пальцем по затылку, и я задрожала. — Это заклинание низшего уровня. Если ты начнешь кричать или разобьешь окно, то люди всё равно заметят тебя. Но оно очень полезно, когда кто-то хочет войти так, чтобы никто не задавал кучи вопросов.

— В больнице. Так ты добрался до моей палаты. И провел к Верити.

— Как я и сказал, очень практичное заклинание.

— А что тогда видят окружающие?

— То, что хотят видеть. Но, думаю, ничего сверх того, что бывает в обычной жизни.

Я отошла и внимательно посмотрела на него. Люк облокотился на дверной косяк и пристально смотрел на меня. Его взгляд медленно и основательно изучал меня. Несколько напряженно. Я попыталась игнорировать жар, который распространялся по коже.

— Я всё еще могу тебя видеть.

Он пожал плечами.

— Мы связаны друг с другом. В этом вся разница. Кроме того, ты же рассчитываешь видеть меня.

— То есть ты можешь сейчас исчезнуть? Хотя я и знаю, что ты здесь?

Он лениво улыбнулся и затем исчез, как только я моргнула. Я медленно обернулась, ища какой-то признак его присутствия, как, например, искажение воздуха, шум его дыхания, хоть что-то. Я ощутила легкое шевеление воздуха на моем запястье, там, где находилась цепочка — словно какое-то странное напряжение.

— Окей, — крикнула я, чувствуя себя как-то глупо. — Теперь ты можешь появиться.

Ничего.

— Люк? Хватит уже.

Только привычный шум от машин и звуки квартала. Кто-то катил мусорный контейнер по тротуару. Парой домов дальше кто-то завел автомобиль и уехал.

Я вздохнула.

— Очень впечатляюще, правда. Я замираю от трепета перед твоими магическими способностями играть в прятки.

Я вздрогнула и едва подавила вскрик, когда почувствовала, как его ладони легли на мою талию. Всё те же невидимые руки двинулись под мою футболку, поглаживали мою кожу, невесомо касались реберных дуг, и у меня вновь закружилась голова от того, как сильно я его желала.

Его горячее дыхание ощущалось на моих плечах, и мне показалось непостижимым то, что он способен настолько свести меня с ума, хотя я и не могла увидеть его. Я обернулась к нему, и он придавил меня спиной к дверной раме, прижавшись в поцелуе; мое тело расплавилось, и мой мозг был очень близок к тому же.

Он вновь стал видимым и с хитрым выражением лица спросил:

— Ты уверена, что хочешь зайти домой?

Я удивленно моргнула от этой самоуверенной нотки в его голосе. Это было нечестно. У него есть магия и осознание своей привлекательности, а я — это только лишь я. Я убрала волосы назад и поправила футболку, удовлетворенная тем, что мои руки при этом не дрожали.

— Да. Колин ждет, что я ему позвоню.

Люк нахмурился, и лицо его потемнело.

— И что с ним?

— С Колином? Дядя попросил его не спускать с меня глаз.

— В этом нет нужды. Ты же знаешь это.

— Но не мой дядя. Даже если я расскажу ему правду, он не поверит мне. Это то же самое, что ты сказал — он ожидает увидеть опасность, которую он знает, потому он ее и видит. И Колин вовсе не плохой.

— Он — помеха.

Я склонила голову набок и улыбнулась своей самой сладкой улыбкой:

— Ты настолько ревнивый?

Он язвительно засмеялся.

— У меня нет для этого причин. В конце концов, Куджо не тот, кто связан с тобой.

— Евангелина сказала, что в этой связи нет ничего такого — она совсем не романтична.

— Она и не должна быть такой, когда всё рассматриваешь с чисто формальной стороны.

Но мне кажется это глупым, бороться против этого. — Он намотал на палец локон моих волос и, казалось, что он зачаровывает меня. — Смотри, Мышка. Я совсем не в восторге, что этот парень всё время ошивается рядом, но он не стоит на первом месте в моем списке. Нас ждет работа.

Верно. Работа. Всё потому, что у нас была работа. Я отошла назад, и он отпустил мой локон.

— Что теперь?

— Мы должны найти разрыв, от которого начнется магический разлив. Выясним, как мы сможем это остановить. И тогда... тогда мы всё прекратим.

На следующее утро я было подумала, что готова встретиться с Колином, но, как только я услышала стук в дверь, переполнявшие меня нервозность и чувство вины убедили в обратном.

Я бросила последний взгляд в зеркало, ожидая, что на моем лице не отразились все события последней ночи, как на каком-то плакате.

Обряд соединения всё же оставил после себя некий едва заметный след, а потому нужно было позаботиться о том, чтобы часть мурашек, которые еще чувствовались под моей кожей, не стали совсем ощутимыми. Я как обычно ошиблась. Из зеркала на меня смотрела всё та же старая и добрая Мо, более уставшая, чем обычно, но помимо этого ничего особенного.

— Мо! — крикнул Колин. Я услышала писк выключенной сигнализации. — Спускайся уже! — в его голосе слышались явные предостерегающие нотки, и не потому, что он беспокоился, что мое опоздание будет занесено в классный журнал.

Я спустилась, перебрала сумку через плечо и попыталась вести себя совсем непринужденно и обыденно.

— Я готова.

— Легла поздно, — заметил он и внимательно рассматривал меня, пока я поспешно надевала стоптанные ботинки.

— Вообще-то да. Может, я останусь дома? — и, может, этот разговор обойдет меня стороной? Я большую часть ночи не могла уснуть из-за того, что размышляла, что же я должна рассказать Колину, и думала о Люке — ну хорошо, я была скорее на нем помешана. К сожалению, все мои метания даже не приблизили меня к созданию плана. Будь Верити сейчас жива, она бы придумала, как поступить. И мне не пришлось бы со всем этим мучиться. Мне показалось это неверным, что я так подумала, поэтому я отбросила подальше эти предательские мысли.

Колин положил руку мне на плечо и повернул к себе лицом. Я занервничала от такого тщательного изучающего взгляда и, расправив юбку, спросила:

— Что?

Он пожал плечами и отпустил меня.

— Ты выглядишь... Не знаю. Как-то иначе.

Я достала из шкафа свою школьную куртку.

— Иначе в хорошем или плохом смысле?

— Иначе — то есть по-другому.

Во мне стали нарастать беспокойство и любопытство.

— Я всё та же, — произнесла я, в надежде, что это прозвучало убедительно.

Он тихо засмеялся и придержал передо мной дверь.

— Однажды, Мо, ты сама увидишь себя.

Себя настоящую. И тогда понятие «Дьявол» для тебя приобретет совершенно новое значение.

Я закатила глаза, и это было одинаково неловко и радостно.

— Ты в своем репертуаре.

— И я не уверен, что хотел бы присутствовать, когда это произойдет. — Он вновь засмеялся и указал на грузовик, не дождавшись ответа. — Кофе остынет.

Кто сегодня и был каким-то другим, так это Колин. Я еще никогда не видела его в таком хорошем настроении, готовым дурачиться и болтать. Я уже хотела спросить из-за чего он такой, как ко мне внезапно пришло понимание, я нахмурилась: он так радовался из-за нашего уговора, и из-за того, что я пообещала ему рассказать всю правду. Чего я конечно же сейчас не могла сделать.

Поэтому я сделала глоток кофе и мучительно стала размышлять, что же я могу ему рассказать, что он хочет знать, и при этом не рассказать вообще ничего.

— Ну? — спросил он с нетерпением.

— Мы уже через 15 минут будем у школы. Этого времени недостаточно, чтобы всё рассказать.

— Зато этого достаточно, чтобы начать. — уверенно произнес Колин и коротко глянул в мою сторону. — Сегодня неподходящий день, чтобы играть со мной в игры.

Как будто для этого есть определенный день! Я заёрзала на сиденье и отвернулась к окну, глядя на магазинчики и дома, которые пробегали мимо нас.

— Я не знаю... — пожав плечами, я повернула руки ладонями кверху. Мне не хватало слов. — Я не знаю, с чего начать.

— Было бы неплохо, начать с самого начала. Или с того, что произошло ночью. Мне всё равно.

— Я же тебе уже рассказала. Мы пили кофе с Евангелиной. И разговаривали.

— О чем?

Я глубоко вдохнула. Колин заслуживает знать правду, но он не поверит мне. И даже если каким-то невероятным образом он поверит, тогда он ни при каких обстоятельствах не позволит мне продолжать. Единственное, что я могла сделать, это сказать ему полуправду и надеяться, что она будет звучать лучше откровенной лжи.

— Верити. — Странно, как мало мы с ним говорили о ней. Я спрашивала себя, какого он был мнения о Верити. Она бы наверняка свела его с ума. Она была такой очаровательной, каждый влюблялся в нее, но у Колина к очарованию был иммунитет.

Он сделал движение рукой, приглашая меня продолжить, но ничего не сказал.

Я крепко сжала кулаки.

— Вы все думаете, что целью была именно я, но это не так. Целью была Верити.

— Мо, это уже было проверено. Никто не отдавал приказ убивать ее.

Его голос звучал мягче, чем когда либо раньше.

— Никто, кого вы знаете. Я готова поспорить, что вы не нашли ничего связанного с убийством, относящимся ко мне, так ведь? — Я не ждала ответа. — Всё дело в ней, не во мне.

— Речь идет о Билли, — Колин произнес это с тем привычным тоном — усталым, многострадальным тоном, на который взрослые вечно переходят, когда хотят, чтобы я почувствовала себя несуразным ребенком. Я ненавидела этот тон, особенно когда так говорил Колин. Я уже не ребенок.

— Речь идет о Билли только при опознании, — поправила я его. — Которое никак не влияет на правду. И ее я стараюсь выяснить. Если ты не хочешь слушать, тогда этот разговор не имеет смысла.

Он как-то шутливо покачал головой.

— Ты пытаешься выяснить, кто убил твою подругу? И ты веришь, что эта Евангелина поможет тебе в этом? Иди к Билли, если хочешь добиться результатов. У него есть связи.

— Не в Луизиане. Евангелина нужна мне, на случай если я захочу прикончить того, кто отдал приказ. — Больше я не могла рассказать Колину, так как я не хотела ему навредить.

Он посмотрел на меня прищурив глаза, как будто он понял не всё из того, что я сказала.

— Кто отдал приказ? Приказал убить? Проклятье, ты шутишь?

Зазвонил мой мобильный, и я схватила его, отчаянно пытаюсь уйти от этого разговора.

— Лена! Что случилось?

— Я звоню, чтобы узнать, подготовилась ли ты к работе по химии?

— Какой... ох, черт!

— Не хочешь ли ты мне сказать, что забыла про нее? От этой работы зависит практически четверть нашей оценки!

— Положи трубку, — прорычал Колин.

Я отмахнулась от него.

— Не могу поверить, что забыла про нее.

Лена фыркнула.

— Ах, да? В общем смотри, я в кафетерии. Если ты прогуляешь богослужение, то мы сможем еще немного подготовиться. Или возможно ты всё же пойдешь на богослужение? Это, может быть, единственное, что тебе поможет.

— Очень смешно.

— Положи трубку. Немедленно, — приказал Колин.

— Закажи мне колу лайт, — попросила я Лену. — Я буду минут через 10.

Я положила трубку, а он, всё еще глядя на дорогу, схватился за мой мобильный.

— Больше никаких прерываний. Мы решим это сейчас раз и навсегда.

— Я сегодня пишу работу, — подчеркнуто произнесла я и крепче вцепилась в свой мобильник. — Очень важную работу. Мне нужно на учебу.

— Мне плевать на твою работу, Мо. Не хочешь ли ты сказать, что ты и тетя Верити собрались переговорить с убийцей? С группой убийц? Даже если ты и права — а это не так — как ты это себе представляешь, что ты и женщина торгующая столовой мебелью марки Луи-Кваторц, не уступите им в расчетах?

— Потому что я должна. Ты никогда не делал чего-то лишь потому, что это было правильно? Никогда? Или тебе важно только, заплатят ли тебе?

Он грубо схватил меня за руку и так же резко отпустил. Мой мобильный запищал.

Колин издал угрожающий звук, а я в ответ мрачно посмотрела на него.

— Это всего лишь смс.

В действительности это было фото. От Лены из школьного кафетерия; рассыпанные вокруг нее записи и рядом два стакана колы.

— Странно, — сказала я, когда увидела номер. — Номер скрытый.

Телефон вновь запищал. Снова скрытый номер.

Это было фото, на котором чуть-чуть была заметна моя мама за кассой. Я могла четко различить бейдж с ее именем и тесьму с зубчиками на ее фартуке. Тот, кто сделал это фото, должен был находиться не более чем в паре метров от нее.

Снова писк телефона.

— О Боже, — воскликнул Колин, — эта девчонка хоть когда-нибудь прекратит?

— Это не Лена.

В этот раз на фото был Колин, который ведет грузовик, а на нем надета та же серая футболка и коричневая куртка, что и сейчас. Позади виднелся мой дом. Это фото было

сделано дальше, на расстоянии в полквартила примерно.

— Сегодня утром никто не ошивался недалеко по улице? Перед домом? — Ну конечно никто. Колин увидел бы каждого. Ракурс и расстояние на фото свидетельствовали о том, что тот, кто сделал его, должен был находиться в доме, возможно, одном из соседних.

— Нет. Почему спрашиваешь?

Он выхватил у меня телефон, когда пришло еще одно сообщение. Я наклонилась к нему и заглянула в телефон. Моя комната, так близко, что можно было в окно увидеть не заправленную кровать. Я была так воспитана, что каждое утро в первую очередь заправляла кровать. Даже в туалет не пойду, пока покрывало не будет гладко расстелено и подушки не будут взбиты. Это было одним из главных маминых верований наравне с посещением церкви в день памяти и «никакого мяса в пятницу». Сегодня утром я была очень уставшей и опоздала, а потому не потрудилась застелить постель, наверно, в третий раз за всю жизнь. Фото было сделано сегодня утром, после того как Колин забрал меня.

Колин свернул к обочине так резко, что заскрипели шины, и это маневр вызвал кучу гневных гудков и высунутых из других машин средних пальцев.

— Что было на остальных? — Он начал просматривать историю сообщений. Пришло еще одно, и каким-то образом я уже знала, что это будет за фото, даже прежде чем он его откроет. Люк, и то, как он целует меня в желтом свете дверного фонаря.

Колин стиснул зубы, а его глаза сузились до щелок.

— Кофе пили, да? — мне стало больно от его резкой интонации.

— Это не то, что ты подумал, — сказала я, понимая, как бессмысленно это звучит. — Правда не то. Он знаком с Евангелиной.

Он, рассматривая фото, недовольно спросил:

— Я так понимаю, ты никого не заметила?

Я помотала головой.

— Все номера скрыты, — заметила я, пытаюсь перевести тему.

— А первое фото, оно от Лены?

— Она только что его сделала. Она хотела заказать мне колу, как мы с ней и договорились.

Зазвонил телефон. Колин нажал на кнопку, которая включала режим громкой связи, и указал мне, чтобы я сказала что-нибудь.

— Алло?

— Привет, Мо. — Мужской голос, но чей, я не знала. Взгляд Колина говорил мне, что он тоже не узнал его.

— Кто это?

— Друг. С полезным советом.

Я сглотнула.

— Да?

— Видишь, как это легко, вычислить людей из толпы? Обрати внимание, что ты всё делаешь правильно, так как ты следующая, хорошо?

— Что вы имеете в виду...

Звонок оборвался, и Колин выругался. Он ударил кулаком по приборной панели и развернул грузовик обратно на дорогу. Какое-то время он смотрел прямо на дорогу и крепко сжимал руль; на шее четко вырисовывался пульс. Передо мной сейчас был не тот радостный и улыбчивый молодой парень, которого я встретила сегодня утром в моей гостиной, он был

совсем другим, я едва узнавала его.

Он вел машину через город, всё дальше от школы, и чаще, чем раньше, бросал взгляд в зеркало заднего вида.

Я ждала, когда смогу говорить, чтобы при этом не дрожал голос.

— О чем он говорил?

— Оpozнание. Ковальски после обеда заедет в школу. Они арестовали людей, и ты должна будешь приехать в полицейский участок.

— И кто это тогда был? Секретарь дяди Билли?

— Не Билли. Бери выше.

Я заставила себя задать этот вопрос; слова прозвучали как-то сдавленно.

— Кто-то из мафии?

Колин ничего не ответил, но выражение его лица стало жестким и мрачным.

— Зачем мафии делать фотографии моих друзей? И моей комнаты?

Он вновь бросил взгляд в зеркало, свернул направо, вновь посмотрел назад.

— Чтобы показать, насколько ты уязвима.

— Но... у меня есть ты.

На его лице дрогнул мускул.

— Не всегда. И я не присматриваю за твоими друзьями и твоей мамой. Моя работа — заботиться о твоей безопасности, Мо. И ни о чьей более.

— А что же с моей мамой? Она...

— С ней всё в порядке. Уже некоторое время как Билли приставил к ней людей для безопасности. Она менее заметна. И, если быть честным, твоя мама создает гораздо меньше проблем.

Мой желудок сжался. Кого еще они преследовали? Без Верити в школе я была неприкасаемой. Единственная, кто только и общался со мной последнее время, как давно это было, была...

— Отдай мой телефон.

— Что?

— Мобильник, Колин. Сейчас же!

Молча протянул его мне и наблюдал краем глаза, пока мы неслись через весь город.

Я торопливо набрала номер и считала гудки, пока Лена не взяла трубку.

— Лена? Всё в порядке?

— Да, но богослужение начнется через пару минут. Если мы собираемся прогулять, то тебе стоит уже сейчас это решить.

Я хотела предостеречь ее. Я хотела посоветовать ей бежать оттуда, пойти в бюро или по меньшей мере держаться вблизи людей, лучше всего подальше от окон. Мне стало плохо от мысли, что кто-то может по моей вине сделать из Лены мишень, я начала панически дышать. Но рассказать ей правду о моем дяде означало подтвердить все слухи. Они станут фактами, и тогда появится еще куча проблем, с которыми мне придется справляться.

— Движение на дороге ужасное, — сказала я, пытаюсь, звучать раздраженно, а не истерично. — Я не успеваю. Иди уже просто на богослужение; встретимся тогда уже в классе.

— Хочешь, я поставлю за тебя свечку? — поддразнила она.

— А это не такая уж и плохая идея. — пробормотала я, пока Колин парковался у полуразрушенного склада.

Он оставался рядом со мной, пока мы пересекали растрескавшийся, заросший сорняками тротуар, дернул раздвижную дверь и подтолкнул меня вперед.

— Мне сегодня работу еще писать, — напомнила я ему, пока он вводил на распределительной коробке код от сигнализации.

— Забудь ты про эту чертову работу, Мо.

Сквозь окна высоко над нами проникал тусклый свет. Вместо палитр, кисточек и картонок, которые я рассчитывала увидеть здесь, была мастерская. Столярная мастерская с огромной электропилой и стеной из ДВП, на которой на равном расстоянии висели инструменты. Воздух пах опилками и лаком; это был чистый, проникающий запах, который щекотал мой нос, но при этом не был неприятным.

Колин провел меня через мастерскую, всё еще держа руку у меня на спине, и мы вошли в металлическую дверь. Он потянул ее рывком на нас, прежде чем нащупал выключатель очередной сигнализации. Зажегся свет, и если мастерская уже удивила меня, она ни в какое сравнение не шла с этой комнатой. У меня на миг захватило дух, и я обернулась к Колину.

— Ты здесь живешь? — Здесь были спартанские условия и при этом было очень красиво. Покрашенные белым стены, потрескавшийся цементный пол, такие же как и в мастерской окна, расположенные высоко наверху. Но мебель была приятной, полированное дерево, которое мягко блестело в утреннем свете. Здесь пахло лимонным маслом, свежо и уютно. На полу были постелены пара ковров, и здесь стояла потертая, темно-синяя велюровая софа, а рядом с пузатой печкой стоял старинный кожаный стул с высокой спинкой и подлокотниками. Вокруг ничего не валялось, никакого хлама или беспорядка, но выглядело это не чопорно, а только просторно, как если бы у человека было всё пространство мира, чтобы дышать, и всё время, которое ему было необходимо. — Это потрясающе!

Он смущенно пожал плечами и указал на две двери напротив нас.

— Ванная. Спальня.

— Ты серьезно здесь живешь?

— И где же по-твоему я должен жить?

— Не знаю. Возможно в грузовике? В пещере с летучими мышами? Здесь просто потрясно. — Красивее, чем я ожидала увидеть после его грузовика. Я всегда считала, что он едва сводил концы с концами, но я ошибалась. Почему он скрывал это? Что еще он скрывал?

— Рад, что тебе нравится. Я скоро вернусь. Будь тут.

— Ты уходишь?

— Мне нужно переговорить с твоим дядей.

— Возьми меня с собой!

— Если бы я знал, кому можно доверять, то так бы и сделал. Здесь самое безопасное место для тебя. Только несколько людей знают о нем, и им я доверяю.

— И дяде Билли тоже?

Он замешкался.

— Да.

Сейчас дядя Билли показался мне не особо заслуживающим доверия, но я была готова положиться на слова Колина. Страх уходил, так же как и появился, для того, чтобы проявились более важные моменты. Они конечно не упрощали принятие решения, но делали его более отчетливым. И быстрым.

— Можешь что-нибудь перекусить. Готовься к своей работе. Если хочешь, посмотри

телевизор, — добавил он и указал большим пальцем на черный лакированный шкафчик.

— Мо, хоть раз в жизни, сделай то, о чем прошу. Ты можешь вляпаться в десятки различных проблем, не принимая в расчет, что ты здесь не какая-то Нэнси Дрю. О чем я между прочим, не забывал.

Если бы он оставлял меня здесь только из-за злости, я бы еще сильнее воспротивилась ему. Но на его лице не было ничего такого, только серьезность и тревога, а потому я села на софу, подтянула к себе дрожащие ноги и расправила юбку поверх коленей.

— Ты себя накручиваешь.

— Я бы не ожидал, что они станут торговаться с Билли, — ответил он. — Я думаю, они предоставят ему, справиться с тобой.

— Ну да, а он думал, что со мной справишься ты. Круто придумано.

— Тут ты отчасти права. Теперь побудь здесь.

И я осталась. По телеку не было ничего особенного, я не хотела есть, и никак не могла сконцентрироваться на атомных массах и изотопах. Вместо этого я шагнула на выцветший когда-то узорчатый темно-синий с коричневым ковер, покрутила в руке кольцо и задумалась, в какой опасности из-за меня сейчас находится Колин. Эта мысль заставила меня быстрее зашагать по ковру.

Зазвонил мой мобильный, и чтобы достать его, мне пришлось перегнуться через спинку софы.

— Мои сердечные поздравления с прохождением обряда соединения, — сказала Евангелина, в ее голосе слышалось чуть больше тепла, чем обычно. — Ты хорошо справилась.

— Вас ведь удивило, что всё работает.

— Чего-то желать и исполнять желаемое — это совершенно разные вещи, — ответила она. — Возможности захватили меня.

Я закатила глаза и тут же прекратила. А что, если она может меня видеть? Мне было обидно, что я не понимала, как всё функционирует — магия в реальной жизни.

— Сейчас чертовские неподходящее время, Евангелина. Вы можете перезвонить позднее?

Ее голос вновь стал холодным.

— Мне очень жаль, что я столь некстати позвонила, Мо. Но я подумала, что, возможно, тебе будет интересно, каким мы предпримем наш следующий шаг.

Я надавила пальцами на веки.

— Окей.

— Кольцо при тебе?

— Конечно. Как всегда.

— Замечательно. Мы определили место, где несколько линий нестабильны. Мы полагаем, что кольцо позволит тебе, конечно с помощью Люсьена, сделать их более стабильными.

— Это же хорошо, так ведь?

В ее голосе было столько энтузиазма, сколько ранее за ней я не замечала.

— Если тебе это удастся, тогда мы, возможно, сможем полностью предотвратить магический разлив.

— Что-то вроде предусмотрительного ремонта? — Звучит довольно просто, но так как вокруг меня всё в миг рушиться, то «просто» приобретает неоспоримую заманчивость.

— Точно. Люсьен зайдет за тобой сегодня вечером. Чем раньше мы сможем совершить попытку, тем лучше...

Спустя два часа, разъяренно ворвавшись в комнату, вернулся Колин. Он отключил сигнализацию гневным, отточенным движением руки и запер свой пистолет в металлическом шкафчике. Только после этого он упал в потрескавшееся кожаное кресло.

— Что случилось? — Я закрыла книгу с рассказами Хемингуэя, которую я нашла на полке. — Ты поговорил с дядей Билли? С моей мамой всё в порядке?

— С твоей матерью всё в норме, — он барабанил пальцами по подлокотнику и затем наклонился вперед, словно внезапно принял какое-то решение.

— Как много ты знаешь о делах твоего дяди?

Я дернула плечом, и во мне разлилось холодное равнодушие.

— Я слышала только слухи. Я думала, что это только слухи, до смерти Верити Господи сохрани, чтобы в моей семье хоть кто-то действительно говорил мне правду!

— Они старались защитить тебя.

Я вспомнила слова Люка после нападения бугименов.

— Он контролирует четверть всех предприятий, так ведь? Все деньги на охрану и платежи проходят через него. Он сохраняет мир и при этом получает прибыль.

Он глянул на пол.

— Примерно так.

— Ты работаешь на него, — продолжила я, и словно собирая паззл, меня медленно осенило, когда сложилась полная картинка. — Ты работаешь на мафию.

— В данный момент я работаю на Билли и не спускаю с тебя глаз. Это всё, — его голос звучал устало, но я пришла в бешенство, и мне было не до жалости к нему.

— А что же со столярной мастерской?

— Можно сказать, что я располагаю разносторонними способностями.

Я зарылась кулаками в карманы куртки.

— В самом деле! Присланный с пистолетом точно как с шлифовальной машинкой. Да ты настоящий мастер на все руки, не так ли?

Мне стало стыдно из-за своей наивности, из-за того, что я была готова поверить в те истории, которыми меня пичкали все вокруг. — Ты такой же большой лжец как и он.

Колин провел рукой по волосам. — Не надо так со мной, малышка. Если хочешь меня в чем-то обвинить, то потерпи, пока не узнаешь все факты.

Я заскрежетала зубами. — А я не знаю никаких фактов. Потому что никто не готов рассказать мне их. Знаешь, как сильно это разочаровывает?

— Прекрасно могу себе представить. Кстати, как дела у твоего друга, Мо? Ты знаешь, того, которого у тебя нет? — Гнев в его голосе ударил словно ножом. — У тебя столько же маленьких грязных тайн как и у всех остальных, так что прекращай всё это дерьмо со своим праведным возмущением.

Он был прав даже больше, чем сам думал об этом. Я сокрушенно откинулась на спинку. Он крепко пригвоздил меня взглядом и продолжил:

— Да, Билли работает ради бизнеса. И он до сих пор жив только потому, что он хитёр — он не жадный, и не высовывается слишком далеко из окна. И до сих пор всё шло хорошо, но теперь на сцене появились новые участники.

— Русские.

Он резко поднялся из кресла и пошел на кухню. — Они преследовали не Билли, а само предприятие, и они очень, очень плохие. В сравнении с ними Мафия — это просто кучка старушек играющих в бинго. Они хотят укрепиться здесь, на территории Билли.

Я последовала за ним. — Если я опознаю их, как тех парней, которые убили Верити...

— Это поможет Билли и его людям сохранить власть.

То есть всегда правит тот, у кого власть, так?

— Расскажи про моего отца.

Он отвернулся, без разбора открывая и закрывая шкафы. — Меня тогда здесь не было.

— Но ты что-то знаешь. Я знаю, что тебе что-то известно. — Я встала прямо перед ним.

Я должна знать правду.

С поджатыми губами он скрестил руки.

— Это был мой дядя, так? Мой отец невиновен. Дядя Билли повесил вину на него. — Я выдохнула, и внезапно через всю темноту и гнев просочилась легкость, наполняя чувством, будто я могу свободно взлететь.

И тут я увидела выражение лица Колина, полное сострадания, такое сожалеющее.

— Он не вешал всю вину на твоего отца, — произнес Колин. Он оттолкнулся от стойки, вновь стал ходить туда и обратно, мрачный, погруженный в беспокойство.

— Но...

Он остановился и посмотрел мне в глаза. Неважно, что за ложь мне говорили раньше, сейчас Колин был со мной честен. — Твой отец знал, что делает.

Я собралась потребовать, чтобы он рассказал мне больше подробностей, но Колин поднял руку. — Нет. Это меня не касается. Это вопрос между тобой и твоими родителями с Билли. Я и так рассказал больше, чем следовало.

— Но...

— Я не хочу, чтобы это встало между нами, — сказал он. — Мо, у тебя сейчас хватает проблем покрупнее, чем семейная история. Ты должна принять решение относительно опознания.

Как будто после всего им сказанного опознание для меня еще имеет какую-то важность. Хотя, если он считает, что это проблема, то так оно и есть. Я уселась на стул на кухне.

— Ты считаешь, мне следует его пройти?

— На это я не отвечу ни при каких обстоятельствах, — ответил он зло. — И что ты решишь, зависит только от тебя. Но мы не можем это откладывать и дальше.

Его «мы» прозвучало утешительно, и я вдруг устыдилась своего поведения. Он ничего не сделал, кроме как пытался защитить меня, в равной степени и от моего дяди и от всех остальных. А я могла только лгать. Я взялась за его рукав.

— Прости... за то что наговорила до этого. Для меня неважно, кем ты работаешь. Ты хороший парень. Ты, наверно, самый лучший человек, которого я знаю.

Он провел шершавой ладонью по моим волосам.

— Малышка, тебе еще предстоит познакомиться со многими людьми.

Когда мы приехали в полицейский участок, там уже была Эльза — адвокат дяди; она увлеченно разговаривала с Билли. Ковальски с подозрением оглядывал их обоих и затем перевел хмурый взгляд на Колина и меня.

— Разве ты не должна быть в школе?

Эльза тут же вмешалась:

— Детектив, она попросила нас привести ее на очную ставку. Мы из вежливости

приехали чуть раньше. А теперь Вы жалуетесь, что она здесь?

— Я лишь решил, что за те деньги, которые вы платите школе, было бы лучше, если бы она сейчас находилась на занятиях, это всё, — проворчал он и дернул металлическую дверь. Окно было закрыто на уровне глаз картоном.

— Заходи, Мо. Это ненадолго.

Колин и Билли собрались было зайти следом за мной, но Ковальски поднял руку.

— Только адвокат, ребята, — сказал он.

— Вы можете подождать здесь снаружи.

— Детектив, мне нужно коротко переговорить с моей племянницей. — Дядя Билли отвел меня в сторону и ласково потрепал ладонь. — Послушай, Мо, мне жаль, что сейчас так случилось. Это непростительно, что мой деловой партнер так тебя напугал, но это так же показывает, насколько всё это важно.

Он делал вот так уже тысячу раз: позволял своему шарму очаровывать и располагать к себе, прямо перед тем, как давал мне указания. Кто обвинит его в том, что ранее всегда работающая старая тактика теперь развалилась? Только я была уже не та тихая, послушная девочка. Я видела слишком много, и теперь могла увидеть, кем он является на самом деле — не мой приветливый дядя Билли, а лжец и уголовник, корень позора моей семьи. Мои руки сжались в кулаки.

Он бодро продолжал:

— Там внутри два мужчины с приметами, о которых мы недавно говорили. Ковальски спросит, был ли кто из них в подземном переходе тогда, и ты расскажешь ему об этих мужчинах.

— То есть солгу. — холодно ответила я.

За какую-то долю секунды он сильнее сжал мою руку.

— В переходе было совершенно темно. Так кто скажет, что это не были они?

— Я.

Ковальски позвал меня в комнату, и Эльза прошла вслед за мной. Я чувствовала провожающий меня взгляд Колина, пока он стоял у стены, скрестив руки на груди.

Ковальски с грохотом закрыл дверь, и возмущенное лицо Билли скрылось за четырьмя сантиметрами стали. Помещение было крохотным, но достаточным для стойки с телефоном и тремя старыми пластиковыми стульями. Поверх стойки во всю ширину комнаты было стекло. Ковальски указал на стулья и положил на стойку толстую папку с анкетами.

— Если хотите, присаживайтесь. Мо, всё очень просто. Шесть мужчин в ряду. Вы укажете, если кого-то узнаете. Я могу приказать, чтобы они заговорили, если вы захотите услышать их голоса, или сказать, чтобы подошли ближе к стеклу, чтобы можно было рассмотреть их вблизи. Не торопитесь и рассмотрите их лица. Мы не спешим.

Он сел и записал что-то на небольшом клочке бумаги.

— Одну минуту, — пробормотал он. — Эти проклятые бланки меня когда-нибудь доведут до ручки!

Эльза прошептала:

— Есть что-то, что я должна знать? Что-нибудь изменилось?

Да, всё.

— Нет. Я просто нервничаю, — ответила я. Она подбадривающе улыбнулась.

— Мужчины тебя не видят, — сказал Ковальски, услышав мой ответ. Он поднял телефонную трубку. — Можно начинать.

Вошли шесть мужчин. У всех одинаково тупое выражение лица и холодный взгляд. Я тут же увидела тех двоих, о которых говорил дядя. Они выделялись среди остальных. Их глаза были не просто полны холода, они были мертвы. Я невольно вздрогнула. Возможно, Билли всё же прав.

— Шаг вперед, — сказал Ковальски в телефон. — Мо, вам кто-нибудь показался знакомым?

Не нужно никакой магии, чтобы почувствовать то зло, что исходило от этих двоих. Билли говорил мне, но я всё же должна была задать себе вопрос, так ли будет плохо, если их отсюда вытащат.

Это был мой квартал, где они были пойманы. Дома, по которым я ходила на Хэллоуин, выкрикивая «Сладость или гадость», гости, которых я обслуживала в кафе, когда стала достаточно большой, чтобы выглядывать из-за стойки. Они собирались вторгнуться сюда и уничтожить мою привычную жизнь, которую и так уже разрушила смерть Верити. Я всё еще могла заниматься охотой на Серафима. Что плохо в том, чтобы защитить окружающих меня людей?

— Не могли бы вы попросить, чтобы номер 2 показал мне свою татуировку? Ту, что на груди?

— В ваших показаниях не было упомянуто ни о какой татуировке, — произнес он и серьезно посмотрел на меня, а затем, сощурился, глянул на стопку бумаг.

— Возможно, очная ставка привела к тому, что в памяти всплыло воспоминание о татуировке, — проворно вставила Эльза, и Ковальски вновь пробормотал что-то в телефон. Через мгновение тип под номером два без какого-либо намека на удивление или чувство поднял испачканную рубашку, открывая плохо вытатуированную голубую розу.

— Помогло?

Я выдала ничего не значащий звук, и Ковальски недоверчиво посмотрел на меня.

— Что насчет номера 5? — спросила я.

— Хотите, чтобы он тоже поднял рубашку?

— Будет достаточно, если он подвернет рукава.

Шрам от ожога был размером с абрикос, лоснящийся и розовый, давно заживший. При взгляде на него мой собственный шрам запульсировал, и я коснулась рукой бедра.

Решится целая куча проблем. Ковальски закроет дело и оставит меня в покое. Два социопата будут далеко от моего квартала. Возможно, Билли даже освободит Колина от его обязанностей сиделки, так что я смогу получить необходимый простор для действий, чтобы позаботиться о магическом разливе и найти убийц Верити. Эта могла бы быть простая ложь, из-за которой было бы только лучше...

Но мне вновь вспомнились слова Колина. Нужно учитывать последствия. Но среди всего хорошего кроется неоспоримое последствие: я стану больше похожа на моего дядю, гораздо больше, чем мне бы этого хотелось.

— Мо? Тебе кто-то показался знакомым? В ту ночь в переходе ты видела кого-то из этих типов?

Мои слова прозвучали будто бы из дали.

— Я никого из них не узнаю. Я не думаю, что кто-то из них был там.

— Ты уверена? — в голосе Эльзы слышался легкий намек на резкость. — Никого из них?

— Нет. Мне очень жаль. — Я не знала, перед кем я извиняюсь.

Ковальски закрыл папку и поднялся. Когда он заговорил, голос его звучал устало.

— Хорошо. Оpozнание помогло бы, но у нас есть и другие улики. Я ценю, что вы хотя бы попытались.

Он проводил нас в вестибюль, где нас ожидали дядя и Колин. Никто не обмолвился и словом, пока мы не вышли на автостоянку.

— Ну? — спросил Билли.

Наконец, Эльза ответила.

— Мо была не в состоянии опознать хотя бы одного из подозреваемых.

Билли выругался.

— Неблагодарная девчонка! Ты хоть знаешь, что ты натворила? — он схватил меня за руку и сильно встряхнул. Колин немедленно появился рядом.

— Я сказала правду, — рыкнула я и вырвалась из его хватки. — Тебе тоже стоит как-нибудь попробовать.

— Не смей говорить со мной в таком тоне. Эти мужчины опасны.

— Почему? Потому что они преступники? Они кидали камнями в теплицы, или что?

Он стих, как надвигающаяся гроза, и подошел так близко ко мне, что я видела свое отражение в его зрачках.

— У них нет ничего общего со мной! Не думай, что ты в состоянии понять, какое давление оказывает мое положение. Ты всего лишь ребенок.

— Ах, да? И поэтому ты посылаешь ребенка, завершить за тебя все грязные дела? Если эти двое действительно так ужасны и это всё так важно, так разбирайся со всем сам.

Колин встал между нами, и дядя Билли накинулся на него.

— Ты должен был

поговорить с ней! Какого черта я вообще тебе плачу?

Колин сжал челюсти, и его слова прозвучали неторопливо и спокойно.

— Ты сказал, что я должен за ней присматривать. Мое задание осталось таковым?

Это надо было видеть, как Билли преодолел свой гнев; его пальцы дергались, будто он боролся с порывом задушить меня.

— Да. Она всё усложняет.

— Я люблю принимать вызов, — ответил Колин и увел меня.

Когда мы ушли достаточно далеко, он вздохнул.

— Всё могло бы пройти лучше.

— Считаешь, я должна была сделать так, как он хотел?

— Не совсем. Я лишь хотел бы, чтобы ты не ругалась с твоим дядей на парковке. Это его только больше рассердило и теперь он заботится лишь о том, насколько плохо выглядит. Я постараюсь сделать так, чтобы никто не обратил внимание на тебя, Мо. Ты тут абсолютно ни при чем.

— Мне жаль, — я пнула отколовшийся кусочек асфальта.

— Ты была честна. По большей части это хорошо. — Он глянул в сторону грузовика. — Как например сейчас.

Я посмотрела в туда же и увидела Люка, прислонившегося к грузовику, и натянувшего шляпу почти на глаза. Он лучезарно улыбнулся, и я почувствовала, как мое сердце ёкнуло, несмотря на то, что надвигалась катастрофа. Я пинком отправила камешек в канаву, гораздо сильнее, чем было нужно.

— Привет, — крикнул Люк и с плутовским взглядом пояднял шляпу. Мы пересекли улицу — Колин кипел рядом со мной — а Люк в легком поцелуе коснулся моей щеки. Затем положил руку мне на талию и протянул другую Колину для рукопожатия. — Я думаю, у нас есть немного времени, чтобы представиться.

— О чем ты вообще думал? — ворчала я несколько часов спустя, когда Люк тащил меня через темный коридор.

— Я же уже сказал тебе — это было подходящее время, лично познакомиться с Куджо. Парень постепенно становится недоверчивым.

— О, да. Он подозревает. Каждого. Это его работа. И он чертовски хорош в своем деле.

— Расслабься, Мышка. Теперь, после того как мы познакомились, он не будет больше так много думать. Я показал ему, что я безобиден.

Конечно. Безобиден. Безобиден котенок, который охотится за клубком шерсти. Люк был больше похож на пантеру, нежели на котенка. Он устроил целое шоу для Колина, а потом ушел, и вновь появился уже в моей комнате только после полуночи, и даже не поздоровался при этом. Вместо этого он потащил меня между мирами, сюда.

— Итак, ты действительно хочешь сказать, что водонапорная башня является каким-то священным волшебным местом? Серьезно? — Я даже не пыталась скрыть весь свой скепсис.

— Это место остановки автобуса — а не какая-то святыня.

Перед нами быстрым шагом шла Евангелина, эхо ее шагов разносилось по коридору. Она крикнула нам:

— Если я не ошибаюсь, эта постройка всё же является важной частью истории города, разве не так?

Я высвободила руку из ладони Люка.

— Это единственное здание, которое выстояло в Великом пожаре в девятнадцатом веке. Но это было искусством инженерии, а не магии. Камни не горят.

— Мо, пожалуйста, не воспринимай всё буквально. Это раскрывает неполноценное понимание. Это здание пропитано историей — стены прямо-таки гудят от всей энергии. И оно должно быть тесно связано с тремя из четырех элементов, которые усиливают его мощь.

— Вода, огонь, камень, — пробормотала я, когда мы проходили мимо картины с изображением зубчатой башни, которая гордо стояла посреди мусора, оставленного после пожара.

— А если бы оно было еще и с воздухом связано, разве не было бы лучше?

Люк спокойно улыбнулся.

— Нет никакой причины так жадничать. Как и с талантами — чем больше их у человека, тем исключительнее комбинации. Единственное место, о котором нам известно, что оно связано со всеми четырьмя потоками, это Связующий Храм.

— Оу, — прозвучало так, будто он хочет уйти от этой темы, тогда я попробовала начать с другого.

— Почему мы здесь?

Евангелина неуклонно вела нас к центру здания, к фундаменту известняковой башни, а мы остановились и взглянули вверх в грандиозную пустую камеру. Через окошко на самом верху проникал слабый лунный свет, образующий вокруг нас блеклый крест.

— Для меня было сюрпризом, что тебе и Люсьену удалось пройти церемонию единения, — призналась она. — Мне пришла в голову мысль, что пророчество более гибкое, чем мы прежде думали. С этого момента я начала смотреть на то, что было обнаружено нашими учеными, под совершенно новым углом.

— Ты хочешь сказать, что есть и другой выход? Что пророчество, возможно, ошибочно? — хрипло спросил Люк.

— Есть лазейка? — мое тело словно окоченело. Верити умерла, меня повесили Люку на шею, я играла спасительницу на вторых ролях, и всё это было абсолютно ненужно?

Евангелина подняла руку.

— Успокойтесь, дети. Пророчество стабильно, изначально. Но если смерть моей племянницы что и доказала, так это то, что нить наших судеб не так прочна, как мы думали. Честно говоря, шансы выжить у Верити были гораздо больше, чем твои, Мо, но даже у нее не было никаких гарантий.

Люк посмотрел на окно наверху, в котором разглядел искусно высеченную голову каменного льва, и с осуждением посмотрел на Евангелину.

— Ты обещала, что эта связь защитит Мо.

— Я думаю, так и будет. Если пророчество настолько растяжимо, что позволило Мо занять место Верити, тогда можно также приспособиться к течению времени. Мы всегда исходили из того, что сосуд может противостоять бурному потоку только именно в тот момент, в который он начался — что ремонт должен начинаться после того как откажут линии. Но теперь мы надеемся, что вы могли бы преобразить некоторые из самых прогнивших мест, прежде чем поток достигнет своего апогея. Было бы надежнее подходить не спеша, и если Мо сможет скрепить достаточное количество линий и узловых пунктов, возможно, мы смогли бы полностью отразить поток.

— Возможно, — сказал Люк. — Если бы только она была к этому готова. Ей нужно больше времени, чтобы понять, как это работает и на что она может воздействовать.

— Как она должна узнать об этом, если она никогда не переживала линии, Люсьен? Ты теряешь всю картинку. Возможно, связь повредила твой рассудок.

Его лицо помрачнело.

— Это никак не связано с этим.

— Исключительно. Тебе не должно составить труда вспомнить о том, что твоя преданность может стоять будущего нашего мира, — она обратилась ко мне поверх плеча Люка.

— Церемония соединения доказала, что кольцо приняло тебя на месте Верити. Сейчас ты используешь его.

— Как?

— Оно позволяет отводить линии и одновременно с этим образует глушитель для чистой магии. Вместе магия Лусьена и кольцо должны предложить достаточно защиты.

— Насколько это опасно? — спросила я. Играет ли это роль? Я поклялась добиться справедливости для Верити, неважно, какие последствия это имело бы.

Евангелина пристально смотрела на меня.

— Мы же все время рассказывали тебе об этом. Чистая магия смертельна для примитивных.

— Итак, если Люк не сможет меня защитить...

— Я смогу, — сказал он, Но Евангелина перебила его.

— Тогда поток обрушится. Если ты в этот момент, когда вырвется чистая магия, будешь в контакте с одной из линий, сразу погибнешь, также как и любой другой примитивный.

Я сглотнула.

— А линии... Их много?

— Ты как раз стоишь в самом центре одной из них. Следующая находится всего в нескольких сантиметрах от твоего левого уха. Они не редкие, Мо, просто невидимые.

— Это слишком рискованно, — сказал Люк. Он подошел ко мне и схватил за руку.

— Ты еще не готова.

От этих слов я опустила плечи. Но заставила себя проигнорировать обиду, и вместо этого повернулась к Евангелине.

— Что мне делать, если мы начнем?

Она скосила взгляд в сторону.

— Мы предполагаем, что магия будет обладать ощутимыми компонентами, что-то, чем ты можешь манипулировать, но мы не можем быть уверены в этом, пока ты не начнешь работать с этим. Я считаю, это вопрос веры.

— Веры, — повторила я. Двенадцать лет я писала работы по теме Вера, и эта специфическая ситуация никогда не попадалась в учебном плане.

— Однако, кольцо привлечет бугименов.

— Есть колдовство, которое мы можем использовать — защитные барьеры, которые прикроют тебя. Ты в отличие от Люсьена никогда не видела меня в драке, но я уверяю тебя, что я выросла на заданиях.

— Нам нужно подождать, — еще раз сказал Люк. — Позвать других. Чем больше помощи мы получим тем лучше.

— Есть и другие? — спросила я.

Евангелина пренебрежительно махнула рукой.

— Я разговаривала с ними. Понадобилось бы много времени чтобы уговорить Кварторен. Они считают, что лучше начать сразу. Даже твой отец придерживается этого мнения, Люсьен.

Он нахмурил лоб, слегка покачал головой и схватил другую мою руку. — Ты можешь сказать «нет». Мы можем еще перенести кое-что. Сейчас не подходящее время.

Евангелина спутано покачала головой.

— Что в ней вызывает у тебя сомнения, Люсьен? Ее способности или ее смелость?

Или ее обязательства относительно нашей задачи? — она отодвинула его в сторону, опустила руки на мои плечи и одарила меня одобряющей улыбкой.

— То, что касается тебя, я больше не сомневаюсь ни в чем, Мо. Верити тоже не сделала этого. Сделаешь ли ты это для нее?

Я медленно вытаскивала кольцо из-под рубашки. Люк закипал от злости всего в нескольких шагах. — Она спасла меня, — сказала я и попыталась тем самым разбудить его понимание. — Я должна отплатить ей за это.

— И ты сделаешь это, — сказала Евангелина и бросила триумфальный взгляд на Люка. — Мы позаботимся о бугименах. Люсьен, берись за дело и поставь защитные барьеры.

Его лицо было жестким, углы и черты более суровыми, чем когда-либо до этого. Безмолвно он схватил за спиной и вытаскивал из-за спины тот самый меч, который был у него с собой в ночь нападения бугименов. Пылающее лезвие отбрасывало рисунок на пол и в воздухе вокруг нас. Темно-красное пламя сверкало, больше всего там, где меч касался ее. Скоро воздух наполнили мерцающие огни.

Евангелина критически оглядела его. — Ты тренировался.

Он едва поднял взгляд.

— Ей понадобится вся помощь, которую она может получить.

Он думал, я бы отказалась. Осознание проникло еще глубже, чем смогла бы сделать любая из магий. Я знала, что он защитил бы меня — он довольно часто заверял меня, что я была их последним шансом, но надеялась, что он также верил в меня.

— Что я должна сделать? — казалось, словно мир вокруг ускорил темп, пока я спокойно стояла.

— Доверься своим инстинктам, — сказал Люк, не прерываясь колдовать.

О, Боже. Мы действительно вляпались.

Евангелина встала рядом с Люком и добавила кристально синие волнистые линии. — Как только ты найдешь доступ к магии, работай так быстро как можешь. Не позволяй ей затянуть тебя слишком глубоко. Люсьен останется с тобой. Мне придется держаться по ту сторону щитов. Если появится слишком много бугименов, мы отступим.

Люк закончил колдовать и встал рядом, взволнованней чем когда-либо раньше. — Это выдержит, — тихо сказал он и постучал по запястью. Небольшие вспышки магии пульсировали в месте прикасания — световое свечение под моей кожей. — Я наблюдаю за тобой. Доверься мне.

Трясущимися руками я сняла кольцо с цепочки и держала его на раскрытой руке. Синий камень слабо блестел в лунном свете, а четыре алмаза, которые его окружали, сверкали как звезды.

— Так как, ты доверяешь мне? Ты даже не веришь, что я могу это сделать. Давай забудем об этом.

Он взял у меня кольцо, не глядя мне в глаза.

— Начинайте, — крикнула Евангелина с края круга.

Люк медленно повернулся и проверил решетку из раскаленной магии, которая окружала нас. Он с трудом сделал вдох и надел кольцо мне на палец с заметно огорченным выражением лица. Кольцо идеально село у меня на руке, и мы пристально смотрели друг на друга, пока мои пальцы все еще касались его.

Странное, звездообразное сверкание мелькало над поверхностью камня, также как в первый раз, когда я надела кольцо. Золото нагревалось, когда блеск становился сильнее и распространялся, быстро высвобождаясь наружу. Все четыре бриллианта сверкали синеватым светом; интенсивность была притягательна в наполовину темном помещении.

— Оно не делало так в последний раз, — сказала я. — В парке.

— Здесь больше магии, — ответил Люк.

Следы света начали соединяться с треским звуком на земле, как лед на озере Мичигана, незадолго до того, как начнет таять. Я хотела отступить, но Люк держал меня за руку.

— Линии реагируют на кольцо, — его голос был шепотом. — Держись, мышка.

Ему не обязательно было бы говорить этого. Линии пульсировали вокруг меня, в такт с моим сердцем. Так вот как жили Арканы? Покрывали ли линии все, Магия все время дергала за них? Чувствовала ли Верити это точно также? Я стряхнула руку Люка и направила ее к линиям передо мной; веки закрылись. Мне не нужно было ничего видеть

Я могла почувствовать штрих каждой отдельной линии. Огонь был теплым, шелковым и напоминал мне о Люке, воздух сверкал и был тонким как игла, вода холодной и текучей, земля грубой и огромной. Пересекающиеся линии настоятельно зывали ко мне. Я схватила самые сильные и вспомнила о указаниях Евангелины не позволять им затягивать слишком глубоко. Но течение было непреодолимым, и моя рука вытянулась самостоятельно, чтобы погрузить в энергетический поток.

Между тем позади меня что-то ломалось довольно громко. Глаза резко открылись, и я увидела, как орда бугименов толпились около решетки, которую соорудили Люк и Евангелина.

С криком Еванглина выступила вперед, и у нее в руках появился длинный, раздвоенный посох. Она начала медленно крутить его, постепенно увеличивая темп, когда бугимены двинулись на нее. Из посоха лился свет и трещал как молния. Воздух наполнил запах озона.

Казалось Люк опустил рядом со мной еще больше защитных барьеров и соорудил более светлую стену из Магии.

Один из бугименов прыгнул на Евангелину, и она сделала шаг ему навстречу и уколола его раздвоенным концом посоха, при этом она беспрерывно читала заклинание. Кожистая, черная фигура просто разрушилась, а другие создания гневно завизжали, в то время как посох еще больше ускорил темп, и концы начали расплываться, пока Евангелина раскручивала его.

— Продолжай, — кричал Люк сквозь шум. Он повернулся так, чтобы мы стояли спина к спине, он смотрел на бугименов, я прямо на раскаленные линии. Я могла слышать, как он напевал заклинание. Рубиново-красные защитные щиты вздрагивали в такт его слов, и я бросилась в атаку.

Первое прикосновение я ощутила как удар, и моя голова откинулась назад. Все четыре вида магии перемешались друг с другом и обрушивались в водовороте шума и ощущений об меня. Связь с Люком усилилась и поддерживала меня также, как и давление его спины о мою.

Я видела, как один из бугименов свалился и исчез, после чего поднялся знакомый смрад.

Земля вокруг меня треснула, а шум стал оглушительным. Я снова закрыла глаза и пыталась держаться за линии. Они быди похожи на толстые, гладкие канаты; сила пульсировала прямо под самой поверхностью. В некоторых местах они прогнили: дыры из ничего быстро распространялись под моими пальцами. Темные места крошились, оттуда вырывалась более разрушительная сила, оставив на моих руках что-то маслянистое и разлагающимся. Это была та самая трещина, о которой они меня предупреждали.

Как мне нужно было отремонтировать ее? Какая-то часть меня цеплялась за связь с Люком, и я пыталась ухватиться за нее. Даже с закрытыми глазами я ощущала его прекрасно — где он стоял, какое заклинание использовал, как его сила подталкивала меня к действию. Я погладила темные места и увидела, как линии снова обрели правильную форму, но этого было не достаточно. Так быстро, как я успевала отремонтировать одну линию, разрушалась следующая. Я не успевала. Мне нужно было больше силы, чем Люк мог передать мне.

Кольцо. Достаточно сильное, чтобы притянуть бугименов и вызвать линии. Евангелина также говорила, оно — тот самый инструмент, чтобы отремонтировать магию. Оно блестело у меня на руке, и я открыла себя завихрениям энергии, которая мелькала над синим кинем солнечным свечением.

Несколько секунд это работало. Сила, которая хранилась в драгоценности, пронеслась сквозь мое тело и проникала в линии. Меня охватил триумф.

И тогда темнота изменила направление.

Она питалась магией, становилась больше, быстрее и голоднее, когда она мчалась по линиям и пыталась проникнуть в меня. Линия, которую я как раз ремонтировала, ускользнула от меня. Все ускользнуло от меня.

— Я не могу сдержать это! — кричала я.

Люк чертыхнулся позади меня. Оставшиеся три бугимена так сильно бросались на защитную стену, что в стороны летели искры. Сверкающее колдовство выгорало под нападением, но Люк уже сооружал новые, когда отказывали старые. Теперь его дыхание участилось, я могла почувствовать, как он подстраивался к моему собственному. Я собралась, чтобы попытаться еще раз, погрузила руки во все расширяющееся волнение и закаляла себя против течения чистой магии.

Еванглина кричала, и когда я подняла взгляд, увидела, как один бугимен отбросил ее через комнату. Она с треском ударилась об оконную раму из массивного камня. Сверкающие, синие огни ее защитного барьера стали слабее, некоторые совсем потеряли силу, а она неподвижно лежала на полу. Люк вытащил из-за пояса ряд ножей размером с ладонь. Один из них за другим он бросал в бугимена и почти отделил его голову. Чудовище рухнуло рядом с Евангелиной.

— Работает! — крикнул он. — Что произошло?

— Я не знаю! — каждый вдох требовал усилий, чтобы меня не затянуло глубже в магию. Трещины обжигали меня, но прикосновение здоровых линий как бальзам на коже. Если я смогла продержаться достаточно долго, возможно, я смогла бы получить силу, чтобы оттеснить черноту.

— Я использовала кольцо, но становится все хуже!

Люк запнулся, когда защитные барьеры начали отказывать.

— Оно кормит трещину!

В проходе прозвучал треск — к хаосу присоединился шум разбивающегося стакана.

— Проблема! — крикнул Люк.

Мгновением позже в комнату ворвались Ковальски и Колин с пистолетами в вытянутых руках и скользя остановились на мраморном полу. Белые брюки Ковальски были пропитаны потом, лицо покрылось красными и серыми пятнами, дыхание напоминало мучительное пыхтение.

— Какого черта здесь происходит?

— Мо! — Колин сделал еще один шаг, и Люк быстро вытянул руку. Линия из красноватых огней поднималась от земли и заставила мужчин отступить. — Все в порядке?

— Колин, ты должен уйти! Здесь не безопасно!

— Что это за штуки? — спросил Ковальски и направил свой пистолет на бугимена, который ближе всего стоял к нему.

Ни одно из созданий не одарили Ковальски и Колина хоть долей внимания — как Люк уже сказал мне, их привлекала магия, а не примитивные. Пока Ковальски и Колин не встали между мной и бугименами, был шанс, даже если и самый маленький, что существа не напали бы на них.

Магия была большей угрозой. Теперь трещина расширилась и ускользала из-под моего контроля. Я крепко сомкнула пальцы вокруг линии, но те только еще быстрее распадались, чистая магия выжигала себя.

— Иди сюда, Мо! — крикнул Колин. Он выстрелил в бугимена, который стоял рядом со мной. Чудовище наклонило голову; его белые когти все еще царапали защитные щиты Люка.

— Вон! — закричал Люк. Большого внимания он не мог предоставить, так как постоянно читал все новые заклинания хриплым голосом.

Ковальски нащупал рацию, но та взорвалась облаком синих искр.

— Она исчезает, — завопила я, в то время как щиты Евангелины полностью

развалились и свет растворился не оставив следа. — Люк!

— Нам нужно уходить, — прохрипела Евангелина и медленно поднялась на колени. Она цеплялась за каменный подоконник; в уголке его рта была видна кровь. — Мы не справились.

— Нет! Я могу это сделать! — но я не могла. Это все обрушивалось слишком быстро. Все мои миры сталкивались друг с другом, пока открывалась магия, защитные стены вокруг меня упали и бугимены проникли в круг. Я не смогла удержать середину и теперь все были в опасности.

— Если мы остановимся сейчас, — крикнул Люк. — Мы должны закончить!

Ковальски посмотрел на меня поверх стены из темно-красных огней. — Я иду за тобой, Мо, — сказал он и дал знак Колину. Колин в согласии поднял большой палец, вытащил второй пистолет из-за спины и направил его на бугимена рядом со мной. Ковальски был таинственно спокоен и целенаправленно двигался к нам, в то время как Колин стрелял не останавливаясь.

— Дай мне кольцо, — настаивала Еванглина. — Оно все, что нужно бугименам. Они последуют за ним, а не за тобой.

— Без него я не могу использовать магию! Тогда я не смогу отремонтировать их!

— Линии разорваны. Их больше нельзя починить. Брось мне кольцо.

— Кольцо вызвало трещину. Не отдавай его ей! — крикнул Люк. Он отступил в сторону, чтобы броситься на одного из бугименов, и я смогла расслышать шипение меча, который рассекал воздух и врезался в тлеющую плоть. Знакомый смрад наполнил воздух. Ковальски по прежнему двигался ко мне и одобрительно кивал, хотя взгляд дико метался по помещению.

Голос Евангелины был тихим, утешающим посреди всей этой неразберихи. — Мы можем снова скрыть тебя, Мо. Мы можем обновить скрывающее заклинание.

Я повернулась к ней, так как отчаянно искала убежище. Не только для себя, а для всех нас.

Ковальски остановился, когда Колин перезаряжал оружие, и ждал знак, прежде чем начать двигаться дальше. Одновременно с этим бугимены сделали рывок через комнату, пол проломился подо мной, а Люк схватился со всей силы за невидимые цепи, которая связывала нас.

Я была всего на волосок от взрыва и растянувшись приземлилась у ног Люка.

Ковальски повезло не так сильно. Гейзер чистой магии ударил его в центр груди и распространился по коже, под ней, освещая его ужасным блеском — а затем опустился ослабевший, покрытый почерневшей массой на землю.

Я закричала, и Колин помчался ко мне. Бугимен с визгом бросился ко мне, и Люк отбросил существо пульсирующим, медно-красным светом.

— Придут еще больше бугименов, — пыхтела Еванглина. — Трещина притягивает их. Даже если они не убьют нас, твой друг не сможет выжить здесь. Давай мне кольцо.

Колин отползал от бугимена и все еще пытался добраться до меня. Люк продолжал сражаться. — Мышка! Не делай этого! Доверься мне!

— Ты сошел с ума? — бугимен ударил Колина по руке и оттуда сразу потекла кровь. Его крик от боли помог мне принять решение. — Нам нужно убираться отсюда!

Я стянула кольцо с пальца и высокой дугой бросила его Евангелине. Свет из камня стал лучезарно светлым, даже по сравнению с отовсюду струящейся магией. Евангелина ловко

поймала кольцо в воздухе.

— Смелая девочка, — сказала она, холодно улыбаясь.

Со стоном Люк отправил домой еще одного бугимена и послал еще один луч света в сторону Колина; тот прошёл совсем рядом с ним, но из окна вылетело тело очередного существа.

Люк подтолкнул меня к Колину и развернулся. Он направил меч объятый красно-оранжевым пламенем в сторону Евангелины.

Я вскрикнула.

Она отклонила удар, непринужденно повернув свой посох.

— Ты кусок дерьма! Ты заманила нас в ловушку, — зашипел он и вытер рукавом лоб. — Ты не собиралась останавливать поток. Ты хотела привести его в действие.

— Что? — Я поднялась на ноги. Колин обхватил меня за талию и попытался оттащить меня прочь, но я сопротивлялась, и он отпустил. Без кольца я больше не могла видеть или почувствовать линии, которые растянулись по комнате, но я знала, что они были тут, готовые уничтожить нас обоих, как порванные высоковольтные провода во время бури. Если они коснутся нас, мы умрем. Мы не могли убежать, но и остаться тоже.

— Она на нашей стороне, Люк!

Он одарил меня сострадательным взглядом и снова направил на нее меч. Темно-красное пламя пульсировало вдоль клинка.

— Она врала нам. С самого начала. Она одна из Серафимов, Мышка. Дьявол... Возможно, она даже их предводитель.

Евангелина слегка склонила голову в сторону и восхищалась кольцом, которое она держала между указательным и большим пальцами.

— Не предводительница, Люсьен. Ничего столь великого. Уже хватает самой привилегии служить этому делу. Откуда ты это знаешь?

— Тебе не стоило бы утверждать, что мой отец был бы частью игры. Он никогда бы не попытался обмануть пророчество.

— Да, Доминик придерживается традиций, не так ли? Он уже определенно заплатил довольно высокую цену, и конечно поэтому он так покорно как никто другой придерживается пророчества. Но Кварторы могли бы переубедить его...

Он фыркнул. — Как будто это произошло бы! Ты врала нам о Кварторах. Ты играла Мышкой, как чертов Страдивари, со всей своей болтовней о том, что сделала бы Верити. Ты знала, что она сделала бы все, если ты преподнесешь это так. Ты заставила ее открыть самую сильную группу линий, которую смогла найти, а затем попросила ее исправить их. Понимаешь, Мышка? Она требовала от тебя сделать операцию на сердце при помощи ножа для масла и пластыря. Теперь мяч в игре, не так ли? Именно так, как ты хотела.

— Мы думали устранение Верити послужило бы тому, что поток освободится. Но когда кольцо среагировало на Мо, мы поняли, что на всех линиях наш план осуществился, — она одарила меня презрительным взглядом. — Ты была такой слабой. Действительно жалкой со всей этой чушью о справедливости и горе. Мы правда не видели в тебе угрозы. Почему нам нужно было показывать себя, если мы могли просто посмотреть, как ты потерпишь неудачу? Затем, когда вы полностью установили связь, нам стало ясно, что мы на все смотрели не с того угла. Поток нужен сосуд, чтобы освободиться, поэтому мы использовали тебя в наших собственных целях. Теперь ты должна активировать поток, как это возможно. И без кольца у тебя нет возможности, еще раз использовать магию. Ты оказала нам большую услугу, Мо.

— Она убила Верити, — желудок перевернулся, а ноги подкосились; я почувствовала руки Колина вокруг меня. Его голос звучал как сон, уговаривая меня уйти отсюда.

— Я пыталась уговорить старшего. Я думала, она могла бы склониться к нашей точки зрения, но у меня не получилось. Она попросила время подумать и настояла на возвращении домой. Как если бы хотела убежать от нас! Мое начальство заподозрило, что она планировала проинформировать Кварторен обо всем, а мы не могли допустить этого. Как я уже говорила вам, иногда приходится делать неприятные вещи ради интересов общественности, — она посмотрела на меня ужасающими, мутными глазами. — Люсьен, например, Люсьен, например, связал себя со слабой заменой девушки, которую он собственно должен был получить. В конце концов напрасно, как я могу тебя заверить, но в определенной степени честно.

Пламя на мече стало светлее.

— Верни кольцо.

Она засмеялась. — Не думаю, что сделаю это. Ты конечно можешь попытаться его забрать, Люсьен, но твои примитивные не продержатся здесь достаточно долго.

Он остановился и бросил неуверенный взгляд на пол рядом со мной. Я не могла видеть линии, но знала, что они приближались, ускользая от какого-либо контроля.

— О, Люсьен. Так для тебя это так тяжело по личным причинам, а не из-за пророчества, не так ли? Как печально, — она покачала головой и спрятало кольцо в зажатой руке. — Поток открыт. Другие бугимены уже на пути сюда. Можешь спокойно следовать за мной, если хочешь, только это будет стоить тебе Мо.

На этом она исчезла.

Рев, который я слишком хорошо знала, усилился, бугимены устремились через междумирье сюда. Люк стоял в центре разрушенного круга и казался совершенно поверженным. Колин притянул меня к себе, а силы сопротивляться у меня закончились. Его рубашка пропиталась кровью, она также капала на пол, его лицо было бледным из-за шока.

— Нам нужно вытащить тебя отсюда, Мо. Полиция уже едет сюда.

— Люк? — сказала я и сделала шаг к нему, не заботясь о мыслях.

Он пристально смотрел на то место, где стояла Евангелина и с хладнокровным выражением лица держал в руках меч. — Мы проиграли.

— Мы не можем сражаться с ними, — сказала я и потянула его за руку. — Нам нужно уходить.

Высоко над нами бугимены атаковали башню. Я схватила Люка, когда сверху начали падать кирпичи и цемент. — Люк, пожалуйста.

Он убрал меч за спину, подошел к Колину и мне, и перенес нас в Междумирье, прочь от стаи бугименов.

Мы приземлились на крыше неподалеку. Известняк песочного цвета водопроводной башни был покрыт ордой бугименов, больше чем я могла бы представить в этом или любом другом мире.

— Ковальски, — тихо сказала я. — Он все еще внутри.

— Копы сейчас будут здесь, — сказал Колин. — Они не должны видеть нас.

— Что будем делать? — из руки Колина все еще шла кровь. Я сняла свитер и сильно дрожа прижала ее к кровоточащей ране.

— Как мы остановим их? — Спросила я, перекрикивая вой ветра.

— Мы похороним ее, — ответил он.

Он поднял руки и закрыл глаза, тем временем с его губ начали слетать слова на уже знакомом языке заклинаний, жёсткие, яростные и твердые, как никогда прежде.

Вызвав огромный шум, под башней что-то взорвалось. Все здание зашаталось и обрушилось горой камней. Пламя лизало фундамент, как эхо огня, которому башня сопротивлялась более века назад.

— Боже мой, — тихо прошептала я. — почему...

— Они бы питались магией, — ответил он сердито. — Они бы стали сильнее и пожирали бы все на своём пути. Я запечатал ее насколько смог. Мой отец и его люди разберутся с остальным. Нет ничего, что сейчас играло бы роль. Нам осталось всего несколько дней, прежде чем все исчезнет, — он повернулся ко мне.

— Почему ты отдала ей кольцо?

— Она сказала, что это единственный способ нас спасти!

— А я сказал, что защитил бы тебя!

— С того самого момента, как мы вошли туда, ты постоянно утверждал, что я не достаточно сильна. Ты даже не хотел, чтобы я попыталась!

— Ты была не готова! Но ты просто приходишь и ныряешь в это с головой, просто потому, что Евангелина сказала, что это то, что сделала бы Верити. Никто не знает этого!

— Итак, значит мне даже не стоило попытаться, да? Каждый знает, что я не могу занять ее место на самом деле. Меня никогда не было бы достаточно. Ты даже сам мне об этом сказал, но я была слишком глупа и сходила с ума по тебе, чтобы слушать внимательно! — к моему ужасу глаза начали жечь слезы, а голос предал меня. Я сильнее прижала свитер к ране Колина и попыталась взять себя в руки.

Люк смотрел на меня раскрыв рот. — Боже мой, Мышка! Речь не идет сейчас о Верити! Я не желал ее, и не хочу, чтобы ты была ею. Я никогда не хотел, чтобы ты была ею и, проклятье, я измучился, пытаясь тебе это показать! Мы еще не были готовы, но ты предпочла прислушаться к Евангелине, чем ко мне. Я знал, что мы не смогли бы просто остановиться, если бы начали, но ты же снова не захотела меня слушать.

А затем ты еще и отдала ей кольцо! Если бы ты слушала меня... доверяла бы мне... у нас был бы шанс, он брезгливо покачал головой.

— Хочешь знать, что сделала бы Верити? Она сдержала бы чертовы обещания. Она бы держала кольцо и доверяла своему партнеру, а не какой-то там старой карге, которая обещает ей выход по прощю. Она была бы тем, кем должна была бы быть, не бежала бы прочь, когда становилось бы сложно. Но, вероятно, для тебя это слишком. А теперь все разрушено, как и здание там.

Его слова били меня также сильно, как удары Евангелины, но моя ярость дала мне необходимые силы, чтобы поспорить. — Добро пожаловать в клуб! Ты и твоя чертова судьба разрушили мою жизнь, еще до того как я встретила тебя! — кричала я и так сильно хотела сделать ему больно, также как он сделал больно мне.

— Ты забрал мою подругу и мое будущее, ты сжег мой город, и я уж сбилась со счета, сколько раз я почти умерла! Сегодня вечером я узнала, что магия может меня убить, если войти вовнутрь, и тем не менее я пошла туда. А ты допустил это. Ты манипулировал мной с самого первого дня, Люк. Почему я должна доверять тебе?

— Потому что мы связаны, Мора Фицджеральд. Не важно, что ты думаешь об этом, кого ты любишь, кого боишься, если ты вообще кому-то и можешь доверять, то тому, с кем ты связана. Да, будь все проклято, ты должна мне доверять, — он остановился, уставившись на

остатки водонапорной башни и затем повернулся ко мне, с полным отчаянием в голосе. — Возможно, все еще не слишком поздно. Мы могли бы попробовать еще раз...

Мысли о том, чтобы снова предоставить себя кислотной, жгучей, чистой магии и позволить, чтобы она поглотила меня, душила меня. Я видела, как она убила Ковальски, чувствовала, как она бросалась на меня, пока Люк не вытащил меня. Попробовать еще раз стоило бы мне жизни. И для чего? Он только что подтвердил, что меня не достаточно.

Лицо Колина было серым от боли и ужаса. Внезапно он упал на меня и под тяжестью его тела мы почти упали вместе. Я шаталась и попыталась устоять на ногах. Нам нужно уходить отсюда.

— Я пыталась, Люк. Правда. Но я не та, кто тебе нужен.

Он выглядел задетым, потерянным и это, вопреки всему, разбило мое сердце.

— Мне очень жаль. Но... я не могу. Я просто не могу.

Я подвела Колина к его письменному столу и помогла опуститься на стул. — Нам нужно отвезти тебя к врачу, — сказала я. — Рану надо зашить.

Он покачал головой совершенно серый.

— Где Люк?

— Ушел. Не думай сейчас о нем, — Колин отказался ехать в больницу, поэтому Люк перенес нас назад к грузовику и затем исчез.

— Ты ужасно водишь машину, — сказал Колин, крепко сжав челюсти. — Не удивительно, что у тебя нет прав.

— Я доставила нас домой, не так ли? Когда-нибудь ты сможешь научить меня, — я пыталась говорить беспечно, но, когда убрала скомканный свитер от его руки, комната начала вращаться.

— О, Боже, не переношу вид крови.

Он застонал и снова прижал свитер к ране.

— Под раковиной. Аптечка для оказания первой помощи.

Я почти перевернула стул, в спешке добираясь до аптечки.

— Пластыря будет не достаточно.

Он указал на шкаф. — Принеси мне Jameson's, — сказал он хриплым и почти неузнаваемым голосом.

Я вытащила бутылку и низкий, тяжелый стакан, щедро наполнила его и протянула ему.

Он закрыл глаза и одним глотком опустошил стакан, чтобы затем с глухим звуком поставить его на стол.

— Еще один, — я наполнила, и он снова выпил.

— Там внутри клей-секунда, — сказал он и показал на обувную коробку, заполненную материалами.

— Также перекинь. Прозезинфицируй рану, нанеси немного клея, соедини края и держи, пока он не высохнет. Это достаточно на данный момент.

Когда я выдавила ему клей на рану, то внимательно следила, чтобы мои пальцы не приклеились к его бицепсам, а он смотрел на бутылку на столе. Теперь его дыхание замедлилось, и лицо снова начало обретать цвет, хотя он все еще выглядел потрепанным.

— Как ты нашел меня сегодня вечером? — спросила я. Это не был тот вопрос, который я хотела задать.

— GPS на твоём телефоне.

— А Ковальски?

— Следовал за мной по пятам с тех пор как мы покинули полицейский участок.

— Оу, — было прямо непостижимо, что это было только сегодня после полудня. Я чувствовала себя, как будто постарела на сто лет. Все мое тело было напряженным и все дрожало. Я легко подула на клей, чтобы ускорить высыхание, и затем обмотала руку Колина бинтом. Пока я крепила повязку, я посмотрела на него вверх. — Скажи что-нибудь, пожалуйста.

— Налей.

— Что-нибудь другое, — тем не менее налила. — Мне тоже что-нибудь достанется?

— Нет.

Я так и думала.

Он почесал голову рукой.

— Я даже не знаю, где мне нужно начать. Боже мой, Мо. С тобой все хорошо?

— Мне кажется да.

— Окей. Это хорошо, — Он слегка изменил позицию на стуле и с истощенным выражением лицо положил пистолет на стол. — Может ли все это теперь иметь смысл для меня? Я имею в виду, ты очевидно застряла в куче действительно особенного дерьма, который никак не связан с Билли и предприятиям, но должно ли это вообще иметь для меня смысл?

Я слегка пожала плечами и кусала губы.

— Настало время рассказать все, ребенок.

И я сделала это. Я все ему рассказала, с самого начала, о первой ночи в переходе до предательства Евангелины. Я рассказала ему о пророчестве и Люке, хотя не вдавалась в детали. Я все раскрыла перед ним, это сильно встревожило меня, как я снова полностью отказалась. Когда я закончила, мои глаза слипались от вина, истерзанное горло едва ли могло выдать еще хоть какой-то шепот.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке?

— По большей части, — я обхватила себя руками. Мой свитер был уничтожен, и теперь, так как на мне был только один топ, мне просто не было тепло.

— Я не знаю, как должен защищать тебя от этого, — сказал он. — Мы можем отвезти тебя в другое место? Так что ты смогла бы начать все заново? У Билли много контактов в Бостоне. Возможно в Портланд? В Портланде хорошо.

— Я не перееду в Портланд, — сказала я. — Кроме того, теперь я никак не связана с этим.

— Ты могла бы умереть сегодня ночью, Мо. Когда я вошел в комнату, ты выглядела передо мной, как проклятый римский свет, так сильно ты светила. Я мог рассмотреть твои кости. И весь тот свет, который танцевал вокруг, и есть эти штуки...

— Бугимены.

— Именно. Она шли прямо на тебя, и я не мог думать ни о чем другом, как о том, что они прибьют тебя, прежде чем доберусь до тебя.

— Мне очень жаль, — прошептала я и начала так интенсивно дрожать, что у меня застучали зубы.

— Он встал и достал толстое, кремового цвета шерстяное одеяло со спинки дивана. — Вот.

Я накинула его себе на плечи, благодарная за тепло, и подперла руками подбородок. Он снова сел и внимательно рассматривал меня, но я не могла посмотреть ему в глаза.

— Ковальски умер, — сказала я, не способная унять дрожь в голосе.

— Да.

Вода. стакан воды успокоил бы мое горло и спас бы меня от того, чтобы видеть выражение лица Колина. Я пошла к мойке и повернула водопроводный кран, причем я еще сильнее закуталась в одеяло. — У него дочь моего возраста. Ты знал об этом?

— Я не знал этого.

Я попыталась вспомнить, что Ковальски рассказывал мне о ней. — Дженни, — сказала я наконец. — Ее зовут Дженни.

Колин молчал некоторое время и затем объяснил. — Это чего-то стоит, что он пытался

тебя защитить, Мо. Это честно.

Слабое утешение для Дженни. Я облокотилась на гранитную панель стойки и опустила голову на кухонный шкаф.

— Возможно. Большинство людей, которые говорят, что хотят меня защитить, пытаются врать из лучших побуждений. Как моя семья. Или Люк. Или даже Верити. Ты уже заметил это?

Отвечал он осторожно.

— Возможно, что твоей семье приходилось врать из-за больших интересов, чем другим.

— Происходят ужасные вещи, когда кто-то пытается меня защитить. Верити пыталась и лишилась жизни. Ковальски тоже пытался и тоже пожертвовал жизнью. Бугимены убили бы и тебя, — я подумала о Люке, который вытащил меня до того, как чистая магия смогла меня поглотить. — Ужасные вещи, — повторила я и перевела взгляд с потолка комнаты на его лицо. — И это твоя работа. Ты стрелял.

Он впервые улыбнулся за эту ночь, встал, прошел через всю комнату ко мне. — Мы же уже обсудили это. Ты не можешь стрелять.

— Я уже делала это.

— Билли...

— Билли больше не может принимать за меня решение. Никогда не было заказа на мое убийство. Больше я не важна для Евангелины, итак больше нет никакой угрозы.

— В этом я не был бы так уверен, — сказал он, нахмутив лоб.

Я отмахнулась. — Тебе не нужно быть рядом со мной.

Он положил руки на кухонную плиту. — Но мне нравится быть рядом с тобой, поэтому заканчивай с этим. Я никуда не уйду.

Между нами повисла тишина. Голова казалась парящей и оторванной. Колин не жаловался, когда я наклонилась вперед и устроила голову у него на плече; он только обнял меня теплой, сильной рукой. От него пахло мылом, кедром и шерстяным одеялом. Это было бы спокойно, если бы картинки прошлой ночи все еще не крутились у меня в голове.

— Итак... если этот Люк говорил о конце света, он действительно имел в виду апокалипсис.

— Под девизом «Это наша последняя ночь на земле»?

— Приблизительно так.

Я выпрямилась. — Это... неясно. Пророчество гласит, что все неподготовленные станут пылью, если никто не сможет остановить поток.

Он приподнял бровь. — Это звучит как конец времен.

— Я знаю. Для людей как мы... все зависит от того, как близко мы находимся к линиям. Для людей Люка... это хуже, совершенно неважно, где они оказались, — мой живот стянуло от этой мысли.

— И тебе нужно следовать связи?

— Нет. Это была участь Верити. Я была только временным решением.

Его интонация стала острее. — Ты не временное решение.

— Я не то имело в виду.

Он сделал шаг ближе ко мне, и ярость заставила его глаза потемнеть. — О да. Ты рассказала Люку, что ты готова сегодня умереть. Я слышал, как ты говорила это.

— Я имела в виду...

— Я совершенно точно знаю, что ты имела в виду. И я знаю, как близка ты была к

этому, — он схватил меня за руку и резко встряхнул. — Никогда не делай это снова, иначе я убью тебя собственноручно. Полагаешь ли ты, что Верити хотела, чтобы ты умерла ради нее?

«Беги, Мо!»

— Нет, — мой голос звучал жалко робким.

— Ты думаешь, Люк хотел этого? Он спас твою задницу, Мо. Я не доверяю ему. Я не доверяю ему, и я также не буду размазан по земле, если этот поток, о котором ты постоянно говоришь, зажарит его как курочку в KFC, но когда у него был выбор спасти тебя или последовать за кольцом и Евангелиной, он выбрал тебя.

— Он даже не смотрит на меня, — тихо произнесла я. — Не правильно.

Колин сжал губы и отпустил меня. — Возможно. Возможно нет. Если нет, тогда что-то ускользает от него. Я знаю, что я вижу, когда смотрю на тебя.

— Что?

— Кого-то исключительного.

Я покачала головой, а он слегка улыбнулся. — Я понимаю, каково это, тосковать по спокойной жизни. Я в ее поисках с тех пор, как мне было одиннадцать, а здесь... — он показать на остальной дом. — Но никогда не приближался к ней ближе чем вот это. Поэтому я понимаю это гораздо лучше, чем ты можешь себе представить. Но иногда, Мо... иногда ты просто сияешь, и это никак не связано с магией или пророчествами. Это просто ты. Я хотел бы, чтобы ты могла это увидеть.

Я прижала ладони к глазам, и он с недоверием спросил: — Ты там плачешь?

— Нет, я прижала их сильнее. Это ничего не дало.

— Заканчивай уже, ребенок. Почему ты плачешь?

— Я не плачу, — сказала я, но он убрал мои руки от лица. — И прекрати называть меня «ребенок». Я ненавижу, когда ты так делаешь.

— Да, — тихо сказала я. — Мне действительно стоит заканчивать с этим.

Он мягко провел большим пальцем у меня под ресницами, убирая слезы, до того как они упали, и медленно очертил контур моего подбородка.

Я прижала ладонь к его груди. Тепло его тело, которое проникало даже через хлопковую футболку, шокировало, и я могла почувствовать, как бьется его сердце; секунды тянулись невыносимо долго. одеяло соскользнуло на пол, и он закрыл глаза на довольно долгое время.

— Мо? — его рука опустилась, остановившись у меня на плече так, что один палец скользнул под бретельку моего топа.

Мир мог погибнуть, но Колин выглядел спокойным, уверенным и живым всего в сантиметре от меня, и внезапно мне показалось, что это самая лучшая идея.

— Это больно? — прошептала я и прикоснулась к бинту на его руке.

— Нет, — другая его рука обняла меня вокруг бедер, прижав меня к стойке.

— Хорошо, я потянулась к нему, совсем немного, и он резко втянул воздух, накручивая бретельку вокруг пальца, натянул ее и притянул меня ближе к себе.

— Мо, — предупреждающие повторил он.

— Скажи мне, что я должна прекратить.

Он покачал головой, короткое движение отрицания, и поцеловать его было самым простым в мире, поэтому мои губы слегка прижались к его. Он затих. Я немного отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза, которые, темные и сверкающие как ночное озеро, искали что-то незнаком у меня на лице.

— Скажи мне, что я должна прекратить, — попросила я еще раз, наклоняясь вперед, и на этот раз он поступил также. Его рука переместилась мне на спину.

Это не было похоже на поцелуй с Люком. Что-то более стабильное и простое. На вкус Колин был безупречным с ноткой пряности, и я почувствовала, как полностью поддалась желанию. Он придвинулся ближе, крепче прижав меня к своей крепкой, широкой груди; жар его кожи обжигал меня даже через ткань. Я потянула край его футболки, и он перестал меня целовать лишь для того, чтобы стянуть ее через голову и бросить на журнальный столик перед диваном. Он остановился, посмотрел на меня, затем сдвинул лямку майки так, что плечо обнажилось, и медленно провел по шее кончиками пальцев. Я наклонилась вперед, чтобы поцеловать его сразу же возникло ощущение, что в крови едва ли остался кислород.

Его волосы были мягче чем выглядели, он носил такую короткую стрижку, от чего мне казалось, что они жесткие и щетинистые, но те оказались мягкими как пух, и я провела по ним рукой, затем по широкой спине, испугавшись, наткнувшись там на шрамы.

Его зубы коснулись моей ключицы, я жалобно застонала и накрыла его рот своим, упиваясь его вкусом, как концом лета, совершенный свет и жара, и медленное горение. Кончики моих пальцев сомкнулись вокруг его пряжки на ремне, и вдруг он подскочил; его руки сомкнулись вокруг меня как клетка, в то время как он быстро и тяжело дышал.

— Что?

Он прислонил свой лоб к моему и закрыл глаза.

— Нам нужно остановиться.

— Что? Почему? Я же не серьезно говорила об этом ранее.

— Я знаю. Но так нужно, — он поправил бретельку моего топа и разгладил волосы.

— Почему? — я страстно желала, чтобы одеяло снова было бы на мне, тогда я бы спряталась под ним от его слов.

— Послушай, было бы классно вместе упасть в кровать, но это не заставит исчезнуть все остальное.

Под всем остальным он имел в виду Люка. Невероятно, как этот парень смог разрушить все, даже не присутствуя в комнате. — Ты говоришь нет.

— Это сложно. Все, что касается тебя, сложно. Твой старик и твой дядя, ты и Верити и Люк и Магия. Я не уверен, что есть способ избежать всего этого.

«Я не заплачу. Я не заплачу.» Вместо этого я так сильно прикусила язык, что почувствовала металлический привкус во рту. — Отлично, что ты собираешь самый легкий способ сбежать, Колин. Это самые мерзкие причины.

Он устало кивнул.

— Возможно. Но даже, если бы их не было, я все равно сказал бы нет.

Я отвернулась.

— Вау. Спасибо за то, что сообщил это в такой деликатной манере.

Он снова подошел ко мне, взял меня за запястья и крепко сжал. Я смотрела на гранит у меня под ногами и как сумасшедшая пыталась выглядеть злой, а не униженной. Он наклонился ко мне, и его голос щекотал мне кожу.

— Я же тебе сказал. Ты сложная. Мне не нравится ничего сложного, Мо. Мне не нравятся отношения. Я предпочитаю что-то простое и без обязательств, а с тобой в придачу появляется больше обязательств чем с проклятой клятвой на крови. И самое страшное, что меня это не волнует.

— Тогда в чем проблема?

— Посмотри на меня.

Прошла вечность. Сложилось ощущение, словно звезды сгорели и переродились заново, прежде чем я смогла набраться сил для этого. Когда мне, наконец, удалось повернуть голову, его рот находился всего в сантиметре от моего, глаза черные как обсидиан, и наше дыхание смешалось, когда он произнес каждое слово медленно и четко как обещание:

— Я не буду твоим козлом отпущения, — я попыталась протестовать, но он перебил меня. — Для этого тебе стоит поискать кого-то другого. Реши, что происходит между тобой и Люком. Реши, чего ты хочешь, не только от меня, а от своей жизни. Если ты сделаешь это, не раньше, мы сможем обговорить остальное, — он отпустил мои руки и отступил назад. — Поняла?

Я кивнула, так как не доверяла своему голосу.

— Между нами все в порядке?

Я снова кивнула. Возможно когда-нибудь, если я сделаю, будто бы это правда, то это и станет правдой. Когда-нибудь.

— Хорошую «Скажи мне, что я должна прекратить», — передразнил он меня и вздрогнул, когда снова одевал футболку. — Господи Боже. Я же знал, что ты стала бы искушением.

Я ждала, пока он пересечет комнату, тем самым выиграв момент, чтобы разложить мысли по полкам. — Что теперь?

— Теперь я отвезу тебя домой.

— Нет! Пожалуйста, Колин. Я не могу, не после всего, что случилось с Билли, а потом с Ковальски... Я просто не смогу быть нормальной. Не сегодня ночью.

Он вздохнул и в ожидании посмотрел на меня.

Я громко вздохнула. — Можно я останусь здесь? Только на одну ночь? Я посплю на диване, ты даже не заметишь меня.

— Только на сегодняшнюю ночь, — сказал он криво улыбаясь. — и я сплю на диване.

Я лежала одна в центре кровати Колина, и все болело от истощения и воспоминаний. Каждый раз, когда глаза начинали слипаться, я падала в зияющую глотку чистой магии, видела, как Ковальски подбросило в воздух, как бугимены кишели возле водокачки, и пугающую пустоту на лице Люка, в то время как мы смотрели как все сгорает дотла. Когда через высокое окно спальни проникли первые оттенки сумерек с розовым оттенком, я проскользнула назад в гостиную.

Колин не спал. Он смотрел на угасающие угли в печи и выглядел так, как будто его сны были такими же отвратительными.

— Я позвонил Билли, — сказал он и выпрямился. — Твоя мама в адской панике, но он позаботится о ней.

— Что ты ему сказал?

Он выглядел немного неловко.

— Я сказал, что ты погрузилась в это мятежное подростковое дерьмо и что было бы лучше, оставить вещи как они есть.

Я хотела возразить, и он пожал плечами. — Мы не можем сказать ему правду. Хотя ему и не нравится все это, он понимает. Он успокоит твою маму. Это самое лучшее, что мы можем сделать на данный момент.

Я не знала, что должна добавить.

— Иди сюда, — сказал он.

Я свернулась на диване рядом с ним и уснула, чувствуя, как его рука гладит мои волосы. Было уже совсем светло, когда я проснулась. Рука Колина все еще крепко обнимала меня. Я села, и он подскочил на диване; одной рукой он держал меня за запястье, пока он осматривал комнату.

— Мне нужно в школу, — сказала я, стараясь звучать так, словно все нормально.

Он внимательно посмотрел на меня. — Ты чувствуешь, что готова к этому?

Вообще не готова. — Что еще мне делать?

— Тебе надо заскочить домой? Взять вещи?

— Э-э... конечно, — молчание угнетало, пока он не толкнул меня плечом.

— Между нами же все хорошо?

— Конечно, — как я говорила ранее, — что еще мне оставалось сказать?

Мы не разговаривали; неприятное молчание длилось всю дорогу до моего дома, где я переоделась в чистую школьную форму и собрала книги. Иногда один из нас начинал говорить, но затем снова погружался в тишину. Не было безобидных тем для разговора, и ни у кого из нас не было сил, чтобы обсудить то, действительно нуждалось в обсуждении.

Наконец в квартале от школы Колин заговорил: — Ты же не исчезнешь просто так, или? — спросил он. — Не сбежишь просто так?

— Никаких исчезновений, — подтвердила я.

Он припарковал грузовик и пошел к пассажирской двери, чтобы открыть мне дверь.

— Спасибо, — сказала я, пока он помогал мне выйти.

— Мо, — я попыталась уйти, потому что не хотела слышать о его причинах и сожалениях, но он не отпустил меня так просто. — Мы урегулируем это. Обещаю тебе.

Если бы я открыла рот, из него вылетело бы что-то глупое, поэтому я ничего не

ответила. Он едва прикоснулся поцелуем к моему лбу, так легко, что мне было страшно, что это только сон.

Я сделал шаг назад, и он подарил мне натянутую улыбку. — Ничего не случилось. Делай, что всегда, когда ходишь в школу.

Я закинула сумку и пошла, пытаюсь собраться с мыслями, которые в беспорядке толпились у меня в голове. Горе и чувство вины из-за смерти Ковальски и моей неспособности удерживать линии. Злость на Евангелину за то, что предала всех нас. Я не добилась справедливости, которую обещала для Верити, и все это сжигало меня глубоко внутри. Зияющая боль из-за Люка, но которую я кажется победила. Я прикоснулась кончиками пальцев к губам как раз в тот момент, когда под моей кожей вспыхнула невидимая линия.

Я споткнулась, но мне удалось удержаться за железные перила лестницы.

В шести метрах от меня стоял Люк, облокотившись на одну из входных дверей.

Мне пришлось собрать все последние крохи своей гордости, которые еще остались, чтобы не развернуться и не убежать, к Колину, или на другую дорогу в школу, или на край земли. Эта попытка вызвала головокружение. Вместо этого я расправила плечи и продолжила подниматься по широким каменным ступеням мимо него.

— Это было так по-домашнему, — сказал он, его голос хлестал как кнут. — Тебе понадобилось совсем немного времени, чтобы найти замену, да?

Я вздрогнула: — Перестань, Люк. Мы все решили.

Он похлопал меня по предплечью. — А вот это говорит об обратном.

Я отдернула запястье, как будто оно горело, и он потерял место на своем предплечье, где нас соединяла цепь.

— Начался потоп, — сказал он. — Прогрессирует он медленно, пока всего несколько дыр, но он усиливается.

Он выглядел таким же затравленным, как в ту ночь в больнице, когда взял меня с собой к Верити. Теперь я понимала, не иметь возможности остановить потоп, значило для него больше чем смерть подруги. Это значило, что весь его мир был разрушен до неузнаваемости, а цель всей его жизни рассыпалась в пыль. Вероятно, он бы выжил, но я не была уверена, действительно ли он хотел бы выжить.

— Мне жаль, — это было все, что я могла ему предложить и этого было не достаточно. — За все. Но я не могу тебе помочь.

— Ты все еще сосуд, — сказал он. — Нравится ли тебе или нет, сейчас ты избранная. Мы могли бы попробовать...

— Я больше не могу пытаться быть ею, — сказала я. — Это убьет меня, Люк, также как это сделала бы магия.

Он начал говорить, но Лена мчалась к нам и остановилась всего в нескольких сантиметрах. Она приветствовала его явным благосклонным кивком. — Эй! Загадочный тип! Теперь мне все ясно!

— Он не...

— Все равно. Можно с тобой поговорить?

Было проще поболтать с Леной, чем сказать пока, и когда я осмотрелась, Люк исчез.

— Что? — спросила я, когда она неслась по коридору как торнадо. — Лена, расслабься!

— Ты шутишь? Ты хоть как-то представляешь, что ты упустила?

— Вообще-то нет.

— Твоя судьба, Мо. Она стоит и ждет тебя.

— Что? — я уронила сумку, и Лена протянула ее мне снова и потащила дальше по коридору.

— Эй? Представительница Нью-Йоркского Университета? Она только что вошла, а тебя снова нигде не найти? Парень конечно сексуален, но теперь дальше по тексту! — ее взгляд стал мрачным, и я наконец поняла, что она хотела сказать.

— День посещений.

— Что с тобой случилось? — свирепо прошептала она. — Я стою перед учительской и Джилл МакАллистер заходит внутрь, с явным намерением поговорить с представительницей. Она там внутри и производит довольно хорошее впечатление. Мо, а ты выглядишь как кто-то, кому совершенно безразлично. Она крадет твое место!

— Как я выгляжу? — мы остановились на углу перед учительской. Я безрезультатно поправила волосы и пожелала, чтобы на мне была красивая обувь, а не изношенные кеды.

Лена поджала губы. — Мне быть честной? Сделай очень мимолетное замечание о том, что допоздна работала над школьной газетой. Тогда ты все еще выглядишь неряшливо, но по крайней мере по уважительной причине.

— Как выглядит Джилл?

— Как кто-то с фотографии на резюме.

— Ну отлично, — я сделала глубокий вдох. За последние двадцать четыре часа я столкнулась лоб в лоб с мафией и бугименами. Я окунулась в магию и выжила. Я бросилась на шею Колину и пережила это. Я повернулась спиной к потоку и Люку. А значит я все еще определенно была способна поговорить с представительницей университета.

Сестра Донна расставляла изящные фарфоровые чашки, которые были наполненные дымящимся чаем с бергамотом. Джилл уже сидела на стуле и выглядела такой бодрой и образцовой, как Лена и рассказывала. Она излучала хорошее здоровье, усердие в работе и ценное социальное осознание своего долга, в то время как я выглядела как что-то среднее между Мортицией Адамс и Люсиллой Бол, только менее в своем уме.

— Расскажи мне о твоём лете, Мо, — попросила представительница университета.

Сестра Донна почти уронила чайник, а Джилл улыбнулась за чашкой.

— У нас у всех несколько тяжелых месяцев позади, — вмешалась сестра Донна. — Мы потеряли члена семьи Святой Бриджит, хорошая подруга Мо...

Чтобы вылить сразу все, я сказала: — Ее убили.

Представительница беспомощно подняла руку. — Мои искренние соболезнования! Что за страшная потеря.

Джилл покачала головой, изобразив на лице скорбь. — Верити была чудесным человеком. Эта трагедия стала ударом для нас всех, но я верю, что тем самым она и мотивировала нас. То, что мы потеряли, не воспринимать каждый день как должное, не обращать внимание на мелкие заботы и стараться использовать весь наш потенциал. Ты так не считаешь, Мо?

Какой стыд, что под Джилл не было магического раскола, который мог бы поглотить ее. — Абсолютно, — пробормотала я и сделала еще несколько глотков чая.

К чести представительницы она сказала, что сделала еще попытку. — Как вы обе знаете, ваше решение подать документы раньше, указывает на то, что Нью-Йоркский Университет стал ваш первым выбором. Что привлекло вас в нашем университете?

Джилл не могла упустить шанс. — Ну, конечно же великолепные, академические

отзывы о вас, а также то, что для вас так важно разнообразие. Так как я выросла в центре города, для меня это очень много значит. Кроме того я думаю, что у вас есть гармоничное соотношение между ресурсами, которое может предоставить крупный университет, и личным, персональным опытом на небольших семинарах.

Она что, спрятала брошюру в рукаве? Или заранее видела список вопросов? У меня не было шансов против Джилл и ее полном пакете совместного обучения.

— Боже, Джилл, — сказала я и напустила так много дружелюбия, сколько только смогла, — ты перечислила все самое важное. Высококачественное образование, отличное местоположение... Что можно было бы еще желать?

— Джилл отметила, что собирается изучать медицину, Если я правильно поняла, ты интересуешься естественными науками, Мо?

Наконец-то вопрос, на который я могла ответить не попав на минное поле. — Скорее всего биохимию. Мне очень нравится работать в лаборатории, и я знаю, что у вас как раз открылся новый институт. Учиться там, действительно было бы привилегией, — сказала я и попыталась произвести впечатление надежной, прилежной и способной выудить снова всех аспирантов, упавших в колодец.

— Ну, мы знаем о твоей энтузиазме. Ты из семьи ученых?

— Нет, я была бы первой, — надеюсь, что она не заметила мои сильно сжатые зубы и язвительную улыбку Джилл.

— Я считаю дискуссии о том, что дано от природы и что выучено, очень интересными, — сказала она. — Как вы относитесь к подобным дебатам? Есть что-то, что вы унаследовали от вашей семьи, что делает вас действительно..., ну вы понимаете... личностью, которой вы являетесь?

Лицо сестры Донны слегка позеленело.

— О, я предоставлю тебе преимущество, Мо, — сказала Джилл. — Я же не хочу перетянуть весь разговор на себя.

— Вау, Джилл, спасибо. Ты такая внимательная, — я отставила чушку чая. — Я многое унаследовала от своей семьи. Внешне похожа на папу, но такая же застенчивая как мама. Частично это вызвано генетикой, с другой стороны влияние окружающей среды, — а некоторые вещи высмеивали любое описание, Верити была выбрана сосудом и ей удалось передать эту функцию мне. — Но в конечном итоге это не играет никакой роли. Я думаю, что нужно принимать себя такой какая есть и в том числе, каким образом пришел к этому. Воспринять это без оговорок и колебаний. Потому что, если принимать все как есть, тогда больше не останется границ. Это источник силы.

То, что я услышала свои собственные слова со стороны в виде рекламного ролика, привело к тому, что я поняла их лучше. Борьба против моей семьи и потока, сделало все только хуже. Если бы я просто могла принять свою роль — в семье и предназначении — тогда возможно Хаос прошел мимо меня, и я наконец-то получила бы возможность вести жизнь, которая делала бы меня счастливой.

— Сейчас мне нужно идти, — я встала, совершенно внезапно спеша уйти. — Было очень приятно познакомиться с вами, — я говорила бессмыслицу и отодвинула стул, пожимая руку представительницы и продвигаясь к двери. — Нью-Йоркский Университет великолепен, это университет моей мечты, всегда им был, — и я думаю, что была бы отличным приобретением для студенчества. Большое спасибо, что нашли время встретиться со мной.

Она озадаченно откинулась на спинку стула. Вероятно, не многие переполненные надеждой кандидаты сбегали посреди интервью.

— Мо, комитет по досрочному зачислению встречается уже через пару недель. В этом году я только один раз посещаю школу Святой Бриджит. Ты уверена, что хочешь уйти?

Было ясно, что она хотела этим сказать. Если бы я ушла, отказалась бы я насовсем от шанса для досрочного приема и, возможно, от самого Нью-Йоркского Университета вообще. Но если бы я нарушила обещание, которое я дала Верити, тогда я бы никогда не смогла поехать в Нью-Йорк, собственно, если бы меня приняли.

— Поверьте мне, я бы очень хотела остаться. Но есть кое-что, что мне нужно уладить, и это не может подождать. Еще раз большое спасибо!

— Мо! — сказала сестра Донна и поспешила следом за мной. — Ради всего святого, дитя, что ты делаешь?

Джилл улыбнулась и помахала кончиками пальцев. — Увидимся, Мо. Было весело!

Часовня школы Святой Бриджит было отдельным зданием, маленькое, каменное строение всего в половине квартала от самой школы. Внутри было тихо и холодно, а чаще всего пустой, так как ее резервировали для определенной службы — идеальное укрытие. Я побежала туда, нащупала мобильник в сумке и пожелала, увеличить еще больше расстояние между мной и школой. Это было только вопросом времени, пока из школы позвонят маме — а мама Колину.

В воздухе внутри висел запах воска смешанного с благовониями, и я опустилась на первую же скамью.

Прошло достаточно много времени с тех пор, как я просила о чем-то большем, чем о хорошей отметке за контрольную, и еще дольше мои молитвы оставались не услышанными, а потому я не могла подобрать правильные слова — просто сидела на скамье в церкви, гладкое, потертое дерево под ладонями, и умоляла о времени, надежде и о приличной дозе чуда.

Затем я достала мобильный и позвонила Люку. — Ты же можешь меня найти благодаря нашей связи?

— Конечно, — сказал он. — Где угодно.

— Тогда найди меня.

Я откинулась назад, чтобы подождать. Руки на коленях вздрагивали, мой взгляд остановился на куске ткани, укрывающей алтарь. Через мгновение позади меня послышались шаги.

— Мне стоило предусмотреть это, — сказал Колин. Я развернулась и уперлась локтями в спинку скамейки. — Ты хоть раз делала то, что я говорил? Хоть один единственный раз?

— Как...

— Ты думала я оставил бы тебя и уехал? После всего, что произошло? Магия или нет, дело еще не закончено, еще далеко до этого, — он осмотрелся в часовне, засунув большие пальцы в петли для пояса, осознанно небрежно в маленькую церковную шкатулку. — Ты надеешься на чудо, Мо?

— Возможно, — я встала и подошла к небольшой металлической стойке, заполненной красными стаканчиками с молитвенными свечами. — Я должна вернуться. Чтобы довести все до конца.

Он последовал за мной и его рука сомкнулась вокруг моей, когда я подошла длинную лучину и держала ее над еще не зажженной свечой. — Что изменилось? — спросил он,

когда пламя переместилось на фитиль.

— Я. Речь не о Верити. Даже не о Люке. Так правильно.

— Для нее.

— Для меня, — я отвернулась от мерцающего света, и он крепко держал меня за руку. — Как ты уже сказал, речь идет о силе. У кого она есть, кто желает ее и от кого она ускользает. Билли и мой отец уничтожили нас, чтобы заполучить власть. Теперь начнем сначала. Он принес бы меня в жертву только, чтобы подняться или получить большой кусок.

Колин нахмурил лоб. Я видела, что он хотел возразить, но не мог. — Итак речь о Билли?

— Дело в равновесии. Серафимы верят, что они, если начнется поток, способный управлять всем хаосом магии, и кто знает, что они собираются с этим сделать? Но это просто не может принести ничего хорошего. Что может быть хорошего, если вся сила сосредоточится у кого-то одного. Это разрушительно. Я не могу просто смотреть и позволить этому случиться.

— Это слишком опасно.

— На этот раз я буду сильнее. Я буду лучше. Ты не сможешь меня остановить, Колин.

Его лицо приняло решительное, упрямое выражение лица. — Хорошо. Я иду с тобой.

Появление Люка сопровождалось звуком рвущейся ткани. Его взгляд хладнокровно скользнул по Колину, чья рука все еще была переплетена с моей.

— Я слегка занят, Мышка, — произнес он, и я смогла рассмотреть складки, которые оставили забота и истощение. — Разве ты уже не сказала все, что хотела?

— Перенеси меня назад в Храм, — ответила я. — Сейчас.

Он прищурил глаза, а рот стал тонкой линией. — Ни при каких обстоятельствах. Храм нестабилен. Он не продержится долго.

— Поэтому мне и нужно туда.

— Слишком поздно. Евангелина права, ты больше не сможешь остановить поток.

— Зачем тогда она забрала кольцо? — его брови слегка приподнялись — я привлекла его внимание и быстрее продолжила говорить:

— Если действительно слишком поздно, ей было бы плевать на кольцо, потому что не играло бы никакой роли, есть ли у меня еще доступ к линиям. Но она хотела быть полностью уверенной, что у меня его больше не будет, не так ли?

— Именно. Ты не можешь добраться до магии. Нет ничего, что ты можешь сделать.

— Храм наполнен чистой магией. В колоннах. Я могу сделать это там.

— Мышка, это убьет тебя, — я видела, как он боролся с собой, когда понял, что возможно я права — и какую цену придется заплатить. Напротив моя решимость только усиливалась, глядя на то, как он борется с собой.

— Этого не случится, — сказала я излучая уверенность, которой на самом деле не было. Пока. — А ты будешь защищать меня. Мы же все еще связаны друг с другом, не так ли? То, что я потеряла кольцо, ничего же не изменило. Я доверяю тебе.

— Я нет, — сказал Колин и встал между нами. — Если ты перенесешь ее туда, то возьмешь меня с собой.

Люк бросил на него совершенно ничего не значащий взгляд. — И что же ты собираешься делать, Куджо? Стрелять в магию? Смотреть на нее вот так, нахмутив лоб?

— Твой мир и вся эта магия мне до одного места. Мне важна Мо. Если она верит, что должна сделать это, хорошо. Тогда мы сделаем это. Но я пойду тоже, или она останется дома.

Люк пожал плечами. — Пока ты не стоишь у меня на пути. У меня не будет времени играть няньку.

— Замечательно, — сказала я и почувствовала, что меня придавливает от всего этого тестостерона в комнате. Я просто хотела воплотить свой план в жизнь. — Идем.

Полированный, каменный пол храма связи покрылся трещинами и раскололся. Раствор в стенах превратился в песок и ссыпался в кучки вниз. Казалось сам воздух накалялся от магии и словно разъяренный бросался на меня. На короткое мгновение он показался мне разумным существом. Но, когда я увидела первую арку, через которую проникал яркий ослепительный свет, я забыла обо всех магических теориях. Я думала, что мне придется разбиться в правилах магии, но теперь оказалось, что мне просто придется передвигаться на ощупь.

— Я не знаю, сколько у нас времени, — громко крикнул Люк, чтобы его было слышно несмотря на шум вокруг. Каждый раз, если открывалась новая трещина, раздавался звук, словно рвут шелковую ткань, хлесткое, дрожащее, высокое жужжание, и очередная часть башни превращалась в облако пыли.

Люк указал на одну из все больше расширяющихся трещин на полу. Она уже почти добралась до одного из столбов арки входа. Каждые несколько секунд края немного расширились и она продвигалась дальше.

— Ты уверена, что готова? Ты не обязана делать это.

— Готова, — ответила я и прошла мимо него.

— Мо, — сказал Колин рядом со мной так тихо, что я едва смогла расслышать его слова. — Пожалуйста, не надо.

— Я делаю это добровольно. Тебе придется принять это, — сказала я ему.

Он угрюмо посмотрел вниз, но кивнул, чтобы показать, что понял. Я прикусила губу, чтобы сконцентрироваться опустилась на колени и погрузила руку в трещину.

Магия сразу же атаковала меня и отбросила меня в стену. Я медленно поднялась на четвереньки и вытерла струйку крови под носом. Колин поспешил ко мне и помог встать на ноги. Люк был прав — когда все четыре элемента объединяются, их сила росла экспоненциально. Она звучала в моей голове, словно приглушенные колокола, и я попыталась еще раз, осторожно продвигаясь по надежным тропам. Я хваталась за магию Люка в слабых местах и безуспешно пыталась усилить ее бесполезными голыми пальцами.

Люк кивнул Колину. — Здесь слишком жарко для тебя, — коротко сказал он и нежно положил руку на мое плечо.

Позади нас послышался грохот, и у меня пошла голова кругом, когда зазвучал еще один голос: — Серьезно, Люк?

— Евангелина, разве ты не должна быть занята сейчас полировкой рукоятки от своей метлы? — его пальцы скользнули к моему затылку. Сквозь нашу связь потекла сильная и чистая магия, тяжелая словно золото по моим венам.

— Это новый мир. Я хотела стать свидетельницей того, как эта комната канет в лету, — Она огляделась в разрушающейся башни и вызывающе улыбнулась. — Связь. Одна только мысль, что необходимо смешать силу с чужими линиями! Это привело к падению нашего народа. Дома должны держаться обособленно. Отношения со смертными запрещены. Это стоило нашей силы... талантов, поколения без дара, появления дара без предупреждения, как уличный кот из приюта. И кто же твоя причина спора, Люсьен? Жалкий! Надругательство земли над нашим миром. Мне доставит удовольствие посмотреть на вашу неудачу.

Я поспешно работала, пока она бормотала что-то себе под нос со сверкающей злобой

глазами и ее мягкие белые щеки поспешно краснели.

— Злорадство старит тебя, — сказал ей Люк.

Она выпучила на него глаза, затем ее глаза стали ледяными, когда она снова совладала с собой.

— Меня не удивляет, что ты готов рискнуть жизнью девушки, — сладко произнесла она. — Для тебя предсказание всегда было важнее всего и каждого, также как и для твоего отца. Нет никаких причин предполагать, что с простой смертной будет по другому. Как, ради всего святого, ты смог уговорить ее снова прийти сюда? Она даже не может оставаться в сознании.

— Она также находится здесь, — сказала она. — Прекратите делать вид, словно я невидимая.

— Но ты так хороша в этом, — прежде чем я успела среагировать, она размахнулась своим посохом и ударила меня в грудь. Я упала рядом с подножием врат всего в сантиметре от расщелины.

— Мо! — Колин бросился ко мне и перепрыгнул через расщелину, пока Люк вытаскивал меч и посылал в Евангелину магический луч. — Ты попыталась. Теперь уходим.

— Со мной все хорошо, — проямлила я и посмотрела вверх на светящийся столб. — Я так близко, Колин. Я могу справиться.

Он помог мне подняться на ноги.

— Это не стоит того.

Я прикоснулась к его лицу, вырезая в памяти воспоминания о его небритой щеки. — Стоит. Я обещала. Неужели я должна пожертвовать остальными только, чтобы остаться целой самой?

Он запустил пальцы мне в волосы, приподнял мое лицо и поцелова, словно я была сделана из стекла. Я также постаралась запомнить это, я хотела сохранить это навсегда. Но все так быстро закончилось, и он осмотрелся, оценивая ситуацию.

— Тебе нужен Люк? — спросил он. Позади него жестоко сражались друг с другом Люк и Евангелина. Магия их оружий наполнила воздух и смешивалась со вспышками из расщелины.

— Что?

— Чтобы справиться с этим, он же нужен тебе, не так ли?

Я покачала головой, но Колин не видел этого. Вместо этого он вытащил пистолет и выстрелил в Евангелину. Пуля попала ей в живот.

Она закричала и направила посох на Колина: сине-черная магия отбросила его от меня с тошнотворно громким грохотом.

Я закричала и бросилась к Колину. Я сбросила линию магии, исходившую из расщелины; напряжение сжало мои легкие. — Нет.

Платье Евангелины пропиталось кровью, она прижала руку к ране. Синий жар распространялся также быстро как и красное пятно. Она исцеляла саму себя. Другой рукой она направила посох мне на шею.

— Хватит, Люсьен, иначе я убью ее в мгновение ока.

Люк застыл в движении. Красно-рубиновый цвет хотя все еще и мигал на его мече, но он втянул его обратно.

— Твоя дерзость завораживает, Мо. Ты смертная. Ты не более, чем жалкое подобие Верити, а ты пытаешься занять ее место здесь? Ты никогда не будешь такой как она. Ты

никогда не получишь Люсьена, не на самом деле, и у тебя нет ничего, чем ты могла бы сражаться. Ты бессильна.

Колин издал слабый звук и затем стих. Мне пришлось собрать все силы, чтобы не броситься к нему. Слезы катились по моему лицу, но я не могла позволить себе отвлекаться.

— Она права, — я медленно отошла назад под арку и к раскрывшейся бездне, маленькими, нерешительными, почти нежеланными шагами. — У меня вообще нет ничего кроме того, что дала мне Верити в переходе. Я даже не хотела этого. Но внутри жертвы таится сила, не так ли? Так Вы сказали однажды?

Глаза Люка встретились с моими, но меч все еще направлен на Евангелину.

— Мне жаль, — тихо прошептала я и заметила ужас на его лице в момент, когда он все понял.

— То, что она дала тебе, никогда не хватит, — возразила Евангелина и передвигалась по потрескавшемуся полу на ощупь раскачивающийся под ней. Я использовала то, что она отвлеклась, чтобы сделать еще один шаг назад. Четыре столба пульсировали, наполненные магией, грунт поднялся в воздухе, образуя между ними скрывающий, вибрирующий туман. Звук практически заглушил их слова. — Сейчас поток вырвется на свободу. Нет ничего, что ты могла бы сделать, чтобы остановиться это.

— Хорошо, — магия вырывалась наружу между нами словно из гейзера, и Евангелина посмотрела на меня. Ее глаза расширились, когда ее осенило. — Так как я не могу остановить поток, Евангелина. Я хочу стать его частью.

Вокруг меня обрушались врата. Я встала в центре между четырьмя выдолбленными столбами, вытянула руки и позволила дымке поглотить меня.

Башня исчезла.

Исчезло все, и весь мир накрыла такая яркая белизна, что закрытые глаза не спасали. Мгновение, промежуток между двумя ударами сердца, не было ничего кроме белизны и полнейшей тишины, а затем, словно сердце забилось снова, на меня обрушился мир, и я смотрела, как он создается заново.

Должно быть так чувствует себя бог, думало мое помутнившееся сознание. Я была везде, везде в одно и тоже время, и знала все. Я могла рассмотреть башню словно с некоторого удаления, Люка и Евангелину и Колина, они застыли, пока вокруг низ полухала магия. Я видела маму, которая вытирала стойку в баре и при этом почувствовала ее радость от того, что все налаживалось, там не менее слегка преживающую из-за меня. Я видела Билли за его столом в Черном Моргане, раздавая советы и виски и всегда следя за тем, чтобы снова занять свое место за столом. Я видела Лену в школе: Потoki силы и неуверенности наполняли ее, пока та сидела в классной комнате, и мягкий оттенок одиночества повис над ней.

Я поискала Верити. Бесконечность миров раскрылась передо мной, множество жизней и переплетающихся линий, перехватывало дыхание от их многогранности и красоты. Ее душа тоже должна была бы быть здесь. Я хотела увидеть ее в последний раз, чтобы попрощаться с ней правильно. Но хотя я и пыталась при помощи обостренных чувств найти ее по линиям, ничего не вышло. На краю линия линий лежала мягкая, плотная темнота, как бархат, и я попыталась прорваться сквозь нее, убежденная, что она была по ту сторону. Но темнота была непроходимой. Магия не перенесла бы меня туда.

Когда магия внутри меня поднялась вверх, одновременно с этим пуская ростки паники. Туман поглотил меня, выворачивая мои внутренности наружу, болезненно, как только я могла представить. Я заставляла себя дышать несмотря на мучения, и приняла в себя силу без промедления. Я возвращалась назад клетка за клеткой, меня наполняло знание обо всем, что я могла увидеть, и внезапно боль прошла. Я хотела остаться навсегда, связанная со всем, в одиночестве с линиями и магией. И я также могла сделать это. Мне было достаточно проследовать за магией к ее источнику, как по следу из хлебных крошек, затем я могла бы наблюдать за всем миром и бесконечном потоке жизни.

Я почувствовала, как что-то тащит меня назад, но проигнорировала это, чтобы насладиться силой, которая проходила сквозь меня. Еще один рывок, на этот раз более настойчивый.

Это Люк тащил меня обратно. Магия была такой притягательной, она так затянула меня, что я почти забыла о нем и о мире, который я оставила, и о задании, которое начала выполнять. Но на меня нахлынула наша связь, и я вспомнила об обещании, которое дала Верити. Пришло время его исполнить.

Я собралась, оторвалась от источника и взяла с собой магию. Вместе с магией я забрала с собой боль, не пытаясь сопротивляться и бороться, я просто канализировала всю силу, пока она не вытекла совсем, обновившись. Линии приняли ее: источник качал магию по ним, словно сердце. Моя работа была сделана. Я съезжилась, когда туман начал расходиться, возвращаясь в мое тело, я больно ударилась об потрескавшийся пол башни связи.

Я открыла глаза и увидела Евангелину, склонившуюся надо мной. Раздвоенный конец ее

посоха был направлен мне в горло. Из меня вытекли остатки чистой магии, и я с всей силы направила ее в нее. Словно огонь она стрелой метнулась к ней, слишком быстрая и слишком сильная, она бы не смогла отразить ее. Она как марианетка медленно опала на землю, нитки которой обрезали, и посох с грохотом опустился рядом с ней. Я осела на пол.

Люк подошел ко мне, на лице смешались пыль, слезы и кровь, и помог подняться. — Мышка? Что же ты сделала?

Я пыталась держать глаза открытыми, но веки были слишком тяжелыми, я слишком устала. Все знания и вся мигия исчезли. Я была пуста и истощена и боялась, что я потеряла бы сознание. Башня вокруг нас рушилась, и дикое сердцебиение Люка заполнили мой слух, когда он потряс меня, сначала мягко, затем сильнее. — Мышка? Давай уже, уходим. Маура, идем!

Наконец, я посмотрела вверх, и его расплывчатые черты начали проясняться. Менее чем в метре лежал Колин. передняя часть его рубашки была обожжена. Я протянула руку и коснулась его джинс. — Нет! — вспыхнула знакомое чувство боли, и я застонала, пока подползала к нему. — Люк, пожалуйста. Пожалуйста. Вылечи его!

Врата становились все ярче и ярче, и Люк схватил меня за руку.

— Держи его очень крепко! — охал он, и мы перепрыгнули в межмирье, когда врата взорвались и все вокруг погрузилось в темноту.

Утверждать, что мой дядя был не рад снова найти меня в больнице, равносильно тому, чтобы утверждать, что клубу Чикаго не везло на протяжении всей игры.

А его облегчение от того, что не меня положили в больницу, а Колина, длилось не долго.

Он стоял в дверях и возмущенно кричал. Доверчивый, заигрывающий шарм был давно позабыт. — Это все твоя вина! Если бы ты поступала так, как я тебе сказал... — он замолчал. За ним стояли два типа, которых я не знала, она наблюдали за коридором и подчеркнуто не слушали о чем мы разговаривали. — Я предупредил тебя, что это повлечет за собой проблемы.

— Со мной все хорошо, — ответила я и потянулась. Я пододвинула стул к кровати Колина и заснула, положив голову у его плеча, сжимая его руку. — Спасибо, что спросил.

— Расскажи мне, что произошло.

Его голос гремел в стенах небольшой комнаты, и я искала на лице Колина признаки того, что он проснулся. Благодаря обезболивающему, которое ему дали, он продолжал спать. Мускулы на затылке и спине запротестовали, когда я встрепенулась и встала. У меня не было желание дышать в пупок Билли, продолжая сидеть на неудобном пластиковом стуле.

— Это тебя не касается, — сказала я твердым голосом и совершенно не запуганным. Это казалось странным выступать против Билли. Я больше не боялась, ни его, ни тайн моей семьи. Как только страх прошел, я обрела голос. Но теперь мне хотелось применить его.

— Бессмыслица, — сказал Билли. — Ты моя племянница.

— Сейчас речь идет не обо мне, — возразила я, — и я уже сказала тебе об этом, когда Верити умерла, но ты не хотел меня слушать. Как обычно, но теперь этому конец.

— Черт, не так быстро! Из-за тебя здесь оказался мой лучший человек, и я узнаю, почему!

— Между тем с ним уже все хорошо, — Люк излечил самые тяжелые раны Колина, прежде чем перенести сюда. Время и человеческая медицина сделают остальное. — Уверена, что он будет тронут твоей заботой.

Я разгладила одеяло и погладила его руку, куда была подведена капельница. Затем я прошла через выход в коридор. Разъяренный Билли следовал за мной.

— Доннелли как кошка, — сказал он. — Он проходил и через худшее и всегда приземлялся на все четыре лапы. Джозеф Ковальски мертв.

Я уставилась на свои ногти. Они были поломанные и грязные, но мои руки совсем не дрожали. — Должно быть, это тебя очень обрадовало.

Билли указал подбородком в сторону двери, и оба вышибалы двинулись дальше по коридору. — Никаких упреков, Мо? Никакого хамства? Еще вчера ты думала, что я причина вселенского зла.

Не вселенского зла. Его было достаточно для всех. — Ты не в ответе за это, — объяснила я и почувствовала всю тяжесть того, что произошло, глубоко в костях. — Я не говорю, что ты не был бы способен на это. Но ты не делал этого.

Он слегка наклонил голову в сторону. — Кажется, тебя не удивляет это сообщение.

— В данный момент меня мало что может удивить, — я сложила руки на груди и посмотрела ему в глаза.

— Это я вижу, — он облокотился на стойку, приветливо улыбнулся проходящей мимо медсестре и вернулся к роли хорошего дядюшки. — Ах, Мо. Ты меняешься. Мир меняется. Для такого старого человека как я сложно идти в ногу со временем.

— Тогда предполагаю, что тебе не повезло.

— Слушай внимательно, — сказал он, и в его голосе снова появились металлические нотки. — Вероятно, тебе не нравятся решения, которые я принимаю, но они сослужили тебе добрую службу. Для тебя хорошая школа, безопасность для твоей матери. Этим нельзя пренебрегать.

— И все, чего мне это стоило, мой отец...

— Еще один мужчина, который принимал решения, — он сложил руки за спиной. — У нас одна проблема, Мо. Твое появление вчера в полицейском участке бросает на меня тень. Очень плохую.

Я пожалала плечами. Моя семья всю мою жизнь бросала на меня тень.

— Веришь ли ты тому или нет, есть люди, перед которыми я должен отчитаться. Люди, которые задаются вопросом, почему какая-то девчонка думает, что может перечить мне без последствий. Это создает неблагоприятную картину.

Это была слабость, в которой я нуждалась, шанс привести в действие то, что я планировала всю ночь, сидя у кровати Колина. — Скажи своему шефу, что я нервотрепка. Скажи им, что отправляешь меня в Нью-Йорк, как только закончится школа. Ты бы сделал это прямо сейчас, чтобы проучить меня, но ты не хочешь поступать так с моей мамой. Тогда ты сохранишь лицо, а я смогу поехать в Нью-Йорк. Так все получают все, чего они хотят.

Это обеспечило мне некоторое гневное успокоение, желание семьи не привлекать никакой шумихи, использовать это, чтобы убежать от них.

Казалось, Билли обдумывал это некоторое время. Затем спросил: — Почему тебе важно помочь мне сохранить лицо?

— Потому что ты известное зло, — спокойно сказала я. — Должна же вся сила куда-то оседать, или? Лучше, пусть она по прежнему будет у тебя в руках, чем позволить, завладеть этим кому-то более злему.

— Это так, — ответил он. — Мо, мне начинает казаться, что я, возможно, недооценил тебя.

— Тогда ты не первый, — я бросила еще один взгляд в комнату и увидела, как рука Колина беспокойно двигается по одеялу. — Я не хочу ничего общего с твоими магазинами. Закончим на этом.

Он поцеловал меня в щеку. — Иногда ты напоминаешь твоего отца, моя сладкая. Скажи Доннели, что он продолжает работать на меня.

Одним движением руки Билли позвал к себе охранников с другого конца коридора и вышел.

Я смотрела ему вслед, пока он не исчез из поля зрения, а я смогла свободно дышать. Мои ноги не хотели двигаться, но я смогла добраться до кровати Колина, как раз, когда он распахнул глаза.

— Хай, — сказала он и подарил мне слабую улыбку. — Ты еще живая.

— У меня же есть отличный охранник. Тебе нужно что-нибудь еще?

Он покачал головой. Я снова свернулась на стуле и была довольна тем, что могу смотреть, как опускается и поднимается его грудь.

— Что произошло? — спросил он через некоторое время.

— Я не уверена. Магия... она другая. Но на данный момент она скована, — я не упомянула Евангелину. Возможно позже.

— Ты справилась?

— Думаю да, — к глазам подступили слезы, и я схватила его за руку. — Ты напугал меня.

Он скривил лицо. — Теперь ты знаешь, каково это. Возможно ты подумаешь об этом, если в следующий раз решишь убежать прочь и спасти мир?

Я с дрожью улыбнулась. — Обязательно.

— Что с Люком? — в его голосе читалось что-то большее чем чистое волнение, и я не знала, что это значит.

— Он вылечил тебя и перенес нас сюда. Затем у него были дела.

— Ты объяснилась с ним?

Я потерела запястье. Люк ушел даже не попрощавшись, что мне показалась довольно ясным. — М...м...

Колин должно быть понял, что я не хотела говорить об этом, так как он сменил тему. — Билли?

Я скривили лицо. — Он обиделся, но он снова успокоится. Он дал понять, что я могла бы присоединиться к бизнесу семьи...

Он притянул мою руку к своим губам. — Я поговорю с ним.

— С Билли я уже все решила.

Колин снова закрыл глаза. — Вопрос только в том, закончил ли он с тобой?

— Ха-ха, — я внимательно посмотрела на него, осмотрела угловатое очертание его подбородка, его изогнутые ресницы, щетину на щеках и мозоли на руках.

— Со мной все хорошо, — сказал он немного позже, все еще с закрытыми глазами. — Почти как новенький.

Я кусала губы. — Я была очень-очень рада, что ты не умер.

— Я тоже, — он отодвинулся на узкой кровати и похлопал по матрасу. — Иди сюда, — сказал он.

Я устроилась рядом с ним и положила голову ему на плечо. — Ты сказал, это было бы слишком сложно.

— Так и было.

— А теперь?

Его голос стал тише; он говорил тоном заботливого человека, который борется со сном. — Теперь я не знаю, — его рука лежала на моем бедре. — Это же начало, или?

— Это очень хорошее начало.

— Мне стоило принести цветы, — сказала я. — Я хотела, но я забыла их. Произошло слишком много. Это ты и так вероятно знаешь.

Могилы Верити все еще была усыпана венками, хотя цветы поникли и края стали коричневыми. Если бы у меня был доступ к магии, я бы привела их в порядок. Вместо этого я опустилась на колени и отодвинула их в сторону, и смела увядшие цветы и кусочки сухих листьев.

В другой части кладбища собралось море из парадно-выходной формы семьи Ковальски, пока почетный караул устраивал салют в его честь. Выстрелы прозвучали в воздухе. Некоторое время я смотрела в ту сторону и затем снова обернулась.

— Я все еще думаю, что ты позвонишь или мы увидимся на занятии, — я вспомнила бархатную черноту, которую я почувствовала в тумане. — Глупо, да? Люк сказал, что даже у Магии есть границы, и он был прав. Он был во многом прав. Я бы сказала ему об этом, но теперь его здесь нет. Кто знает? Возможно, я никогда не увижу его снова.

Внезапно мысль оказалась болезненной, и я ненадолго закрыла глаза, вытесняя ее.

Когда я снова их открыла, Люк склонился над могилой с другой стороны. — Она все время говорила о тебе, — сказал он и положил букет чистых цветов темного индиго дельфиниумов на место, которое я освободила. — Словно я знал тебя до того, как мы вообще встретились.

— Ты ждал меня?

Один уголок его рта приподнялся. — Только на протяжении всей жизни.

— Нет! — мой тон оказался резче, чем я хотела.

— Мне очень жаль, — казалось это его действительно задело и он выпрямился и протянул руку, чтобы помочь мне. — Как ты?

— Хорошо.

— А Суджо?

— С ним тоже. Спасибо, что ты спас его, — днем ранее Колина выписали из больницы, и никто не радовался его уходу больше чем больничные персонал.

— Ты попросила меня об этом, — сказал он, пожав плечами.

Я сплела пальцы и ждала. — Это сработало, не так ли? Мы остановили поток? Все в порядке?

— На данный момент. Магия сместилась. Ты сделала что-то... Мы еще не разобрались до конца.

— Я спрашивала себя, что ты сделал бы потом. Вопрос определенно занимал тебя... — он всю свою жизнь считал, что поток будет означать конец. Как же он чувствовал себя, так как остаток его жизни освобожден от предназначения?

— У тебя определенно они тоже есть, — сказал он, пока я начала качать головой. — Ты ничего не можешь сделать с тем, что ты сосуд, — продолжил он. — У тебя еще много работы. Кроме того Серафимы просто так не исчезнут, только потому что Евангелины нет.

— Она правда умерла?

— Башня разрушена. Трудно представить, как она смогла бы выжить, даже если ее не уничтожила магия, — магия, которую я использовала против нее, смертельный удар, нанесенный мной, справедливость, к которой я всегда стремилась. Я ушла в себя, чтобы

понять, как я себя при этом чувствую. Ответ: совершенно хорошо, спасибо, что спросили.

Люк переместил свой вес. — Мы все еще связаны. Ты можешь это почувствовать?

Я сконцентрировалась и почувствовала такую родную связь, тонкую, как шелковая нить. — Я не ощущала ее с того дня в башне. Я подумала, что она возможно разорвалась.

— Не разорвалась. Просто успокоилась. Я подумал, что ты возможно хотела бы свободу в действиях, о которой мы говорили.

— Я не играю, — сказала я. — По меньшей мере не с тобой.

Он сделал шаг ко мне и обхватил рукой мое запястье. Связь начала светиться ярче и потянула меня к нему. От нахлынувших чувств меня передернуло, но я продолжала твердо стоять.

— Видишь? Я не прячусь, но этого не достаточно. Ты знаешь, что я права, — я отпрянула.

— Ты никогда не давала мне объяснить, — сказал он. — Насчет Верити.

— Все в порядке, — ответил я, хотя боль ощущалась так сильно как никогда раньше. — Тебе и не нужно.

— Я вырос с мыслью, что мне суждено быть вместе с сосудом. С того дня как мой брат умер, мне вдалбливали это в голову, как молитву Отче Наше. И должен признать, что меня не волновало это, когда Верити еще была жива. Мне было семнадцать, когда ее сила проснулась, и она была так прекрасна, что это не казалось мне тягостным обязательством. Затем она внезапно умерла и ты заняла ее место, задавала свои вопросы и постоянно вела себя дерзко, никогда не делала что нужно, и ты была...

— Тягостное обязательство? — хорошо, что мне не доступна магия. Иначе я убила бы его на месте.

— Нет! Видишь, это же... ты была той, которую я бы выбрал, даже если бы не было никакой судьбы.

Я переняла все это на себя, проверила на правду все, что мы пережили. Внутри меня пробудилось раскаяние, на вкус оно было горьким и острым. — Это же просто... безумие.

Он снова схватил меня за руку, и его голос звучал настойчиво и наполненный надежной. — Я хотел тебя, даже когда не должен был быть с тобой. Это делает все проще. Зачем нужна эта борьба, если мы уже знаем, как она закончится?

От его слов мое сердце бешено забилося, но я постаралась, чтобы голос не выдал меня. — Потому что мы даже не знаем, как она закончится. Возможно, у меня действительно есть предназначение, в твоём мире или моём, или в обоих... но в данный момент я хотел бы следовать моему предназначению. Я должна по меньшей мере попытаться.

Волосы снова упали ему на лицо, и я отбросила их в сторону и вспомнила о том, как он в первый раз поцеловал меня, тогда, когда я подумала, что это только для того, чтобы сравнить меня с Верити. Октябрьское солнце окрасило все в красное, и от взгляда на Люка у меня перехватило горло. Он перевернул руку и провел большим пальцем по шраму, который проходил через мою ладонь.

— Только, потому что поток остановлен, это не значит, что с нами покончено. Есть еще много, что надо сделать. Я думал, что ты могла бы принять свое предназначение, чтобы помочь?

Я посмотрела вниз на могилу Верити. Одно мгновение я спрашивала себя, что она сделала бы, и затем мне стало ясно, что это не играло никакой роли. Ее больше не было

здесь, и пророчество закончилось, и решение было за мной одной. Связь между Люком, Магией и мной была создана по моему собственному желанию. И так как я не могла сказать нет, я сказала да.

Затем я развернулась в становящемся слабее послеобеденном свете на кладбище зашагала в мир, который я сама выбрала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net